

Алайско-Памирская экспедиция 1928 года

Вилли Рикмер Рикмерс, г. Бремен
д-р Филипп Борхерс, г. Бремен
Карл Вин, г. Мюнхен
д-р Ойген Альвайн, г. Мюнхен
Эрвин Шнайдер, г. Халль в Тироле
д-р Рихард Финстервальдер, г. Мюнхен

перевод с немецкого: Георгий Сальников, г. Новосибирск

Содержание

Предисловие переводчика	3
Алайско-Памирская экспедиция 1928 года	5
Горное путешествие по Памиру	11
Введение	11
От Германии до Кара-Куля	15
Кок-Су-Кур-Баши	22
Кара Джилга	26
Низовья Танымаса	39
Ледник Общества Взаимопомощи (Музкулак)	42
Верховья Танымаса	50
Два перевала и одна река	53
Ледник Федченко, южная часть	67
Вниз по леднику Федченко в Алтын-Мазар	75
Пик Ленина	82
Пик Инвалидов	98
Обратный путь и обзор пройденного	103
Экспедиционная область на Памире	106
Алайский хребет	108
Алайская долина	108
Каракуль на Центральном Памире	110
Долина Караджилги и Юго-Восточный Заалай	111
Танымас	112
От Танымаса до Западного Памира	115
Ледник Федченко	116
Алтын Мазар	122
Долина Саукдары и Западный Заалай	123
Горный узел Гармо	123
Примечания к картографическим приложениям	126

Предисловие переводчика

Представленный документ — это перевод отчета группы немецких и австрийских альпинистов — участников совместной советско-немецкой экспедиции на Памире в 1928 году, которая называлась Алайско-Памирской экспедицией согласно немецким источникам и Первой Памирской экспедицией согласно советским. Оригинал отчета попал в мои руки благодаря знакомому австрийцу из Тироля, с которым мы поружились после горного похода шестой категории сложности по Северо-Западному Памиру в 2004 году, где он и еще двое немцев из Баварии прошли вместе с нами часть маршрута.

Имея в виду, что сколько-нибудь подробные советские отчеты об этой экспедиции, если и существуют, то реально недоступны, и кроме того, поскольку в группе советских участников достаточно сильных альпинистов не было, наиболее значительные и интересные восхождения совершались участниками с немецкой стороны, такой отчет, нечаянно попавший прямо в руки, естественно, вызвал у нас невероятный интерес. Ведь это же сама история первоначального исследования и освоения этих гор, в которых мы так охотно планируем наши собственные маршруты, зачастую проходя как раз по тем самым местам, где почти сто лет назад побывала первая советско-немецкая экспедиция!

В основной состав этой экспедиции входило по 11 участников с каждой стороны: советской и немецкой. Кроме того, в ней работали многочисленные вспомогатели, погонщики, носильщики, солдаты и т. п. Было даже двое профессиональных кинооператоров, снявших в экспедиции небольшой фильм. Руководителем с советской стороны был Николай Горбунов, с немецкой — Вилли Рикмер-Рикмерс. В основном составе работали ученые различных специальностей, причем в число немецких (если быть точными, немецко-австрийских) участников входили четверо из наиболее сильных на то время альпинистов Немецко-Австрийского Альпклуба. Представленный отчет Алайско-Памирской экспедиции 1928 года (будем и далее говорить об этом документе так, как он называется на языке оригинала), за исключением короткого вступления и приложения, написан этими четверыми немецкими альпинистами, что называется, от первого лица. В отчете описаны мероприятия, в основном восхождения на вершины и разведывательные выходы, в которых авторы-альпинисты принимали личное участие, и лишь эпизодически упоминаются параллельные действия других групп.

Сначала группа немецких участников долго добиралась через всю Россию до Оша, откуда экспедиция стартовала в середине июня. Реально интересные с альпинистской точки зрения события начались в районе озера Каракуль почти через месяц. Одной из главных целей, стоящих перед альпинистами, было восхождение на пик Ленина, который в то время считался высочайшей вершиной Советского Союза. Проблему представляло то, что никто пока еще точно не знал, какая именно из нескольких находящихся в районе высоких гор является истинным пиком Ленина. Проведя в верховьях Караджилги массу разведочных восхождений, в том числе на несколько шеститысячников, немцы так и не смогли надежно идентифицировать пик Ленина и отложили восхождение на него до лучших времен.

Затем экспедиция перебазировалась в район Танымаса. Там было исследовано множество ледников, в том числе обнаружен один огромный ледник — Федченко. Пройдя до самых верховьев ледника Грумм-Гржимайло (в предисловии я употребляю современные географические названия), немцы сделали попытку взойти на пик Революции, но, сорвав со склона лавину, отступили. Пройдя на ледник Федченко через перевал Танымас, немцы взойшли на несколько высоких шеститысячников, в том числе пик Фиккера и пик 26 Бакинских Комиссаров. В поисках прохода в долину Ванча, двое немцев спустились до самой реки Абдукагор по ледопаду ледника Медвежий, а потом через него же вернулись обратно наверх. После этого немцы, также вдвоем, прошли перевалом Кашалаяк, оказались на правом берегу реки Ванч и дошли до какого-то кишлака. С целью выяснить его название (это был кишлак Поймазар) безбашенные немцы попытались переплыть Ванч и чуть было не утонули. Примерно в то же самое время, когда немцами был обнаружен легендарный перевал Кашалаяк, советская группа впервые прошла другие популярные в настоящее время перевалы: Шмидта, Розмирович, Язгулемский.

Двигаясь вниз по леднику Федченко, участники экспедиции уточнили его длину и обнаружили, что находятся на самом длинном горном леднике мира. При топографической съемке с вершин, окружающих ледник Федченко, немцы измерили высоту пика Гармо и выяснили, что именно эта гора, а не пик Ленина, является высочайшей вершиной СССР, 7495 м. При обработке результатов уже в Германии определили, что это тот самый пик Гармо, который Рикмерс видел и в Памирской экспедиции 1913 года издалека с запада.

Пройдя по леднику Федченко до самого языка и перейдя вброд реку Муксу, уже в конце сентября, немцы вторично отправились к пику Ленина, на этот раз с запада по долине Сауксай. Уже более трех месяцев находившиеся в высокогорье и поднимавшиеся за это время на 8 шеститысячников, гиперакклиматизированные немцы в очень быстром темпе взойшли на пик Ленина через перевал Крыленко, хотя и на этот раз чуть было не напутали и не залезли вместо Ленина на пик Октябрьский.

Читать оригинал отчета, написанный на немецком языке, причем готическим шрифтом, было совсем не легко, это заняло массу времени, и только благодаря исключительному интересу, удалось прочесть «Готическую книгу» целиком. Относясь к отчету как к историческому документу, я старался переводить его на русский язык максимально близко к тексту. Из-за этого где-то он может звучать не совсем по-русски. Везде по тексту используются географические названия оригинала. Многие из этих названий сохранились до сих пор, но многие также переименованы. В известных мне случаях в подстрочных примечаниях я указывал современные названия. Большинство примечаний — примечания переводчика, то есть мои, за исключением помеченных словами «прим. автора».

Разумеется, все восхождения, совершенные в течение экспедиции 1928 года — это первовосхождения, в основном на местности, где до того вообще не ступала нога человека. В этом смысле к отчету можно относиться и как к справочному материалу.

Георгий Сальников, г. Новосибирск, 2012 г.

Алайско-Памирская экспедиция 1928 года

В. Рикмер Рикмерс, г. Бремен

Эта экспедиция является непосредственным продолжением экспедиции Альпклуба 1913 года. Она была организована Обществом Взаимопомощи Немецкой Науки, Академией Наук СССР и Немецко-Австрийским Альпклубом. Инициатором и усердным защитником идеи был проф. д-р Хайнц фон Фиккер. Благодарность выражается также Государственному министру его Превосходительству д-ру Шмидт-Отту, Николаю Петровичу Горбунову и его Превосходительству д-ру Р. фон Сюдову за неоднократную помощь.

С российской стороны приняли участие господы Беляев (астроном), Дорофеев (топограф), Горбунов (верховный руководитель), Исаков (геодезист), Корженевский (географ), Лабунцов (минералог), Михалков (геофизик), Рейхардт и Соколов (зоологи), Щербаков (геолог и руководитель) и Циммерман (метеоролог). Кроме того, в счет отпуска прибыли проф. Шмидт, генеральный прокурор Крыленко, госпожа Розмирович и д-р Россельс.

В немецкую группу вошли д-р Ойген Алльвайн (врач, альпинист), Ханс Бирзак (топограф), д-р Ф. Борхерс (альпинист), д-р Р. Финстервальдер (фотограмметрия), д-р Ф. Кольхаупт (врач, альпинист), д-р В. Ленц (лингвист), д-р Л. Нёт (геолог), д-р В. Райниг (зоолог), В. Р. Рикмерс (руководитель), Э. Шнайдер (альпинист), К. Вин (физик, альпинист).

Алайско-Памирская экспедиция явилась образцом современного географического сообщества путешественников. Характерно участие большого количества сотрудников из двух стран: 11 немцев и 11 русских, итого 22 человека.

Культурные народы, у которых есть еще неисследованная местность, не желают больше оставаться лишь предметом исследований иностранных ученых, ибо тогда приходится следовать их некомпетентности. Кроме того, они не понимают, почему их древние или редкие исторические экспонаты поступают только в чужие коллекции. И наконец, в народе еще добавляется представление о том, что путешественник едет в место, якобы населенное туземцами. Поэтому всюду провозглашается призыв к самоуважению: «Никаких исследований нашей страны чужаками как за границы без нашего действительного участия как исследователей своей собственной Родины!»

Большие научные штабы давно привычны в морских путешествиях, так корабль сам собой превращается в плавучий университет. Но до недавнего времени массовый призыв на сушу был в основном редкостью, приводящей к неудаче. Почему же тогда Чингисхан со своей армией смог дойти до Европы, а Александр Великий — до Индии? Тут завоевательные мероприятия для сравнения не годятся, так как для войн у народов в запасе всегда было больше денег и силы духа. Рискованное экономическое или научное мероприятие достается одиночкам или общественным организациям, в то время как полководец располагает неограниченными денежными средствами и неограниченной властью. И только после него ученые смогут думать и действовать самостоятельно, что, кстати, запрещается солдатам.

Там, где земная поверхность позволяет, особенно в степи и в пустыне, морское движение можно изображать и на земле с тех пор, как у нас есть автомобиль. Представляю забавное сравнение эскадры машин в пустыне с флотом в Ледовитом океане.

С такой косвенной точки зрения мероприятия типа Алайско-Памирской экспедиции — это результат постепенного перехода от исследовательской экспедиции к рабочей, от первичного посещения ландшафта к его точной съемке. По-настоящему исследовательские путешествия лучше всего совершать в одиночку или вдвоем, так как широте просторов должна соответствовать большая мобильность. В старину первооткрыватель был одновременно ориентировщиком на местности и картографом, независимо от того, в какой научной области он считался компетентным специалистом. Без знания местности его результаты были бы географически бесполезны, так как география — это и есть нанесение всех сведений на карту. В то время горы, леса, животные, народы были настолько новыми, что их нужно было просто рассматривать невооруженным глазом и описывать живым пером.

Современный мир уже открыт, то есть в общих чертах известен. В рамках смелых проектов ничего не делают. Теперь пора заполнять мозаику между контурами. Вместо искателя появляется исследователь, вместо геолога — шахтер, вместо глаза — инструмент, вместо рассказчика — топограф и статистик. Благодаря транспорту мир становится тесен, и народы начинают взаимно открываться друг другу. Едва ли где-то еще есть коренные жители, для которых подвергнуться исследованию очкастыми европейцами не стало бы уже регулярным и ожидаемым календарным событием.

Разница между крупным земледелием и садоводством знакома каждому. Тесное поле нужно обрабатывать основательнее. Отсюда следует разделение понятия исследовательского путешествия на «путешествие» и «исследование». Организация путешествия стала отдельной наукой, достоящейся руководителю. Он заботится о том, чтобы ученый как можно быстрее попал в рабочую обстановку, где, не будучи отягощенным бытовыми проблемами, смог бы посвятить себя наблюдениям. Он строит подвижную станцию как дополнение к исследовательским учреждениям на Родине.

Как на любом крупном производстве, так же и здесь большему расходу сил и средств должен соответствовать более быстрый успех в единицу времени. Раньше исследовательские экспедиции зачастую длились долгие годы. Путешествие на Памир продолжалось шесть с половиной месяцев, из которых только пять приходились на

чисто рабочее время. Тем не менее, научные результаты занимают те же тысячи страниц.

Теперь пора разъяснить, почему мы не можем поведать ничего волнующего. У нас нет права ни на какие приключения, если мы намерены своевременно и добросовестно выполнить задачу. Путешественник старого толка искал приключений, он отправлялся в путь не только искать предполагаемое, но также и преодолевать неожиданности. Он искал новые пути через целые части света и мировые океаны. Для современного же руководителя экспедиции приключение означает организационную ошибку или несчастный случай на производстве.

Так что глубокоуважаемой публике придется перестроиться, если хочется оценивать экспедиционные отчеты по количеству переживаний, так как приключение в виде удачно или неудачно перенесенной аварии неизбежно превращается в приключение руководства мероприятием. Вместо наглядного, зрелищного ощущения борьбы постепенно приходит ощущение всеобщего расчета и контроля, где будет виден только окончательный успех, в то время как сопутствующие тревожные обстоятельства останутся в душе организатора. При этом риск становится еще больше. Тот, кто ставит на карту лишь себя самого, может каждый раз начать сначала. Но кто ставит на карту весь коллектив, тот обычно получает удовлетворение, как капитан после кораблекрушения.

Научные объединения поставили Алайско-Памирской экспедиции научные задачи, в которых альпинисты, безусловно, также приняли большое участие, разведывая территории, и которое, несмотря на их блистательные покорения вершин, нельзя рассматривать с чисто спортивной точки зрения. Они заслуживают научного внимания также как пример человеческой силы духа и работоспособности.

Здесь не место для исчерпывающего географического отчета. И у альпинистов еще будет много чего порассказать на последующих страницах. Короче говоря, я отсылаю читателя к уже полученным и еще обрабатываемым результатам. Финстервальдер обещает нам целый ряд карт, в первую очередь фотограмметрическую карту тысячи квадратных километров горной местности в масштабе 1:50000 с 70-километровым ледником Федченко и его притоками. По подробности и по точности она будет соответствовать современным картам Альпклуба. Никогда еще не привозили домой такую качественную карту ранее не исследованных районов. Еще бóльшая карта-хребтовка, покрывающая пятнадцать тысяч квадратных километров, представит горные цепи Сель-Тау,¹ Заалая и Западного Памира, однако не все территории с одной и той же точностью. Тем не менее, она превзойдет все, что до сих пор могло быть выполнено при тех же затратах труда и времени за измерительным столом. К этому же относятся особые карты по гляциологии. Ханс Бирзак, верный оруженосец Финстервальдера, может гордиться своей бескорыстной работой на этот важный результат. Дальнейшие подробности о научных успехах можно почерпнуть в предварительном отчете Общества Взаимопомощи (Дойче Форшунг, Из трудов Общества Взаимопомо-

¹Хребет Академии Наук

щи Немецкой Науки, сборник 10, Алайско-Памирская экспедиция 1928 года. Берлин 1929, 196 страниц, ср. «Сообщения 1928 г.», с. 121 – 123 и 191 – 201).²

Проф. Циммерман из Ташкента установил три метеостанции, которыми управляли его помощники, в то время как он сам сопровождал нас в горы. Новые сведения о климате Памира будут особенно полезны для гляциологии. Д-р Нёт, из школы проф. фон Клебельсберга, собрал геологические факты, впервые дающие неспециалисту общую картину в виде карты. Словами так же кратко их не сформулировать. Д-р Райниг, зоолог, объехал весь Памир, изучая местные породы, популяции и высотное распространение животных. Попутно он занимался легко изменчивыми жужелицами и шмелями. Я терял его из поля зрения месяцами. Когда мы с ним снова встретились в точности в условленном месте и в условленный день, он уже стал лучшим немецким знатоком Памира на сегодня. Д-р Ленц поселился в верховьях долины Бартанга, где углубленно изучал характерные особенности гальчей, или горных таджиков. Там он обнаружил огромное сокровище устно передаваемой поэзии и изучал остатки древних восточно-иранских языков. Позже к нему присоединился д-р Кольхаупт, первооткрыватель перевала Танымас.

Горбунов собрал множество растений с особым прицелом на прикладную ботанику. Кроме того, с помощью ножа и шприца он пытался содействовать курдючной овце в неожиданном материнстве от дикого памирского барана. Астроном проф. Беляев и топограф Дорофеев участвовали в ориентировании и картографических съемках. Рейхардт и Соколов собирали животных. Проф. Корженевский открыл новый ледник на Заалае, но из-за своего больного сердца не мог сопровождать нас в высокогорье. Радиотехника, геомагнетизм и многие другие специальные предметы также имели квалифицированных представителей. Геолог проф. Щербаков не нашел времени для своей науки, он пожертвовал собой ради общего блага и заполнял мои географические пробелы, возникшие из-за событий последних 15 лет.

Если мы переплывем Каспийское море и ступим на его восточное побережье, то перед нами в бескрайние дали раскинется море песка. Это начало полосы пустынь и степей, которая тянется через всю Азию. Но пустошь прерывается плодородными ландшафтами, где среди рощ и виноградников лежат богатые деревни. Если мы пройдем этот пояс оазисов, то обязательно наткнемся на какие-либо из могущественных гор Азии: Тянь-Шань, Гималаи, Гиндукуш или Алай. На карте это выглядит, как изображение спрута, щупальца которого глубоко внедряются в Персию и Китай. И голова этого спрута — Памир, самый примечательный горный узел мира в геологическом и культурно-историческом аспекте.

Миллионы лет назад Земля растягивалась и выгибалась в страшных схватках. Складки горных пород превращались в длинные, высокие до небес волны — первоначальные прототипы современных гор. Затем механизм внутренних сил природы отшлифовывал их более тонкой рукой художника, которой является воздействие ветров и погоды. В течение тысячелетий гребни заострились, долины избороздили их

²Deutsche Forschung, Aus der Arbeit der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft, Heft 10, Die Alai-Pamir-Expedition 1928. Berlin 1929, 196 Seiten, vgl. «Mitteilungen 1928», S. 121/123 und 191/201

края, и парад вершин простирался от Атлантического до Тихого океана. Потом наступил ледниковый период, позднейшая часть истории Земли. Над освещенными ярким солнцем пустынями Туркестана сверкали огромные ледяные соборы, сравнимые с ледовым куполом Гренландии. Ледники бахромой свисали в ущелья. Наконец, последовал постледниковый период, в котором мы и живем сегодня. Ледовое покрывало сократилось, ледники отступили. И вторично бесчисленные тысячелетия видели игру ветров и воды. Жар с равнин засасывался вверх по горным склонам и вылизывал ледники, потоки от таяния которых, полные песка и ила, катились в долину. Охлажденные льдом верхние слои воздуха с шумом спадали вниз, выдувая мельчайшую пыль с ледниковых осыпей. По мере смены ветров постепенно происходило просеивание. Вдали от гор накапливался речной песок, создавая дюнные ландшафты. В горах откладывался лесс или глина.

Этот пояс лесса на краю гор стал основой культуры. Пришли более спокойные времена. Реки проточили себе постоянные русла, на их берегах начала расти зелень. В конце концов появился человек. Он научился усмирять воду и орошать поля. Упрямые горы окаймлялись оазисами, так как пропитанный водой лесс неслыханно плодороден. Культура выросла из глины. Но где человек легко орошает водой, там он так же легко орошает и кровью. Чингисхан, Тамерлан и Александр Великий оставили глубочайшие борозды меча на исторической земле, где созидание и разрушение, культура и жестокость жили вместе так тесно, как едва ли где-то еще.

Кто посетит сегодня Туркестан, сразу почувствует себя в стране ярчайших противоположностей. В одну сторону от железной дороги видно ослепительную, раскаленную песчаную пустыню, а там, в вышине над ней, яркие фирновые гребни пустыни холода. Но кто ясным осенним утром поднимется на минарет мечети Улугбека в Самарканде, тот также ощутит, что противоположности могут дополняться прелестной мягкостью. Кругом простираются плодовые сады, у ног кипит жизнь богатого города. Он увидит выпадение осадков в борьбе верхних и нижних, холодных и горячих сил. Он увидит рожденный ветрами лесс и рожденные льдами воды, вместе создавшие цветущую страну.

Теперь читатель поймет, почему про Туркестан я утверждаю кратко: без ледника — никакой культуры! Так как летом не бывает дождей, пашни предоставлены исключительно искусственному орошению, а вода рек является исключительно ледниковой водой. Без гор, где зимние снега накапливаются и спрессовываются в лед, равнины были бы пустыней. Из этого тезиса кратко вытекало поставленное нам задание. Цивилизованная страна равнин была давно известным фактом человеческой истории. Но геологические причины находятся преимущественно в горах, до последнего игнорируемых любопытными путешественниками. Алайско-Памирская экспедиция должна была исследовать высокогорные ледниковые массивы Туркестана. В первую очередь рождалась географическая карта — основа всей географической науки. Распутывание лабиринта горных вершин и ледников занимало наших топографов и астрономов. Сюда естественно примыкала геология как описание горных пород и метеорология как описание действующих на них сил. Исследователи растений и животных наблюдали жизнь в открытом ветрам высокогорье. И наконец, мы искали

людей, добывающих скудное существование в борьбе с негостеприимной природой. В верховьях долин живут остатки наших арийских предков. Скудные лоскутки народа, вытесненные набегами монголов, зацепились за зубцы гор и все же сумели сохранить свою древнюю культуру.

Конечно, для подобного мероприятия годятся только ученые, одновременно являющиеся альпинистами, и альпинисты, чья тяга к спортивной деятельности готова шагать впереди ученого на непроторенных путях.

Это не было сенсационной поездкой, богатой на приключения. Это была очень большая научная работа. От лица моих сотрудников могу сказать: «Да, они вплели новые стебли в тесно переплетенные за два столетия венки славы русской и немецкой науки».

На этом месте я благодарю своих попутчиков за горячее участие, облегчившее мою задачу. Существует почти хрестоматийный тезис о том, что в больших группах путешественников никогда не обходится без провала. Здесь, однако, свершилось чудо, когда тридцать человек, русские и немцы, месяцами единодушно жили вместе, хотя даже случайно оброненное слово могло их разъединить.

Горное путешествие по Памиру³

**Д-р Филипп Борхерс, г. Бремен, Карл Вин, г. Мюнхен,
отдельные статьи: д-р Ойген Альвайн, г. Мюнхен,
Эрвин Шнайдер, г. Халль в Тироле**

Введение

Ф. Борхерс

Зарубежные горные путешествия! Если бы мы честно признались, что в первую очередь сами получили счастье стать посланцами во внеевропейские высокогорные массивы, мы узнали бы самих себя в глубокомысленной поэзии песни Айхендорфа про веселого немецкого туриста: «Кого Бог истинно полюбит, того отправит он в далекий мир!» Странствовать, смотреть, творить, переживать — наверное, никогда не будет познана эта загадка нашей немецкой души — пожалуй, первопричина многочисленных путешествий, как одиночек, так и целых племен в течение тысячелетий. Это влечение вдаль, эта тоска по далеким мирам мощно движет и нас, альпийских путешественников, отчасти осознанно, отчасти лишь в подсознании. Так как колыбель наша не находилась в немецком горном районе, это стремление, пожалуй, было первым толчком к поиску немецкого высокогорного массива, где мы нашли вторую родину, и это значительная часть основы, на которой выросли наши идеалы, в которой корни нашего Альпклуба. Ведь странствовать и смотреть, искать и исследовать неразрывно связано друг с другом. Так это было при открытии Альп, так это и поныне у всех, кто ходит не бессмысленно, а с открытыми глазами, и не только на трудных скалах или разорванном леднике, а везде, в том числе и на легких тропах, и неважно, идет это на пользу общества, или лишь для собственной души и тела.

³Общество Взаимопомощи Немецкой Науки издало предварительный отчет о результатах и впечатлениях всех немецких участников экспедиции в сборнике 10 Дойче Форшунг (Алайско-Памирская экспедиция), 196 страниц А4 с 9 иллюстрациями в тексте и 17 на вкладках, и 2 картами, Карл-Сигизмунд-Ферлаг, Берлин 1929, цена 10 рейхсмарок. Heft 10 der Deutschen Forschung (Alai-Pamir-Expedition), 196 S. 8' mit 9 Abb. im Text und 17 auf Tafeln nebst 2 Karten, Karl Siegismund-Verlag, Berlin 1929, Preis RM. 10.— — *прим. автора*

Конечно, по прошествии десятилетий наши Альпы изучены и в географическом, и в альпинистском аспекте, почти все кажущиеся сколько-нибудь возможными пути на горные вершины уже пройдены и описаны, мало что осталось исследовать с пользой для общества. Сам по себе этот факт уже обращает взгляд к далеким мирам. Но и благодаря существованию наших Альп мы должны смотреть шире их границ, и я согласен с мыслью фон Клеббельсберга, которой он начал свой геологический отчет о первой Памирской экспедиции в «Цайтшрифте» за 1914 год (стр. 52).⁴ «Есть два аспекта: знакомство с Альпами и знание Альп в целом. Для первой цели достаточно рассмотрения самих Альп, но если нужно изучать Альпы в целом, горизонт должен быть гораздо шире. . . Как было бы однобоко и несовершенно наше представление, если бы ничего не было известно о высочайших вершинах Гималаев, если бы наши сведения о высокогорье отсутствовали как раз там, где оно громаднее всего». Чем дальше, тем меньше счастливых могут быть избраны для таких исследовательских путешествий, и потому их устные и письменные сообщения, их рисунки и картографические съемки приближают дальние земли также и к оставшимся на родине, позволяют им душой принимать участие в экспедициях, в их работе и в полученных результатах. При современной роли нашего немецкого народа исследования высокогорья в других частях света важны для нас вдвойне. Должны ли мы во всех отношениях предоставить весь мир другим нациям? Мы не желаем политически и экономически приковывать себя к областям, оставленным нам для свободной деятельности. Это означало бы плохо управлять нашим наследием. Немецко-Австрийский Альпклуб, благодаря своей репутации, в первую очередь призван заботиться об исследовании высокогорных массивов мира. Там, где еще ни разу не ступала нога европейца, там альпинизм и научные исследования неразрывно связаны друг с другом. К счастью, в наших рядах есть как мужи науки, так и альпинисты, доросшие до этих заданий. В таких мероприятиях мы служим дорогому немецкому отечеству, вносим наш скромный вклад в мировую репутацию всего немецкого народа. В них исполняем мы цель, стоящую в уставе нашего Альпклуба на первом месте: «Продолжать и расширять наши знания о высокогорных массивах».

Идея об исследовательских работах в дальней горной стране, инициированная секцией Бреслау, была подготовлена в Альпклубе еще до войны и нашла первую практическую реализацию в рамках Памирской экспедиции 1913 года. Руководил и в тот раз В. Р. Рикмерс. Он вытащил с собой свою жену, проф. фон Фиккера, д-ра фон Клеббельсберга, д-ра Даймлера, д-ра Кальтенбаха с женой и Э. Кульмана. Успехи экспедиции известны нам в том числе из «Цайтшрифта» за 1914 год.⁵ Самое главное — в какой-то мере этим были сломаны запреты и указаны пути на будущее.

Война и ее горестный конец, инфляция и нищета, вся эта тяжкая нужда немецкого народа снова отразилась на Альпклубе. Десять лет руки были связаны. Но как только с укреплением валюты у Клуба снова образовалась материальная база, и мечты непосредственно послевоенных лет уже не выглядели безнадежными утопиями,

⁴«Zeitschrift» 1914 (Seite 52)

⁵«Zeitschrift 1914»

в Альпклубе опять задумались о внеальпийских высокогорных массивах. Паульке, Пенк, Вессели и фон Цан в узком кругу центрального комитета первыми агитировали за эту мысль, формулировали и представляли ее на общих собраниях. Самую теплую поддержку они нашли у Блодига, Гисенхагена, фон Клебельсберга, Релена, Сотира и других господ (я не могу перечислить все фамилии), и прежде всего, у первого руководителя нашего Клуба, его Превосходительства фон Сюдова. Для сбора денежных средств секции Баварии и Райхенштайнера предоставили взносы общего собрания, многочисленные другие секции также активно содействовали делу. Конечно, хватало и предостережений, но и это было полезно. Впоследствии сомневавшиеся убеждались и сами становились еще более важными сторонниками. Первый взнос в сумме 10000 рейхсмарок был утвержден общим собранием еще в 1924 году — в первый год твердой валюты, последующие согласно решению общего собрания 1925 года вносили ежегодно. Основательно прорабатывали печатные материалы о высокогорных массивах мира. Географы по первому запросу давали справки и советы, в первую очередь я назову исследователя Анд проф. Херцога. Выработали меморандум о высокогорных массивах мира, из которых прежде всего были рекомендованы Памир и Кордильера Реал в Боливии.

Проф. фон Фиккер много лет лелеял планы продвижения исследований 1913 года на Памире дальше на восток, но, к нашему величайшему сожалению, сам не мог принять участие в экспедиции. Общество Взаимопомощи Немецкой Науки также обратило внимание на эту область и для совместных немецких и российских работ на Памире уже осенью 1925 года наладило первые связи с российским правительством и с Российской Академией Наук. Привлекли В. Р. Рикмерса. Они с фон Фиккером в конце 1926 года представили план экспедиции. Все сохранялось в строгом секрете, как это обычно бывает при первичной подготовке. Правда, просочилась информация, якобы что-то запланировали, но что именно, было неизвестно. В начале 1927 года его Превосходительство Шмидт-Отт и его Превосходительство фон Сюдов уже наладили связь между Обществом Взаимопомощи и Альпклубом, которой суждено было оказаться весьма плодотворной. Весной 1927 года, благодаря накопленным средствам, подкомиссия Альпклуба по внеевропейским мероприятиям на вопрос, Южная Америка или Азия, впервые смогла ответить: «и то, и другое». Таким образом, Альпклуб с радостью принял приглашение Общества Взаимопомощи присоединиться к запланированной большой экспедиции группой из четверых альпинистов за свой счет. «Осенние маневры» (по выражению Релена) в хребте Монблана, где тогда же и Пфанн занимался со своей группой, уже в 1927 году позволили нам четверым стать хорошими приятелями, если уж горная дружба раньше не связала нас друг с другом.

Обширные научные и альпинистские задачи можно было очень эффективно увязывать друг с другом не только при планировании работ экспедиции, но и позже на практике. Мы, четверо альпинистов, образовали собственную группу в рамках большой экспедиции, но были в ней полноправными членами. По понятным соображениям, в первую очередь нашей целью были высокие вершины, в том числе, по возможности, и наивысшая гора Российской империи. Впрочем, где именно она находилась, совершенно не было известно. Обнаружение всех этих гор и особенно интере-

сующих наших заказчиков перевалов, а также разведка удобных подходов к местам работ, наряду с альпинистскими, содержали также обилие географических задач. В дальнейшем мы должны были послужить науке таким образом, чтобы с нашим альпинистским опытом по мере необходимости прокладывать дорогу ученым и помогать им вообще. Для непосредственного участия в научных работах Вин, студент-физик, в 1927 году был обучен Финстервальдером фотограмметрии, так что он мог проводить топографические съемки самостоятельно. Кроме того, он был специалистом по коротковолновым радиоприемникам. Шнайдер, студент горнодобывающей промышленности, был прикреплен к Нёту в качестве помощника для вспомогательных геологических работ, а в дальнейшем для рисования абрисов и эскизов карт. Алльвайн по второй профессии был врач, я — фотограф.

Дипломатические приготовления к дороге и все, что с этим связано, было в руках неутомимого проф. фон Фиккера, который, впрочем, и после экспедиции много трудился над обработкой результатов. Снаряжение было заботой нашего руководителя экспедиции Рикмерса. Правильнее было бы назвать это борьбой со снаряжением. Так как у Рикмерса в этом был богатый опыт, начал он очень своевременно и работал очень тщательно, по строгой системе. Еще ранним летом 1927 года он выдал участникам перечень снаряжения на 54 машинописных страницах для проверки и высказывания пожеланий. Отсюда можно оценить, сколько разнообразного барахла набрали мы с собой. Так как Рикмерс приобретал очень многое и для русских участников экспедиции, он должен был проделать титанический труд. Месяцами он работал лишь для подготовки многочисленной экспедиции. Так как общественное снаряжение должно находиться в одних руках, остальные почти не могли помочь при подготовке, так что Рикмерс осуществлял свои собственные идеи. Но и каждый из участников также имел свою собственную упаковку, прежде всего для доставки технического оборудования, иногда даже представляющего собой совершенно новые конструкции. Мы не брали кислородных аппаратов, они были нам не нужны. Переписка была громадна. С некоторым ужасом рассматриваю я сегодня в одиночку свои собственные толстые дела, над которыми основательно трудился, отчасти как референт центрального комитета для обеих экспедиций Альпклуба, отчасти как участник нашей экспедиции, или целиком написал сам. Также необходимы были визиты к поставщикам снаряжения. Они усердно подкрепляли наше дело качественными поставками и значительными скидками, неоднократно даже безвозмездно. С экипировкой для нас, альпинистов, особенно помогли мой старый друг Хильдебранд-Берлин (8 больших ящиков шоколада и т. д.), фирмы Эрих-Берлин (штормовые костюмы), Ханс Гётцфрид-Зонтхофен и Хадерер-Гроссмайн (ботинки), Ханфверке-Фюссен (веревки), Отмар Херц-Зонтхофен (сыр), Клеппер-Розенхайм (палатки, плащи, спальники), Ляйтц-Ветцлар (фотоаппарат «Лейка»), Перутц-Мюнхен (фотопластинки и пленки), Шустер-Мюнхен (генеральный поставщик снаряжения для высокогорных походов, одежды, палаток, спальников и др.), Цейсс-Икон-Дрезден (фотоаппараты) и некоторые другие. Я не могу больше перечислять все эти многие десятки фирм, поставки которых находились лишь в руках Рикмерса и которые, конечно, также помогали нам, альпинистам, но и они достойны нашей благодарности. В остальном

нам помогали и советом, и делом как друзья, так и ранее неизвестные мне господа из нашей общей немецкой Родины, из Швейцарии и из Англии. И наконец, на этом месте я с благодарностью вспоминаю наших родственников, прежде всего матерей и жен, не столько за то, что они собирали нас в большое путешествие, сколько за их отважные сердца, которые Нансен в книге «В ночи и льдах» так метко характеризует словами, которыми он посвятил эту книгу своей жене:

«Ей, имевшей мужество ждать».

От Германии до Кара-Куля

Ф. Борхерс

11 мая 1928 года, после душевных прощальных вечеров в Мюнхене и в Берлине, мы, немецкие участники экспедиции, выехали из Штеттина на пароходе «Пруссия» Штеттинской пароходной компании и 14 мая выгрузились в Ленинграде. Эту дорогу выбрали, с одной стороны, так как с нашими примерно 8000 кг багажа она была самая дешевая, а с другой стороны, таким образом с нашим ценным оборудованием мы могли въехать в Россию, не затрагивая промежуточных государств. В порту нас встретили профессора Ферсман и Щербаков, на плечах которых лежала основная нагрузка организации с российской стороны и которые в определенной степени были противоположностью фон Фиккера и Рикмерса. Гостеприимство, которым мы насладились в России, началось с освобождения от уплаты таможенных пошлин и осмотра нашей ручной клади — льготы, которая позже, после преодоления преград, досталась также и большому багажу, который, кроме всего прочего, затем был отправлен по железной дороге в Туркестан в особом вагоне скорого поезда бесплатно. В Ленинграде состоялось заседание Академии Наук и прием у ее президента проф. Карпинского с супругой, затем посещение научных институтов и музеев с их чудесными, совершенно невредимыми сокровищами, а также прием у немецкого генерального консула. Похожее повторилось и в Москве: встреча на вокзале с киносъёмкой; правительственные машины; совещание с Горбуновым, покровителем экспедиции главой Исполнительного Комитета Совета Народных Комиссаров, командующим союзными вооруженными силами и к тому же генеральным прокурором Крыленко и другими господами; два банкета с речами; прием у немецкого посла графа Брокдорффа-Рантцау; экскурсия по закрытому от обычных людей Кремлю и по другим достопримечательностям: короче, всюду радушный прием и готовность помочь.

С вечера 22 мая по утро 27 мая продолжалась поездка по железной дороге от Москвы через Оренбург до Ташкента. Там начали верное и необходимое сопровождение Перлин и Юдин I. Остальные товарищи из России следовали позже, если, как проф. Корженевский и Циммерман, сами не проживали в Ташкенте. Теперь мы находились посреди Азии, примерно на равном удалении от Северного Ледовитого океана и от южной оконечности Индии, от Смирны и от Пекина. Благоговейно ступили



Рис. 1. Караван верблюдов в Оше.

мы в исторические места Самарканда и (в конце экспедиции) Бухары. Неизгладимо, незабываемо обуяла нас жизнь Востока. Хоть здесь и неуместно изображать все эти многочисленные глубокие впечатления, которые мы испытали в европейской части России и в Туркестане.

Железная дорога заканчивается в широкой плодородной долине Ферганы примерно в 60 км восточнее большого города Андижан, немного не доходя до гор напротив Китая. От Андижана до Оша примерно 50 км грунтовой дороги, от маленькой станции Кара-Су — около 20 км. Здесь пройдет и грузовик, но на всех пространствах по-прежнему, как уже в течение многих столетий, царит арба — телега с колесами высотой 2 м и шириной колеи 1.85 м. Рикмерс и Нёт, выехавшие заранее, прибыли в Ош 30 мая, остальные — 3 июня. Расположенный на высоте 1200 м Ош — городок с 30000 жителей — при плотном заселении долины Ферганы сам по себе не имел бы особого значения. Но это исторический исходный пункт на пути караванов в Кашгар в Китайском Туркестане. Достичь горной страны Памир также легче всего, используя первую треть этого пути. В Оше снаряжался наш караван. Наняли 60 верблюдов (рис. 1 на стр. 16), 85 вьючных лошадей и 30 человек — поваров и погонщиков (последние сами были хозяевами вьючных лошадей). 33 особенно привычные к горам верховые лошади наши русские товарищи уже купили раньше. Все получилось превосходно — отличная работа нашего руководителя и организатора Рикмерса, со стоическим спокойствием которого не могли соперничать даже жители Востока. Тем не менее, 10 дней пришлось ожидать наш багаж. При изнурительной жаре, в то время господствовавшей в Ферганской долине, лучше всего мы чувствовали себя в прохладной воде горной реки. И все же мы еще нашли достаточно стимулов поднять-

ся на 100 – 150 м над долиной на близлежащую известняковую гору Сулейман-Тау посмотреть висячие сады, а также зачастую окутанные облаками горные хребты на юге и на востоке. В остальное время мы, четверо альпинистов, били баклуши, в то время как мужи науки, разве что кроме неутомимого Райнига, вели себя таким образом, как будто бы что-то делали.

15 июня арба за арбой въезжали на наш двор — багаж прибыл на место. Жара была забыта, все сильные мужчины приступили к упаковке, Шнайдер и Вин были «старшими кидалами ящиков». Вьючных животных вели на двор и нагружали, фото- и киноаппараты строчили, как пулеметы. 18 июня все было готово, и 19 июня мы выехали на лошадях с военным эскортом из одного лейтенанта и семи солдат навстречу прохладным горам. Корженевский и Нёт с десятью солдатами выехали вперед еще 12 июня.

Алайские горы пересекали по весьма хорошо поддерживаемому, снабженному мостами вышеупомянутому караванному пути Ош – перевал Чигирчик 2200 м – Гульча 1500 м – Суси-Курган – перевал Талдык 3600 м – Сары-Таш 3000 м. На этот примерно 180-километровый этап потребовалось 8 дней. Наш большой караван, разбитый на несколько отрядов, должен был соответственно маршевой скорости передвигаться в направлении очередного пастбища. Алайские горы здесь довольно широки, но те, которые видны с дороги, в основном ни высоки, ни привлекательны. Дальше по сторонам должно быть гораздо красивее, особенно там, где горы поднимаются выше 5000 м. Но там искать было нечего: эта горная страна в некоторой степени уже известна, хотя покорены до сих пор лишь немногие высокие вершины. Наши цели находились дальше на юге. Тем не менее, мы использовали один день отдыха, а впоследствии раннюю стоянку или ожидание вьючных лошадей для того, чтобы сходить на четыре горных вершины для наблюдений. Прежде всего, самая северо-восточная высотой примерно 2800 м в хребте Мурдаш близ Гульчи дала нам впечатляющий обзор почти хрестоматийно выглядящей эрозии в северной части гор. Однако мы направляли наши истосковавшиеся взгляды на юг, где, как мы полагали, была видна часть Заалая. Затем через два дня хода по однообразной долине Гульчи долина расширяется. Хребет Ак-Таш, в переводе «Белый камень», гордыми скальными зубцами возносит светлые известняковые вершины высотой около 3500 м. В жидком, как объяснил Циммерман, пустынно-пылевом тумане их спиралевидные крутые каровые стены вздымались вверх еще более завораживающе. Мы шагали по красной земле. Маленький перевал, преодолеваемый для обхода ущелья, впадающего в ту же долину, называется Кызыл-Белес. Кызыл — значит красный, здесь весь грунт и все скалы из песчаника ярко красного цвета. Однажды ночью с 25 на 26 июня, когда мы стояли лагерем в урочище Ольгин-Луг, некоторые из пасущихся без привязи исключительно бодрых верховых лошадей по обыкновению опять от нас убежали. К сожалению, среди беглецов был «Жоржет» Шнайдера и мой «Дикий Осел», по такому случаю заодно я представлю «Ксаверля» Алльвайна и «Петера» Вина. Юдин II и трое местных искали и ждали с нами до тех пор, пока киргиз верхом на яке не пригнал лошадей к нам обратно. Теперь, чтобы как можно быстрее снова догнать основную группу, мы выбрали не перевал Талдык, а более короткий, хотя и более крутой пе-

ревал Кой-Джули, на который оказалось удобно и быстро подниматься, держась за конские хвосты. Там, наверху мы со Шнайдером не смогли отказать себе в удовольствии залезть на близкую скальную вершину. Между прочим, то же самое желание Алльвайн и Вин осуществили на перевале Талдык. Затем дорога круто спустилась на юг.

Теперь мы находились в Алайской долине шириной 20 км, а именно, на ее северном краю, в Сары-Таше, по-немецки «Желтый камень». Это даже не отдельная деревня, а название целого ландшафта. Здесь, в горах, в стране кочевников почти нет постоянных деревень, собственно, только зимние поселения. Но так как жизненная необходимость требует названий населенных пунктов, киргизы дали имя определенным местностям, главным образом хорошим пастбищам, которые, впрочем, посещаются отдельными семьями по строго отрегулированному календарному плану. Также и в этот раз поблизости от нас киргизская семья поставила свою юрту — жилье, которое встречается по всей северной половине Азии и которое, пожалуй, уже в течение тысячелетий в одном и том же виде служит странствующим народам. В форме сырного колпака без ручки, примерно 2.5 метра в высоту и 4.5 метра в поперечнике, внутри деревянный решетчатый каркас в виде ножниц и тонкие деревянные стропила, на них войлочный потолок, на полу плетенка из камыша, вверху дымоотводный канал, поверх которого по мере надобности также может натягиваться войлочная крыша, дверь из плетеного хвороста и ковра, все это можно свернуть или сложить вместе, легкое, но прочное, полтора верблюжьих вьюка, устанавливается за два часа, разбирается за один час, летом прохладно, зимой тепло — это и есть юрта, дом кочевых киргизов. Мы охотно посещали их, если наталкивались в течение экспедиции; к сожалению, это были только очень скудные поселения. Очевидно, и мы были желанными гостями. Молва о том, что мы хорошо платим серебряными деньгами и дарим прекрасные подарки, опережала нас, как мы, европейцы, пожалуй, больше никогда не ощутим. Мы сидели в юрте на коврах или на шкурах архара (дикого барана). Беседа сталкивалась с маленькой трудностью: одни свободно говорили только по-киргизски, другие — только по-немецки. Но нам вполне помогало любезно улыбаться друг другу, этим можно было целиком заполнить получасовой визит. Здесь не нужны были, к примеру, философские беседы — ну откуда в природе философия? О еде, питье, дороге, домашних животных и тому подобных реальных делах легко было договориться. Нам предлагали лепешки (плоский хлеб), сушеное мясо, творог и молоко в любой форме, а мы обычно давали чай, соль, сахар. Между прочим, это способствовало языковому обогащению. Так, по-видимому до сих пор неизвестный шоколад назывался «герман-кант» — немецкий сахар, в то время как он же в качестве напитка получил название «герман-чай» — немецкий чай. Ножницы и ножи были также очень популярны, но более всего — снежные очки. Мы, в свою очередь, особенно ценили молоко. Собственно, это целая глава, притом очень приятная. У киргизов шесть видов «дойных коров»: кобылы, яки, верблюды, козы, овцы, и настоящие коровы. Любое молоко очень жирное. Свежее молоко яка фантастически деликатное, оно самое вкусное. «Каймак» — это густые сладкие сливки, чтобы полакомиться. Если хотят поесть, просят «айран» — густой, творожистый, немного

кисловатый молочный напиток. Можно хорошо насытиться четвертью литра. Если хотят пить, просят «кумыс» — жидкое, забродившее, кисловатое кобылье молоко, слегка алкогольное. «Айран» и «кумыс» лучше всего хранятся в ямах и «по возможности подаются на стол прохладными». Мы наслаждались этим великолепием так часто, как только могли.

На караванном пути Ош – Кашгар, от которого в Сары-Таше ответвляется дорога на Кара-куль, после освобождения от зимнего снега было оживленное движение, ежедневно демонстрирующее нам, новичкам в Азии, что-то новое. Самым странным были, очевидно, два больших, снабженных мощными несущими брусьями паланкина, которые несли по лошади спереди и сзади. Таким способом два китайца путешествовали из Кашгара в Ош. По-особенному выглядели также маленькие, но сильные ослы с большими тюками хлопка на каждом боку; они прибывали также из Китайского Туркестана, в то время как туда везли главным образом промышленные товары с запада. Впрочем, мы не очень любили ослов, так как в своем досуге они слишком часто отравляли наш своим отвратительным ревом. «Там снова пыжится какой-то осел», — говорили мы в ответ.

Иначе ведут себя наши товарищи верблюды — самые полезные и сильные среди вьючных животных, способные нести до 600 фунтов. Днем они с удовольствием пасутся и отдыхают, а ночью караваны отправляются в путь. Обычно по 5 – 10 животных привязывают друг за другом на одну веревку; вожаки носят на шее большой колокол, на котором часто висят еще маленькие. «С неописуемым чувством внимательно слушают вдалеке глухой зовущий звук колоколов; звук становится все светлее, он звучит серьезно и торжественно и отмечает величественно спокойную поступь верблюдов. Если смотреть на них ночью, то видно, как призрачно проплывают могучие черные тени; их мягкие шаги беззвучны, но колокола звенят пронизывающим тоном, и эхо от скальных стен отвечает тем же. Бредут назад в лагерь и слышат, как звон медленно замирает меж гор. Кто не поймет, как этот простой звук колоколов мог гипнотически влиять на мои слуховые нервы и воспоминаниями об этом обращать мысли к свету и радости? Уж двадцать лет прошло с тех пор, как я впервые услышал этот звук, и с той поры он тихим звоном прошел сквозь мою жизнь». Таким образом Свен Хедин словами выразил чувства, пробудившиеся в нем, когда в 1899 году он остановился почти на том же самом месте («Приключение в Тибете», стр. 12). Кому доводилось изображать бескрайнюю поэзию уходящего в ночь каравана, кто мог найти более удачные слова? Звучание колоколов давало нам, альпийским товарищам, воспоминания о скоте, пасущемся на альпийских лугах, мысленно оно переносило родные зеленые лужайки в азиатские желтые степи. Полезные, терпеливые животные служили нам на подходах и по возвращении. Если лошади чаще носили наш груз, это происходило по различным причинам, например, из-за большей пригодности для горного бездорожья, более простой кормежки, более легкой купли-продажи. Наши лошади тоже были весьма полезны.

С вечера 26 по утро 30 июня в Сары-Таше можно было видеть большой полевой лагерь, тем более, что там же стояли лагерем и другие караваны. Наши палатки выстроились, как по струнке — знаменитые одноместные палатки, одна из самых

удачных идей Рикмерса по снаряжению, один из секретов безупречного, единодушного проведения нашей экспедиции, средство предотвращения психоза, постоянно нападающего на людей, вынужденных, как мореплаватели или сухопутные исследователи, месяцами оставаться рядом в тесном кругу. Здесь у каждого был свой собственный дом, в котором можно свободно распоряжаться, предоставленному самому себе. Конструкция палаток была хорошо продумана. Легкая по весу, удобно пристегивать, свернутую в палаточном чехле, на луку седла, устанавливается и снимается за несколько минут, благодаря пришитому полу и дверному порогу достаточно снего-, водо- и ветронепроницаема, 1.90 м в длину, 1.35 м в ширину и такая же в высоту, неуязвима даже в сильный шторм, однако, благодаря форме собачьей конуры (благозвучно названной в каталоге «жилая палатка»), все же достаточно просторна для сна и дневного отдыха, для всего личного багажа, для письма, приготовления пищи и работы с научными инструментами. Для общей трапезы или чтобы поболтать, мы размещались внутри даже впятером. Во всяком случае, это уже был «дизайн помещения». Клеппер-Розенхайм разработал для нас, кроме всего прочего, изготовленную по тому же принципу большую жилую палатку, применявшуюся по мере надобности в качестве жилой или обеденной комнаты, кухни, складского помещения, фотолaborатории, приемной врача и спальни для прислуги (рис. 37 на стр. 114, рис. 31 на стр. 87). Русские армейские палатки были, хотя и очень вместительны, но высоки и тяжелы, а внутри над полом свистел ветер. Наши погонщики лошадей — «караванчи» — строили себе стенку из багажа и сооружали сверху большой шатер.

В те дни в Сары-Таше собралось также много киргизов. Проводилась «Байга» — скачки, с которыми мы позже еще раз подробно познакомились в Алтын-Мазаре. Наши оба врача — Алльвайн и Кольхаупт, слава о которых быстро распространилась на всю округу, радовались оживленной практике. К их приемному часу приурочивали вызов и других участников, кроме самих пациентов и врачей — по одному киргизско-русскому и русско-немецкому переводчику, повара для оприходования возможных гонораров (кумыс, айран, каймак) и просто любопытных. Чаще всего пациенты жаловались на боли в желудке, сыпь, больное горло или легкие. Приводили детей с жалобой, что те не хотят регулярно пить материнское молоко; притом зачастую им было 3 – 5 лет. Лекарства выдавали в любом случае. Лишь когда одна женщина потребовала средство против бездетности, наши врачи вынуждены были отправить ее домой не обслуженную.

Сразу по прибытии в Сары-Таш Нёт со Шнайдером отправились с геологическими работами на Заалай. Мы снова встретились с ними только на Кара-Куле.

Финстервальдеру и Циммерману нужна была пресная вода для измерения температуры кипения, так что нужно было обеспечить их снегом. Эта научная работа была для нас, троих оставшихся альпинистов приятным поводом 27 июня подняться на некоторые Алайские вершины, высотой около 3800 м. Первая вершина была простая, на второй был участок реально сложного лазания по разрушенным скалам, а на третью, также технически сложную, залез один Алльвайн. Два дня спустя, помогая Финстервальдеру при фотограмметрировании, Алльвайн поднялся еще на пять Алайских вершин — «Арншпицы», до 4000 м высотой, в хребте, лежащем к югу от

перевала Катюн-Арт. Райниг, Вин и я в это время ездили верхом по Алайской долине на запад.

Все это время наши взгляды были устремлены на заветный юг. Мы слышали об известном изображении Заалая (рис. 32 на стр. 92), но сами так его и не увидели. Иногда нам показывался находящийся у китайской границы Курумды высотой около 6600 м и его отроги. Но плотные дождевые тучи или пустынно-пылевой туман постоянно закрывали пик Кауфмана 7130 м. Ограниченная видимость была весьма неблагоприятна для нашей дальнейшей работы — тем самым мы оставались в неведении о его точном местонахождении и виде с севера; крепкий орешек до тех пор не мог быть разгрызен, пока эта гора не была обнаружена. Вообще до самого конца экспедиции полагали, что наивысшая гора Советского Союза — это пик Кауфмана, в связи с чем компетентной русской инстанцией он был переименован в пик Ленина. Тем не менее, окончательные расчеты, проведенные уже дома, дали в итоге для пика Гармо⁶ в Сель-Тау⁷ 7490 м. Вероятно, именно он является наивысшей вершиной Российской империи (рис. 26 на стр. 77).

30 июня основная часть экспедиции, установив метеостанцию, пересекла высокогорные степи широкой Алайской долины. Было прохладно и дождливо, Заалай оставался закрыт, и когда к вечеру, наконец, разъяснилось, мы были уже в горной местности, за огромными моренами в Бордобе — разрушенном таможенном посту, 3400 м. Алайская долина прямо-таки кишит сурками. По размеру они такие же, как и их сородичи в Альпах, но с желтым мехом, и свистят не как у нас, а напевают целую мелодию. Наши вооруженные до зубов русские товарищи не сэкономили боеприпасы. Но лишь Беляев, не только хороший астроном, но и очень искусный охотник, приносил добычу. Остальные обычно мазали, или раненому животному удавалось укатиться от охотника в свою нору.

1 июля отъезд каравана задержался, и Финстервальдеру пришла мудрая мысль фотограмметрировать с нескольких вершин к востоку от Бордобы. Алльвайн, Вин и я с радостью приняли в этом участие, помогая нести инструменты и фотопластинки. С нами шел также русский геодезист Исаков, однако на второй вершине высотой около 4000 м на середине склона он повернул назад. Поневоле используемые осыпные кулуары и темп, продиктованный ограниченным временем, по понятным соображениям лишили его мужества. Мы с Вином, поднявшись на третью вершину, тоже поспешили назад в Бордобу, чтобы в выбранное сверху условленное место привести коней для Финстервальдера, Алльвайна и Бирзака. Нам доставила удовольствие маленькая прогулка по гребню с превосходной панорамой. На юго-западе с ледовой вершины Кызыл-Агын, 6680 м, в долину спускаются два больших ледника. На юго-востоке, собственно совсем рядом, поднимается великолепная гора, похожая на Гроссглокнер. Хоть он и является всего лишь отрогом своего короля Курумды, но здесь он господствует, как могущественный наместник, прекрасный и благородный по форме. Мы

⁶Последующие названия: пик Сталина, пик Коммунизма, пик Исмаила Сомони 7495 м

⁷Хребет Академии Наук

охотно посетили бы его, если бы на несколько дней остановились здесь, где впервые достигли ледовых гор.

В 4 часа дня все снова были в седле. Привычные к горам лошади за недолгие три часа подняли нас наверх на перевал Кызыл-Арт, 4200 м — примерно 15 км пути и 800 м набора высоты. Благодаря хорошему обзору и некоторому везению, к ночи мы достигли лагеря, разбитого в стороне от дороги.

Теперь мы находились на южной стороне Заалая, то есть непосредственно в горной стране Памир. Его характерные признаки предстали здесь сразу в полной мере: холод, каменная пустыня подавляющей ширины, горы вблизи с округлыми каменистыми вершинами и вдали с гордыми ледовыми (ср. рис. 8 на стр. 38). Финстервальдер, который сам поднимался на запад, заманил нас, троих альпинистов, на «Блоксберг» к востоку от дороги (примерно 4400 м). С трудом удалось нам из круглых камней построить желаемый тур. Вознаграждением был хороший вид на Курумды. Затем надо было снова спешить за большим караваном, часами по осыпям сухих русел истоков реки Маркан-Су и на перевал Уй-Булак. Как по волшебству, нам открылся совершенно потрясающий вид. Вдалеке внизу весело блестел голубой Кара-Куль. Вокруг него широкая равнина, серо-желтые осыпные поля, желтый лесс и светлый песок, кое-где в промежутках желто-зеленая степь и темно-зеленые пятна густого низкорослого кустарника. На берегу сверкают белые полосы соли, в самом озере ряд ярко коричневых скалистых островов, впереди скалы настоящего пустынного цвета, темно-коричневые и фиолетовые. В бесконечно широкой дали тонкий венчик белоснежных гор. Надо всем этим золотое солнце и улыбающееся голубое небо (рис. 2 на стр. 23).

До Кара-Куля и покинутого, но еще очень хорошо сохранившегося «Рабата» — армейского поста в его северо-восточном углу — было еще далеко. 2 июля на текущем с северо-востока обрамленном скудной травянистой порослью маленьком ручье (рис. 3 на стр. 24) Рикмерс позволил разбить первый базовый лагерь, 3950 м. Привезенные издалека ящики, чемоданы, мешки с мукой, ячменем и зерном, канистры с маслом и бензином и даже дрова теперь громоздились здесь. Караван верблюдов отпустили, начался следующий большой этап диспозиционной работы Рикмерса. Там мы встретили Нёта и Шнайдера, все четверо альпинистов снова были вместе. Последовала обычная лагерная работа, затем пробная проявка фотографий и купание в слабо-соленом у устья ручья Кара-Куле. Алльвайн поднялся на осыпную гору высотой 4695 м построить тур для измерений Финстервальдера, Вин установил коротковолновой радиоприемник и прослушал сигналы точного времени из Западной Европы. После этого, наконец, мы получили лед и фирн под ногами.

Кок-Су-Кур-Баши

Е. Алльвайн

В нашем богатом багаже мы везли также несколько пар снегоступов — короткие летние лыжи, всего 1.35 м в длину. До сих пор, насколько мне известно, было всего

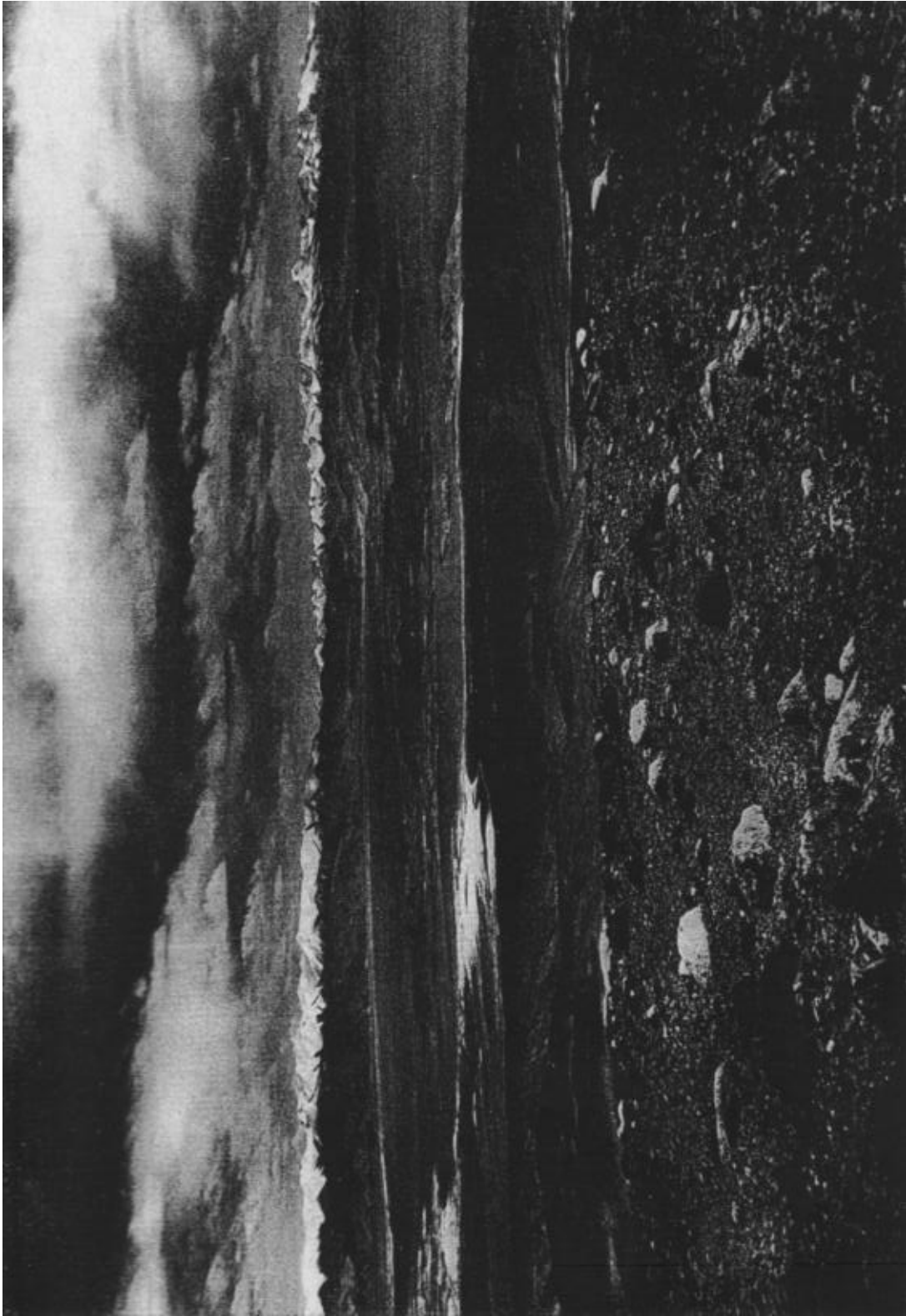


Рис. 2. Каракуль, 3950 м, вид с севера. На дальнем плане Музкол, 6000 м.



Рис. 3. Восточный берег Каракуля и гора Коксукурбаши, примерно 5700 м. На переднем плане киргизские юрты.

несколько попыток использования снегоступов во внеевропейских высокогорных массивах Старого света. Самыми успешными были, пожалуй, восхождения С. Кёнига на Килиманджаро и швейцарцев Эггера и Мишера на Эльбрус, тогда как англичане на Эвересте ограничились мелкими упражнениями и разведками.

Мы предприняли наш первый центральноазиатский лыжный выход в горы 4 июля 1928 года. На северном краю Кара-Кульской равнины поднимается гора высотой примерно 5700 м, которая показалась нам достойной целью (рис. 3 на стр. 24). Киргизы называют ее Кок-Су-Кур-Баши, что означает: «Голова, с которой спускается зеленая вода морен».

Еще до рассвета мы выползли из спальных мешков, но до выхода провозились довольно долго. Сначала надо было разбудить повара, чтобы он сварил чай, поймать и оседлать коней, которые ночью бегали на свободе, так что вышли мы в 5³⁰. Нас было пятеро: Борхерс, Кольхаупт, Шнайдер, русский Перлин и мое ничтожество, а также еще один русский солдат, который должен был ждать с лошадьми у подножия горы. Полтора часа мы ехали рысью на север, при этом пересекая несколько старых моренных валов, образованных древним ледником Кара-Арт. На северном краю равнины перед нашей горой полукругом поднималась большая морена, за ней была маленькая высокогорная долинка с ручьем, заросшая роскошной травой. Здесь мы в

7³⁰ оставили наших лошадей под охраной солдата, привязали снегоступы к рюкзакам и начали подъем. Сначала было не слишком интересно, если не сказать скучно. Мы поднимались по моренному карману, вокруг не было ничего, кроме каменной пустыни, и только у самого ручья была узкая зеленая полоска травы и мха, и прекрасные весенние цветочки. Но скоро и это закончилось, мы повернули из кармана налево и полезли через необозримые осыпные склоны вверх по направлению к снеговой линии, которая казалась уже недалекой. Однако эти осыпи продолжались еще подозрительно долго, перед нами появлялись все новые валы, и каждый раз, когда мы думали, что этот уже последний, за ним всегда снова оказывался еще один. Наконец, в 9¹⁵ мы подошли к снежным полям ниже и западнее предвершинного ледника. Отсюда открывался удивительно красивый вид на синий Кара-Куль и его широкую равнину.

Наша гора имеет форму, характерную для Внутреннего Памира: над широкими и лишь умеренно крутыми осыпными склонами стоит похожая на вулкан вершина, с которой во все стороны стекает фирновый покров. Вверху совсем полого, чем ниже, тем становится все более круто; единственная трудность восхождения состояла в подъеме на этот предвершинный ледник, который переходит в нижележащие фирновые поля крутым сбросом. Но мы разведали и его слабую сторону: на верх этого сброса высотой 30 – 50 м, опоясывающего всю вершину, в одном месте слева направо ведет менее крутая фирновая полка; здесь нам и надо было подниматься.

Мы пристегнули наши лыжи. Снег был отличный, крепко смерзшийся, сверху несколько сантиметров свежего снега, придающего лыжам нужное направление. Последующий подъем был однообразным и скучным, разве что украшенным все более великолепным видом на Кара-Куль. В течение доброго часа местность поднималась все более круто, мы находились у подножия предвершинного ледника, крутой сброс которого все время был перед нами. Еще некоторое время мы поднимались вдоль его края, пока обнаруженное снизу фирновое поле не позволило перейти на сам предвершинный ледник. Здесь склон на протяжении примерно 100 м был реально крутым; чтобы не сползть боком, нужно было жестко кантовывать лыжи. Выше идти снова стало удобнее. Мы поднимались по широкой дуге через мульду, которая постепенно становилась все более ровной и, наконец, превратилась в совсем пологий склон. По нему цепочка наших следов еще некоторое время тянулась вверх, оставляя позади все большее расстояние, и, наконец, в 2 часа дня мы были наверху на широкой плоской вершине. Этот последний подъем продолжался чересчур долго, так что мы уже думали, что вообще вряд ли сможем достичь вершины. Вид с нашего первого пятитысячника был великолепен: глубоко под нами широкая водная гладь Кара-Куля, за ним плоские снежные горы одноименного хребта, на севере от них глубоко врезанная долина Кара-Джилги, по которой мы планировали наш следующий выход, с импозантными скальными и ледовыми горами. К сожалению, вокруг главного хребта Заалая клубились белые облака, и все же как раз напротив нас выглядывала многоглавая ледовая стена Курумды, возвышающегося над нами еще почти на 1000 м. На востоке и на юге мы также видели полномасштабные горы, однако уступающие по сравнению с массой находящихся поблизости.

Последующий спуск был чистейшим наслаждением: великолепно управляемые летние лыжи так шипели по широкому фирновому склону, что мы очень быстро снова оказались внизу у снеговой границы. Примерно за 20 минут мы преодолели добрые 1000 м перепада высоты, для подъема на которую потребовалось почти 5 часов. Мы съехали до последнего снежничка, а затем ковыляли по длинному галечному склону вниз к лошадям, которые к вечеру благополучно доставили нас обратно в лагерь.

Кара Джилга

Ф. Борхерс, отрывок: Е. Альвайн

На Кара-Куле экспедиция временно разделилась на несколько частей. Метеорологическая и аэротехническая станция, а так же большая часть крупного багажа остались на месте. Рикмерс с основной группой через несколько дней выдвинулся дальше в долину Танымаса, с ним также Ленц, который однако вскоре свернул в долину Бартанга, чтобы там в процессе общения с таджиками изучать их язык. Райниг в одиночку приступил к многомесячному переходу в направлении озер и долин на юго-востоке и на юге, во время которого в Лянгаре он до 20 км приближался к индийской границе. Нёт, Дорофеев с проводниками и мы, четверо альпинистов, 5 – 6 июля верхом на лошадях поехали в долину Кара-Джилги. Йолдаш, ошский узбек, заботился о нас как повар и смотритель лагеря. Большинство вьючных лошадей затем снова вернулись на Кара-Куль. К сожалению, до сих пор нельзя было использовать носильщиков, так что Финстервальдеру пришлось остаться. Беляев следовал за нами позже.

В целом долина Кара-Джилги простирается от Кара-Куля примерно в северо-западном направлении внутрь Заалая. Предположительно, она должна была привести к пику Ленина, так что наряду с общим исследованием горного района мы, альпинисты, поставили себе целью в любом случае разведать местонахождение пика Ленина. На Кара-Куле мы серьезно обдумали, надо ли нам идти в расположенную далее на севере долину Уй-Су. Согласно карте, была возможность достичь пика Кауфмана из обеих долин. Но для того, чтобы углубиться в обе долины, не хватало времени. Мы полагали, что в долине Кара-Джилги будет больше возможностей для работы, и успех доказал нашу правоту.

Примерно 50-километровый путь проходил сначала вдоль северного берега Кара-Куля по камням, песку и отложениям глины. Затем мы попали в долину Кара-Джилги. Кара-Джилга означает «черная глубокая долина», и это так и есть. Она заполнена черным щебнем, в котором бурная, мутная темно-серая река то тут, то там прокладывает себе русло. Лишь в местах, где у подножия горного склона проступает родник, или сочится маленький чистый ручей, обнаруживается скудная растительность. На такой лужайке на высоте примерно 4000 м мы разбили наш лагерь (рис. 5 на стр. 36). Это было великолепно расположенное место. Долина здесь разветвляется на четыре притока. Самый большой ведет на северо-северо-запад; громадные, свыше 6000 м,

ледовые горы обрамляют его. Но также и западная ветвь долины приводит к горам красивой формы. Перед входом в нее стоит господствующая над главной долиной и хорошо видимая в течение многочасовой езды крутая скалистая гора с острой фирновой вершиной. За неприступную красоту мы назвали ее в честь знаменитой кавказской вершины «Ушба».

Для целого ряда гор, почти все из которых еще были безымянные, необходимо было хотя бы предварительное название, чтобы иметь возможность говорить о них кратко и ясно. Мы выбирали названия по форме горы, по прочим качествам или происшествиям, часто используя горные названия из района Альп. Наименование по дате восхождения или с каким-нибудь другим использованием цифр было бы ненаглядным и непрактичным. Конечно, при окончательном наименовании мы не хотели опережать специально уполномоченные для этого инстанции. Впрочем, до сих пор они дали имя лишь немногим горам, так что в данном отчете мы вынуждены представлять все остальные под нашими собственными названиями.

Сначала была плохая погода, поэтому первая атака на «Ушбу» 7 июля потерпела неудачу. Когда 8 июля около 7 утра разъяснилось, мы как можно скорее оседлали наших лошадей. Шнайдер и Вин поехали в западную ветвь долины, о чем я сообщу ниже; мы с Альввайн — в северо-северо-западную. Планировалась только поездка верхом на несколько часов в целях разведки. Но когда вскоре после 9 утра мы с Альввайн остановились у языка ледника Кара-Джилга и не могли продвигаться дальше на лошадях, в ногах у нас слишком сильно засвербило. Мы тут же пришли к единому мнению для лучшего обзора взойти на гору к востоку от языка ледника. Тут это было не просто следствие альпийского темперамента. Принцип сначала осматривать новую землю сверху освободил нас и наших товарищей ученых от некоторого излишнего и времязатратного путешествия по долине, так что мы снова и снова успешно проводили в действие этот принцип в течение всей экспедиции. Было ли благоразумным начинать подъем в 9³⁰ — это вопрос открытый. Все-таки наша гора, хотя и выглядела легкой, имела значительную высоту — как позже определили, 5800 м. Таким образом, нам предстояло примерно 1800 м подъема. Но наконец, не для того мы пришли на Памир, чтобы соблюдать там курортный режим. Сначала подъем шел по осыпному кулуару, в 11 часов мы доели остатки наших скудных дорожных припасов и с тех пор «пухли с голода», потому в шутку назвали нашу гору «Кольдампф-Тау».⁸ К часу дня по скальному северному гребню мы взобрались на предвершину. Затем узкий в этом месте гребень снова немного понижается и, наконец, выводит наверх к главной вершине. Часто мы проваливались сквозь наст по колено, что было изрядным мучением. От 3³⁰ до 4³⁰ дня мы пробыли на вершине, рассматривали все вокруг и делали наши географические заметки. Спуск прошел быстро, тем более, что между основной вершиной и предвершиной мы смогли съехать по фирновому кулуару на запад. Когда вскоре после 6 вечера мы снова очутились там, где оставили лошадей, начались обычные для этой страны сюрпризы. Оказалось, что мы еще недостаточно изучили, как

⁸Kohldampf-Taui, в переводе с немецкого жаргона времен Первой мировой войны: «Пик Лютого Голода»

пользоваться конскими путями: стреноженные животные освободились и убежали. Таким образом, поневоле нам пришлось перебродить ручей, глубиной, правда, всего по колено, но очень бурный и холодный, как лед, в то время как лошади спокойно наблюдали за нами с некоторого расстояния. Затем началась продолжительная серия принудительных полномасштабных прохладных купаний, которую Памир прописал нам в течение некоторого времени. Следующим на очереди был Алльвайн, а я спокойно попал на ту сторону. Достаточно сурово смотрелось, когда Алльвайн ринулся в мутный поток. По крайней мере, он удачно выбрался на противоположный берег, хотя и ругаясь, как сапожник. Его одежда через несколько минут задубела. Он побежал кросс на выносливость, с одной стороны — чтобы согреться, с другой — чтобы поймать лошадей. Но как раз в тот момент, когда он готов был схватить их за повод, свирепые животные скакали галопом очередные несколько сотен метров, и так далее, пока мы уже к ночи не добрались до лагеря.

Одна эта наша разведка вдвоем за один день уже принесла важный результат: примерно в конце ледника Кара-Джилга находится очень высокая гора, которую мы назвали «Большой Конус» за ее характерный вид из базового лагеря. По карте она могла быть пиком Ленина, тем более, что в этом месте водораздел, идущий с юга, стыкуется с главным хребтом. С покоренной сегодня горы он выглядит многоглавым массивом, вытянутым в направлении север – юг. Далее к западу от него мы заметили еще две очень высокие вершины (названные пик 3 и пик 4), которые могли оспаривать высотный ранг у «Большого Конуса» (пика 2). Примыкающая с востока, также очень высокая, продолговатая, трехглавая фирновая гора (пик 1) была явно ниже; мы предположили, что это Кызыл-Агын.⁹ Ледник Кара-Джилга, свыше 20 км в длину, изгибами спускается с главного хребта Заалая. Вокруг него, а также и в верхнем цирке, круто обрываются склоны гор, в большинстве случаев оледеневшие. С запада и востока в него впадают по два больших боковых ледника. Вопреки его не слишком большому перепаду высоты, главный ледник сильно разорван. Труднопроходимы также обе больших морены с каждой стороны, так как они лежат на льду. В противоположность большинству альпийских ледников с их, как правило, вполне проходимыми постоянными боковыми моренами, здесь лед неоднократно достигает боковых склонов, часто даже наползает на них. Рандкluft между ледником и скальным бортом — это дикие груды развалин, какие мы еще часто наблюдали на Памире. В нижней части Кара-Джилги лед темный. Но на нем стоят белоснежные сераки, как правило, 10 – 20 м в высоту и столько же в ширину, часто самого фантастического вида. Нёт, Вин и я рассматривали их 12 июля в непосредственной близости. Их облик оставил глубокое впечатление, мы нигде не находили ничего подобного. Как хорошо ни воспроизводит русская 10-верстная карта и основанная на ней карта А. фон Шульца многие другие части Памира, здесь, на южной стороне Заалая, она оказалась, соответственно высказанному еще в Москве нашими русскими друзьями предупреждению, цветущей фантазией, обозначающей долины с источниками и ру-

⁹Пик 1 — Кызыл-Агын 6683 м, пик 2 («Большой Конус») — пик Октябрьский 6780 м, пик 3 — пик Ленина 7134 м, пик 4 — пик Жукова 6842 м, ледник Кара-Джилга — ледник Октябрьский

чьями там, где в действительности земля покрыта вечными льдами на мили в ширину. В свое время было бы корректнее оставлять бумагу белой там, где никто не видел местность на самом деле.

После вылазки в горы 8 июля у нас с Алльвайном ныли все кости, так что на следующий день я предпочел с Нёттом разведать новое место для лагеря с лучшим пастбищем. Однако когда от Шнайдера и Вина, вовремя вернувшихся домой, Алльвайн услышал предложение «Ушба», его было не остановить. Таким образом, они выступили втроем в самую рань 9 июля. Алльвайн сообщает об этом следующее:

Эта гора — воистину гордый богатырь, по красоте формы не уступающий своему кавказскому крестному отцу. Свободно поднимает он голову до 5600 м, склоны его резко падают вниз в обе долины, а на северо-восток, напротив нашего лагеря, спускается крутой гребень, еще раз достигая высшей точки 5000 м на фирновой предвершине. По этому гребню мы и собирались подниматься. Проблематичным было преодоление примерно 100-метрового сброса в этом гребне, пролезть который в лоб при тщательном рассмотрении в сильный телескоп казалось невозможным. Склон слева от него был также малообещающим, но мы надеялись на правый, северо-западный склон, который Вин и Шнайдер видели во время конной поездки на разведку в долину западного истока и объявили не совсем безнадежным.

Высоко засучив штаны, мы босиком перебрали ручей юго-западной долины и по однообразным осыпным склонам поднялись в верхний цирк, лежащий между северо-восточным гребнем и боковым, спускающимся на восток с предвершины. Подъем на предвершину не представлял сложности. На ее восточный гребень можно было подняться в основном по незаснеженной осыпи. Несколько скальных зубцов мы обошли справа по крутым фирновым склонам. За предвершиной, которой мы достигли в 8³⁰, на перемычке стоит ряд скальных башен. По снегу, осыпи и обрывам мы попали на первую седловину. Затем мы спустились дальше налево для обхода первой башни. Пришлось сбросить еще примерно 30 м высоты до тех пор, пока мы не смогли снова подняться на гребень по следующему снежному кулуару под его стеной. Следующие башни мы обошли справа, а под конец трудным лазанием по самому гребню достигли последней седловины перед взлетом на главную вершину. Фирновый гребень, который поднимается с постепенно возрастающей крутизной, после перелаза через несколько маленьких скальных зубцов вывел нас к подножию большого сброса. Здесь мы долго обсуждали целесообразность применения веревки, однако сочли, наконец, необходимым воспользоваться ею; склон, который нам теперь предстояло пересечь, имел такую крутизну, что вскоре мы уже страховались по всем правилам искусства. Сначала одна веревка шла через снежное поле под стенами на выдающееся вперед скальное ребро, затем мы пересекли крутую скальную плиту, местами заснеженную и обледенев-

шую, далее вправо вверх, до тех пор пока мы не оказались у подножия также в основном обледеневшего крутого кулуара, по которому хотели снова пробиться на гребень. Сверху идет гладкий вертикальный срез, перед которым мы уклонились направо на следующее скальное ребро. Вскоре мы снова были наверху на открытом всем ветрам гребне, примерно в 30 м позади большого сброса. Путь на вершину был свободен.

Последовал ряд больших и малых скальных зубцов, которые мы прошли по краю гребня. Лазание было непростым, однако горная порода, которая на стене была сильно разрушена, здесь стала снова хорошая и прочная. Приятно поразил нас факт, что мы могли здесь, на высоте примерно 5300 м, не только подниматься легко и без одышки, но даже и это сложное лазание выполнять без особого напряжения. Гребень снова круто вздымался, сначала трудные скалы, затем фирновое ребро, которое, наконец, вывело нас на фирновую предвершину. Красиво вздымающийся карнизный гребень вел к главной вершине, и в 2³⁰ дня мы стояли наверху на гордой башне. Вершина представляет собой довольно длинный проходящий примерно с востока на запад фирновый гребень, из которого торчат несколько скальных вершинок; наивысшая точка находится в его западном конце. Здесь мы спокойно расположились на привал, так как погода была великолепна, и даже легкое дыхание ветра не проходило через вершинный гребень. Вид был не только красивый и живописный, но и весьма instructивный. Мы наблюдали западный и юго-западный истоки Кара-Джилги, видели просто необозримое море вершин там, где согласно карте с севера на юг должен был проходить единственный хребет. Также и на окрестности пика Ленина, вопреки облакам, был довольно свободный вид, но мы не смогли прийти к единому мнению о местонахождении наивысшей точки — целый ряд прекрасных ледовых гор соперничали между собой по высоте.

Осмелев от нашего успеха, мы решили траверсировать гору. Недалеко от вершины вниз по южному склону вел шикарный снежный кулуар. Мы попали к нему, немного спустившись по западному гребню до большой скальной башни. В самой верхней части кулуара лежал лавиноопасный свежий снег на жестком основании. Однако дальше везде был вполне надежный фирн по щиколотку, так что мы быстро спустились ниже без веревки. Кулуар, широкий в верхней части, внизу сужался все больше, становился более крутым, снег становился жестче, и в какой-то момент кулуар прервался гладкой вертикальной плитой, по которой струилась вода. К счастью, просматривался выход налево, мы залезли по боковому кулуару немного вверх и затем смогли перейти в параллельный кулуар, по которому обошли сброс. Ниже кулуар впадал в маленький, в то время еще покрытый снегом кар. Дальше вниз вел прекрасный снежный кулуар, маленький сброс можно было легко перелезть, а затем по снежным и осыпным склонам быстро спуститься на дно долины. Только талый снег доставлял неприятность. Правда, кальгаспоры здесь были еще не особенно

высоки, но поверхность снежных полей была уже настолько изрезана промоинами, что приходилось спускаться медленно и осторожно. Уже через полтора часа после выхода с вершины мы стояли на добрых 1200 м ниже, у подножия юго-западного истока долины. Мы напрасно радовались отличному спуску. Как позже было видно с гор напротив, мы по счастливой случайности нашли единственно возможный путь спуска на всем склоне; во всех других местах выход в долину перекрывает вертикальный сброс.

(Борхерс): с 10 по 13 июля погода была не очень хорошая, дающая возможность отоспаться. Дни проходили в разведках долин. Мы передвинули лагерь на пастбища за моренным ригелем, отделяющим южную ветвь долины («Киргизскую долину») от главной. Мы с Вином ездили на лошадях вверх по южной долине до киргизских юрт (отсюда ее название) и далее до «Киргизского перевала», через который ведет путь еще дальше на юг. Алльвайн и Шнайдер с лыжами взошли на две вершины, 5400 м, в хребте между юго-западной и южной ветвями долины. Все это до сих пор представляло собой также совершенно неизведанную местность. В эти дни нас покинули Дорофеев со своим отрядом, Беляев, и под конец Нёт.

8 июля Вин и Шнайдер разведали, что западная ветвь долины в верхней части поворачивает на юг и, таким образом, не имеет подходов к пику Ленина. Однако при этом они увидели высокую крутую вершину и с огнем в глазах поведали о ее красоте. Нам и без того представлялось необходимым добраться до легендарного хребта Зулум-Арт, а по возможности и еще дальше, чтобы с запада взглянуть на пик Ленина и его конкурентов на престол. Правда, сначала мы положили было глаз тоже на довольно высокий, но простой «Клавирттранспортберг»¹⁰ (такой он по сути и был), но при появлении новой цели потеряли к нему интерес. К другому магниту нас притягивало сильнее.

Мы назвали этот горный массив «Гранд Жорас», так как обращенным к нам своим восточным склоном высотой 1200 м он объединяет в себе громадные северные скальные стены Гранд Жораса с его же южными ледовыми сбросами (рис. 4 на стр. 32). Один большой и многочисленные малые ледовые кулуары, прорезающие восточную стену, были невероятно крутые, не следовало взбираться и по камнеопасным скалам. Но на севере, как нам показалось, эта цитадель имела слабое место. Было очевидно легко достичь фирнового седла. Оттуда вверх тянется громадная ледовая либо фирновая стена. Она хоть и крута, но равномерна вплоть до вершинного ножа, и относительно коротка отсюда до наивысшей точки, в то время как ее южное продолжение образует бесконечное лезвие гребня, усеянное мощными бастионами, я бы сказал, почти что горную цепь. Западную стену, не пройдя перевал, мы не могли ни достичь, ни увидеть, так что речь о ней у нас не шла. Позже оказалось, что она также очень крута и вряд ли проходима до самой вершины.

Таким образом, план нашей атаки был ясно задан изначально. Конечно, нас сильно беспокоили жандармы вершинного ножа и его гигантские карнизы. Еще одним фактором неопределенности была фирновая стена. Если вместо фирна там жесткий

¹⁰Klaviertransportberg, в дословном переводе с немецкого: «Пик Транспортировки Пианино»

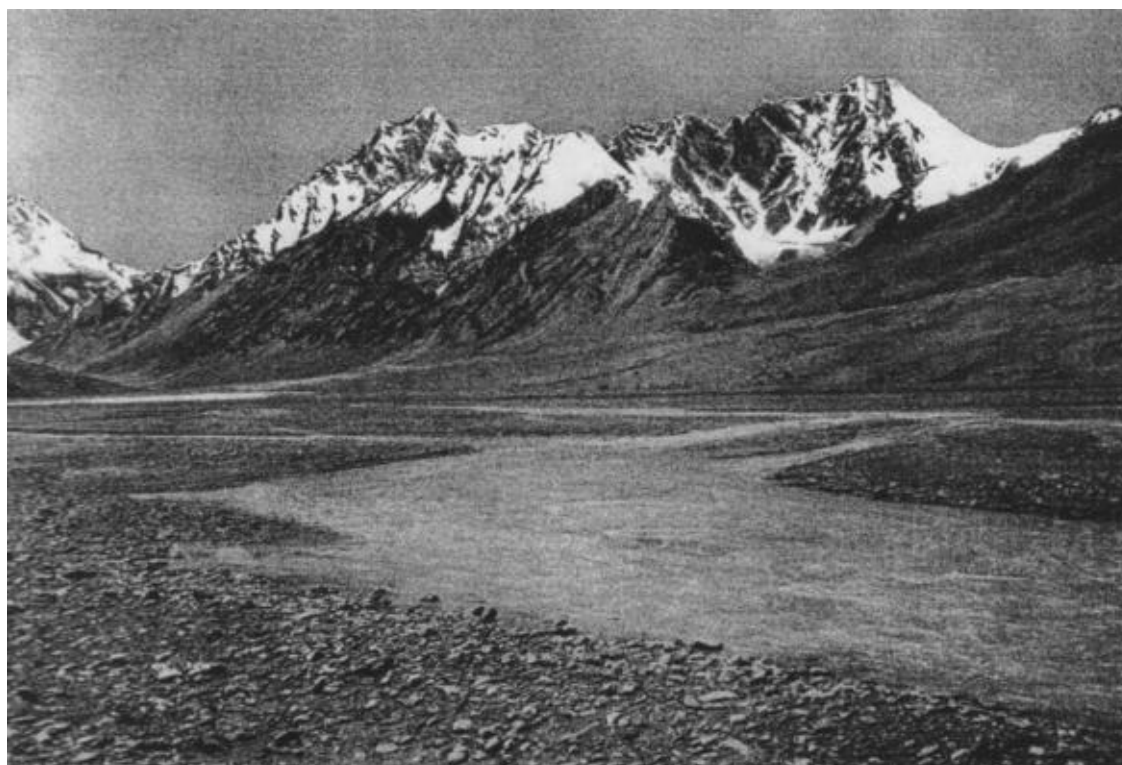


Рис. 4. Жорас 6200 м, вид с востока.

лед, стена будет исключительно трудна, а если совсем рыхлый снег на льду, то подъем вообще невозможен. Однако эти проблемы нельзя было решить ни в бинокль, ни в альпинистских теориях, а только взявшись за них.

13 июля при примерно четырехчасовом подходе по очень полого поднимающейся западной долине верхом на лошадях уже проявилась очередная порожденная этой страной трудность. Наш единственный выючный конюх по недоразумению поехал на лошади к находящимся в полутора часах пути киргизским юртам и все не возвращался. В 11³⁰ Алльвайн, Вин и я выехали верхом; позже следовали Шнайдер с конюхом, который должен был вернуть лошадей в лагерь и снова прийти с ними за нами на третий день. О площадке для лагеря мы со Шнайдером договорились. Там, где не слишком большой восточный ледник нашей горы изливает свой ручей в широкую долину, мы спешили, стреножили лошадям передние ноги и оставили их. Потом мы поднимались 1 час 45 минут сначала на осыпной холм, затем вдоль ручья и, наконец, по круче над ледником. В одной довольно хорошо защищенной от ветра мульде на срединной морене на высоте 4900 м вблизи ручейка мы нашли подходящее местечко для наших высотных палаток. Это жилье придумал и испытал Вельценбах, по нашим указаниям были изготовлены палатки для двух и для трех человек. Они очень легкие, так как не требуются ни специальные палаточные стойки, ни колышки. Последние заменяют камнями, на фирне в случае необходимости кошками, в качестве стоек служат два ледоруба; в ногах вшиты две палочки. Неудобно в этой палатке

только то, что из-за низкой и довольно плоской, легко провисающей крыши в ней нельзя сидеть, не касаясь брезента, по утрам с внутренней стороны обычно мокрого или заиндеветшего. Это мешает обуваться и готовить еду, из-за тесноты всегда приходится делать это снаружи. Но несмотря ни на что, палатки были для нас приятным и практичным жильем.

Шнайдер в 7 вечера нашел нас без особого труда, после чего мы перешли ко сну с торжественным ощущением ночевки выше вершины Монблана. Рано утром в 3⁴⁰ мы сняли палатки, взяли ледорубы и отправились в путь. Удача с самого начала улыбалась нам. Сразу за мореной шел спокойный набор высоты по заснеженной, без трещин части ледника. Цепочка наших следов тянулась мимо громадной восточной стены горы. Трещины и ледовые бугры оставались правее. Затем мы подошли к склонам ведущим на Северный перевал. Они были достаточно крутые, как раз такие, какими должны быть фирновые склоны, подходящие для подъема и спуска. Весело и с озорством мы изобразили большой кросс. Шнайдер как спринтер с темпом подъема 800 м в час был первым, Алльвайн и Вин со скоростью 700 м — вслед за ним, я с 500 м довольствовался последним местом. Между пол-шестого и шестью часами мы достигли седла, альтиметр показывал 5600 м. Около 7 часов дальше пошел громадный склон, в верхней части круто вздымающийся, как кулуар Паллавичини. К счастью, он состоял в основном из фирна. Конечно, здесь не было безмятежного удовольствия простого подъема в кошках. Верхний слой представлял собой жесткий наст, под ним лежал сухой снег, еще глубже жесткий фирн, а иногда даже лед; таким образом, была опасность снежной доски. Наст, разумеется, не держал. Дважды приходилось возвращаться из-за того, что мы слишком глубокого проваливались или из-за ненадежной подложки. Так мы поднимались полтора часа «по лугам утомительно в гору», как мы цитировали Бэдекера. Затем становящаяся все более крутой фирновая стена оттеснила нас направо на северное ребро. Сначала шли обледеневшие скалы, затем снова крутой фирновый склон, и вот мы были на остром лезвии горы. Без сомнения, оно принадлежит к наиболее впечатляющему из того, что всем нам приходилось видеть или преодолевать на таких острых гребнях. Скалы и фирн постоянно сменяют друг друга. Скалы, правда, не слишком сложные, но карнизы, нависающие на восток, такие огромные, мощные и красивые, какие мы редко видели в Альпах. Гребень настолько острый, что сместиться на западный склон горы совершенно невозможно. Мы вынуждены были проходить по карнизам в надежде, что они не рухнут под весом нашего тела, так как 25-метровая веревка каждой связки была лишь весьма условным утешением. Алльвайн один раз ступил на снег и провалился насквозь в пустое космическое пространство. Эта занимательная тропинка по карнизам и скалам то немного спускалась вниз, то значительно поднималась вверх, через обрывы и жандармы. Вид с предвершины на главную вершину и прежде всего на ее обрывающуюся на восток ледовую шапку принадлежал к очередным экспонатам этого подъема. Теперь нужно было еще преодолеть фирновую башню — самый крутой фирновый участок на всем гребне. Руками и ногами мы пробивались вверх, снова мягко съезжая обратно. Фирново-скальный конус, образующий наивысшую точку, по-

сле этого показался «простым». Вскоре после 11 часов люди впервые стояли на этой гордой вершине.

Мы были сильно удивлены. Во время восхождения мы были настолько поглощены деталями гребня, что больше ни на что не обращали внимания. Первую неожиданность преподнес альтиметр, названный ласковым именем «домашняя собака Баро»: он показывал 6200 м. Вторым приятным наблюдением было то, что лазание, рубка ступеней, и вообще весь подъем показались нам не сложнее, чем при восхождении на четырехтысячник в Альпах. Третьей и самой прекрасной неожиданностью была панорама. Нам удалось подняться на одну из наивысших гор в ближайшей округе. Мы смотрели вниз на превосходный парк из белых ледников и зубчатых вершин. Предположительно, это был хребет Зулум-Арт, который так ясно обозначен на карте. Его направление с севера на юг мы с проф. фон Фиккером еще дома рассматривали с недоверием. Разумеется, если смотреть на запад от самого Кара-Куля, эти горы покажутся одной непрерывной цепью. Однако если углубиться в них, то откроется широкая горная страна, отдельные хребты которой, как на всем Памире, в сущности ориентированы с запада на восток. Лишь один водораздел проходит с севера на юг, но широкие, представляющиеся вполне проходимыми ледовые перевалы ведут через него в направлении принципиальной горной складчатости. Так что существует не отдельный хребет Зулум-Арт, а целая пространная горная страна Зулум-Арт. На севере значительно возвышались четыре громадных горных массива, теперь уже наши старые знакомые. К сожалению, у нас не было теодолита, и с нами не было Финстервальдера. Так что разгадывание загадки, который из них является пиком Ленина, продолжалось. Алльвайн и Вин склонялись к пику 2, мы со Шнайдером скорее к пику 3. Было видно, как с седловины между пиком 2 и пиком 3¹¹ большой ледник стекает на юг, а внизу поворачивает на запад — как мы уже тогда предположили, Саук-Сай. Точно такой же значительный ледник подходит с юга к нему навстречу, он течет вдоль западного склона «Гранд Жораса». Далеко на западе и на юго-западе поднимаются другие высокие горные массивы — как мы тогда предполагали, горы Сандал и Танымас. Далеко на юге и на юго-востоке также стоят высокие хребты.

Мы смотрели и не могли насмотреться на всю эту красоту. Затем пошла работа. Вин засекал вершины, Шнайдер делал эскиз карты и наброски гор, я фотографировал полную круговую панораму согласно компасу. Сделать надо было много, но нам было хорошо на этой вершине, особенно благодаря тому, что великолепно светило солнце, и лишь слегка веял ветерок. Только около 2 часов дня мы со Шнайдером покинули вершину, вслед за Алльвайном и Вином, которые начали спускаться еще раньше. Мы шли быстро, но все время страхуясь на полную длину веревки. Нас снова поразвлекали жандармы. Длинная фирновая стена воистину порадовала нас, так как от полуденного тепла наст размяк, находящийся под ним снег лучше нагревался на своем основании, и таким образом опасность снежной доски была исключена. Последовало веселое глиссирование, и почти через полтора часа мы были на седловине.

¹¹Пик 2 — пик Октябрьский 6780 м, пик 3 — пик Ленина 7134 м, седловина — перевал Крыленко (ЗБ)

Теперь ноги сами отмахивали вниз по фирновому склону. Там, внизу, на пологом фирне и заснеженном леднике мы много раз глубоко проваливались, как это часто бывает после теплого дня. В лагере мы жадно хлебали воду — первую жидкость с момента нашего выхода. Затем мы поели, чуток вздремнули и, наконец, сложив палатки и все остальное в рюкзаки, пошли вниз в долину. Там, внизу, ночевка представлялась нам все же приятнее, чем на леднике.

К сожалению, за этим превосходным выходом в горы последовал не столь прекрасный эпилог. Мы зря отпустили киргиза. Когда мы на следующее утро выползли из палатки, лошади исчезли. Через час поисков мы предположили, что они поспешили вниз по долине к лучшему пастбищу, или вообще к мешкам с ячменем и овсом. Мы поплелись вслед. Конец песни был таков: час за часом мы плелись до самого лагеря, а на следующий день вместе с киргизом я верхом поехал обратно. Там мы нашли лошадей, которые, видимо, спрятались вчера в овраге или в складках местности.

Неудивительно, что по поводу пика Ленина постоянно держали военный совет. Мы решили не предпринимать атаки на него в настоящее время. Так как носильщиков не было, нам пришлось бы на весь многодневный поход по разорванному леднику Кара-Джилга самим нести высотные палатки, спальники, примус, а также горючее и провиант на целую неделю. Слишком большой казалась опасность выдохнуться от переноски груза, из-за этого потерпеть неудачу под вершиной и тем самым потерять столько отличных дней. И наконец, где была истинная гора? Правда, в узком списке остались только пик 2 («Большой Конус»)¹² и его сосед с запада пик 3,¹³ но который из этих двух, мы не знали. Все-таки очень трудно оценить высоту лишь на глаз, без измерительных инструментов. Из-за разного угла зрения на ближние и на дальние вершины нужно применять коррекцию, на которую слишком легко влияют ошибки. При рассмотрении с «Гранд Жораса» пик 2 с юго-запада, со стороны Саук-Сая, показался не сложнее для восхождения, чем с юго-востока. Кроме того, был также досягаем и пик 3 — оттуда, но не из долины Кара-Джилги. И наконец, не пришлось бы отвечать, зря потратив много сил и времени на возможно «неправильную» гору.

Таким образом, мы решили покинуть долину Кара-Джилги в ближайшее время. Но хотелось предпринять еще одно красивое заключительное восхождение. Для этого мы выбрали «Трапецию» — гору, понравившуюся нам за характерный вид еще с Кара-Куля. Она находилась к востоку от вершины, на которую мы с Алльвайном поднимались 8 июля, и сулила вид в долину Уй-Су (рис. 5 на стр. 36).

Мы опять сначала ехали на лошадях — два часа в северо-западную ветвь долины и вверх на ее орографически левый склон по широкой террасе до тех пор, пока овраг не прервал ее как раз на подходящей лужайке. Наученные горьким опытом, мы взяли с собой киргиза, который должен был стеречь там лошадей до нашего возвращения. Ущелье ведет на восток в верхнюю долину. Мы назвали ее «Скрытая долина» (рис. 6 на стр. 36), так как из главной долины она не угадывается. Вход нам указали дикие бараны. Внизу движение по ручью, сквозь морену пропилившему себе русло, было

¹²Пик Октябрьский 6780 м

¹³Пик Ленина 7134 м



Рис. 5. В долине Караджилги, крайняя справа — Трапедия 6100 м.



Рис. 6. «Скрытая долина» внешней Караджилги. Типичный ледник Внутреннего Памира.

малоприятно. Также и последующий подъем по живым курумникам южного склона, приправленный знойным послеполюденным солнцем и битком набитыми рюкзаками, мы вытерпели лишь благодаря надежде на лучшее будущее. Там, наверху, в конце склона, на высоте 5000 м, непосредственно на южном леднике Трапеции мы нашли место для лагеря, наверное, самое шикарное из всех: за естественной скальной стенкой площадка из щебня, такая плоская и однородная, что мы предвкушали, что ночью будем спать, как на пуховой перине; в нескольких шагах лужица с чистой водой; вид вдаль и вниз, как из орлиного гнезда.

18 июля в 3 ночи при свете фонарей мы вышли вверх по мягкому леднику, а потом в кошках по крутому склону направо до широкой седловины за южной предвершиной. После этого мы все время оставались на южном гребне. В основном там были пологие заснеженные скалы, но также и несколько превосходных жандармов и выступов, и кроме того один снежный участок. Лазание было не слишком сложным, но и не простым. Оно напрягало меньше, чем холодный западный ветер. Мы ужасно замерзли. Удивляло то, что несмотря на сияющее солнце, никак не становилось теплее. Ответ пришел, когда мы глубже чем по колено в снегу пробились к наивысшей точке трапециевидного купола вершины и под защитой от ветра в выцарапанном нами снежном гроте вытащили часы: было всего 8¹⁵. Альтиметр показывал 6050 м. Панорама дала нам то, что и было обещано с географической точки зрения, она была также исключительно прекрасна. Далеко на юго-востоке в лучах утреннего солнца блеснул Кара-Куль, на севере и на западе сверкали высокие белые вершины. Теперь мы были уверены, что видим перед собой наивысшую гору — пик 2.¹⁴ Сегодня мы не торопились, и только в 9⁴⁵ начали спуск — по западному гребню, в верхней части которого обнаружился крутой заснеженный скальный сброс. Затем следовал острый снежный гребень, где из-за карнизов приходилось часто отклоняться на крутую стену. Однако когда мы достигли широкой седловины перед красивой западной предвершиной, можно было по высокой фирновой стене съехать оттуда на южный ледник Трапеции. Здесь, на ледниковой сковородке, под палящим солнцем мы охотно вернули бы наш прохладный утренний ветер. В 11⁴⁵ мы были у наших высотных палаток, а после обеда в лагере.

При отъезде 19 июля выяснилось, что нам не хватает вьючных животных. Удалось нанять двух яков у живущих в верховьях долины киргизов. Однако это были молодые животные, еще непривычные к поклаже, каждые четверть часа они теряли свой груз. Пришлось частично навьючить наших верховых лошадей, что привело к дальнейшему развлечению. Проблемы закончились лишь на следующий день, когда удалось нанять у других киргизов одного особенно большого и сильного яка, который выглядел со своим багажом, как башня (рис. 7 на стр. 38). Мы двигались по примерно 100-километровой дороге, которую 13 июля предложил Нёт. Сначала более или менее легко проходимый путь вел через найденный 11 июля мной и Вином «Киргизский перевал», затем мы ехали вниз вплоть до долины Ак-Джилга, вверх на перевал Тузакчи (рис. 8 на стр. 38), далее через долину Куль-Гирик, вверх на перевал

¹⁴Пик Октябрьский 6780 м



Рис. 7. Киргиз с яком, долина Караджилги.



Рис. 8. На пути от Караджилги до Танымаса. Внутренний Памир.

Кызыл-Белес, вниз в урочище Кок-Джар и, наконец, в долину Танымаса, куда еще десять дней назад прибыл Рикмерс. Переход длился четыре дня. Мы видели несколько реально красивых ледовых гор, прежде всего хребет Муз-Кол на юге. В остальном в дороге была характерна скука каменной пустыни и бескрайняя широта ландшафта, совершенно особенно проявляющаяся на перевалах. При этом по пути мы встретили в сумме всего семь юрт.

Низовья Танымаса

Ф. Борхерс

Как только переваливают через Кызыл-Белес, 4400 м, пейзаж меняется, как по команде. В районе бессточного, расположенного на высоте почти 4000 м Кара-Куля, а также в верхнем течении Кокуй-Бель-Су, долины широки и имеют, как правило, очень незначительный уклон. Реки остаются в точности на высоте дна долины, они на удивление малы по сравнению с площадью их бассейна. Однако там, где вода под большим уклоном стекает к Пянджу (Аму-Дарья, Оксус по-древнегречески), она прорезает много глубоких борозд. Хотя возвышенная твердыня верховьев Танымаса, Музкулака и Федченко с ее широкими ровными пространствами и является неотъемлемой частью «Крыши мира», но здесь уже встречается гораздо больше горных и долинных форм, напоминающих альпийские, чем на Внутреннем Памире. Также и осадков на западной периферии явно гораздо больше, чем на востоке. Огромные массы воды протекают по долине Танымаса — переправа через большую реку была трудна и опасна. Неприятно сильный западный ветер, непрерывно дувший во время нашего пребывания, зимой и весной должен приносить большое количество снега и дождей. Муссон Индийского океана через Каракорум и Гиндукуш не проходит. С середины июля почти все время стояла хорошая погода. Так продолжалось вплоть до осени. Конечно, иногда случалась резкая перемена погоды, и тогда она налетала со всей силой. Но так же быстро, как пришла, непогода снова уходила, и свежий снег выше колена в глубину обычно поглощался жаркими лучами солнца за несколько часов. То, что никогда не было продолжительных периодов плохой погоды, было для нас очень благоприятно: самое позднее через два дня можно было снова предпринимать все, что угодно.

Теперь экспедиция находилась на своем главном поле деятельности — в громадной горной стране Сель-Тау.¹⁵ Замысел руководства экспедиции — размахнуться по большой дуге через Кара-Куль на восток и, как выражался Рикмерс, «нанести удар в самое сердце» — оказалось, наверное, недешево, но для дела в целом превосходно. Так мы относительно легко очутились посреди целины. Невообразимое изобилие ледовых вершин и ледников лежало непосредственно перед нами. То, что Финстервальдер выполнил там за два месяца — суть усердие и чувство долга, в сочетании с исчерпывающим профессионализмом и искусной стратегией работы. Само собой

¹⁵Хребет Академии Наук

сложилось такое положение дел, что мы, альпинисты, очень много работали для географии и топографии, непосредственно с Финстервальдером и его помощником Бирзаком, или без их присутствия, но снабженные с их стороны соответствующими результатами и ценными указаниями. Финстервальдер умел льстивыми словами заманивать нас с фотограмметром, или же просто для сооружения тура, или для прочих целей на такие точки, куда мы, собственно, вовсе не хотели идти. По дороге мы свято клялись себе никогда больше этого не делать. Но в лагере постоянно позволяли убедить себя в новой необходимости и, наконец, сами в шутку называли себя «слугами номер 1 – 4». Впрочем, когда Райниг в сентябре прибыл прямо в Алтын-Мазар, то и он сразу растаял от тех же самых сладких песен сирен и полез на бесполезный осыпной склон для сооружения тура, после чего мы с торжеством возвестили «слугу номер 51». Но и Финстервальдер трудился для нас. Он направлял свои инструменты на горы нашей мечты, рассчитывал их удаление и высоту, так что и ему приходилось часами листать таблицы логарифмов и высиживать над числами.

Мощь нашей экспедиции получила значительное подкрепление. Теперь у нас были носильщики. В долине Бартанга наняли таджиков, индо-германцев по расе и языку, проживающих в постоянных селениях. Глубокие крутые ущелья, пропиленные реками в долинах, в большинстве случаев не позволяют использовать лошадей. Потому эти таджики привычны носить очень тяжелые грузы. Они также были очень опытны и искусны на крутых осыпях и в лазании по обрывам. Напротив, перед ледниками большинство из них испытывали страх и, за редким исключением, отказывали. Разумеется, жалкая своя и казенная обувь была малопригодна для фирна и льда, так что в конце концов мы снабдили лучших носильщиков нашими собственными запасными ботинками.

Когда 22 июля в долине Танымаса мы снова встретились с основной экспедиционной группой, она стояла лагерем в кустарнике жостера («Лесной лагерь», высота примерно 3360 м), не доходя 20 км до заполняющего всю долину языка ледника. Первая разведка уже состоялась. В частности, Кольхаупт и Перлин поднялись по долине Танымаса до самого конца и опровергли легенду, согласно которой один большой ледник Танымас, или, как обозначено на карте, ледник Арал, протекал по всей долине Танымаса с запада на восток. Исследователь, опубликовавший это, очевидно, продвинулся вперед только до того места, где можно было хорошо ехать верхом на лошадях. На самом деле лишь один приходящий с юго-запада 36-километровый ледник¹⁶ сползает здесь своим языком до самой главной долины. За ним снова простирается бесснежная долина. В Альпах похожее подпруживание известно в хребте Монблана у ледника де Миаге Италия и, в последнее время, также у ледника де Бренва. Перегораживание главной долины Танымаса приходящим с юга ледником повторяется еще дважды (ср. рис. 11 на стр. 44). На самом верху Кольхаупт и Перлин подошли сбоку к громадному, текущему в том месте на северо-запад леднику, происхождение и местонахождение которого оставалось в то время еще невыясненным. Позже оказалось, что это ледник Федченко.

¹⁶ Ледник Грумм-Гржимайло

Мы прибыли своевременно, чтобы двигаться с Рикмерсом дальше вверх по долине. Благодаря его непоколебимости и железному спокойствию, вопреки сильному сопротивлению беспокоящихся о своих лошадях караванбаши и обозников, ранним утром удалось провести всех всадников и вьючных лошадей со всем грузом вдоль реки между языком ледника и северной стеной горы за первый ледник. Также и потом на этом опасном пути, точнее, гораздо ниже по реке, потеряли лишь 4 чемодана. Здесь, за ледником установили большой базовый лагерь на высоте примерно 3700 м. Стратегически он был расположен очень благоприятно. Сверху на горных склонах было хорошее пастбище для лошадей. Но пребывание в лагере было вовсе не прекрасно: никакого источника, только мутная ледниковая вода, в штиль изнурительная жара на каменной сковородке, в ветер невыносимая пыль, так как грунт из-за беготни вскоре был измельчен в тонкий порошок. С восточной самоотверженностью Рикмерс выжидал в «Пыльном лагере», едва ли покидая его хоть ненадолго. Туда поступали запросы по поводу снабжения не только из «Верхнего лагеря Танымас». Гораздо более непредсказуемыми были требования снизу от самих участников экспедиции (Рикмерс, правда, перечисляет всего 11 немцев и 11 русских, но если считать вместе с научными помощниками, получится 24 русских), или от их курьеров, отрядов вьючных лошадей и носильщиков. Все это, к великому сожалению, не позволило ему ради совместного с нами похода в горы, который мы охотно бы предприняли, хоть раз решиться на несколько дней распрощаться с должностью «тылового генерала» и «мальчика на побегушках» (по его собственным выражениям).

Изобилие стоящих перед нами задач с самого начала предполагало частое разделение труда. Согласно этому плану, 26 июля Вин и Бирзак переехали в высотный лагерь на северной стороне долины, Финстервальдер, Циммерман, Алльвайн, Шнайдер и я — на южной стороне долины; оба отряда, конечно, с фотограмметрами. Вин и Бирзак на следующий день взошли на две скальные и фирновые вершины высотой примерно 5530 м в хребте Арал (оттуда сделан рис. 11 на стр. 44). На севере и северо-западе они видели дальнейшие горные хребты, многие из которых весьма значительной высоты, а под ногами — простирающееся с запада на восток очень длинное фирновое поле; откуда и куда оно ведет, можно было, однако, только догадываться. Им пока еще было неизвестно, что как раз на этом самом фирновом поле находится низкий перевал, и что этот ледник, позже названный ледником Наливкина, стекает как на запад к леднику Федченко, так и на восток бывшим ручьем графа Шереметьева в долину Танымаса. На юге они также видели перед собой группу очень высоких гор, с пяти из них стекали ледники, некоторые очень большие — ледники Танымас номер 1 – 5. Мы, все остальные, в этот же день избрали целью гору Средний Танымас, примерно 5650 м, находящуюся между ледниками 2 и 3. Из всех южных гор в долине Танымаса она выступает дальше всех на север, мы ее заметили еще издалека из долины. Что интересно, прямо к ней подходит также и средняя часть ледника Федченко. Пересечение ледника 2 представляло собой перелезание через большие ледовые волны и петляние между невообразимыми, часто высотой с дом, ледовыми башнями (рис. 9 на стр. 42);



Рис. 9. На языке ледника Танымас-2.

однако это получалось очень хорошо, так как поверхность не была испещрена широкими трещинами. После ночевки в высотном лагере мы поднялись на один выдающийся скальный выступ, 4900 м, в северном гребне горы, где были применены фотограмметр, измеритель температуры кипения и прочие инструменты. Затем мы для лучшего обзора и удовольствия пошли без тяжелого груза по льду и фирну длинного, только иногда круто выпячивающегося северного гребня вверх к вершине. Мы также обнаружили на западе огромный неизвестный ледник. Кроме того, нам открылся, хотя бы лишь частично, вид на верхнюю часть ледника 3 и его великолепное обрамление — крутые скальные обрывы «Высокой Стены» и ледовые склоны «Белого Рога». Так как внезапно началась непогода, сквозь пургу мы поспешили вниз. Однако непогода снова прошла так же быстро, как и наступила. Вечером 27 июля мы снова были все вместе в Пыльном лагере.

Ледник Общества Взаимопомощи¹⁷ (Музкулак)

К. Вин

Самый большой, а также самый великолепный из пяти боковых ледников долины Танымаса — это первый. Причудливо извиваясь, выползает он с гор (рис. 10 на стр. 43, рис. 11 на стр. 44). За этот невероятно крутой поворот, по которому ледник изливается в долину, местные дали ему имя «Музкулак», т. е. «ледяное ухо». В конце экспедиции по предложению русской стороны ему дали название «ледник Общества Взаимопомощи». Очевидно, его исток находился еще дальше на юге или на западе, чем мы могли предполагать предварительно. Было бы очень полезно пройти вперед до его верхнего фирнового цирка. 28 июля мы, четверо альпинистов, вместе с Финстервальдером и Нётом снарядились для совместного выступления, но тут из верховьев долины Танымаса, где остановились Кольхаупт и Беляев, прибыл курьер с сообщением, что Кольхаупт поражен снежной слепотой, и ему требуется помощь. Таким образом, пришлось изменить наш план. Алльвайн должен был пойти туда, чтобы оказать медицинскую помощь, и Борхерс его сопровождал. Затем они хотели установить наверху соответствующий лагерь и предпринять разведки по леднику Федченко,

¹⁷Ледник Грумм-Гржимайло



Рис. 10. Низовья ледника Общества Взаимопомощи (современное название — ледник Грумм-Гржимайло).

в то время как мы со Шнайдером, как предполагалось, должны были следовать за ними примерно через неделю.

Таким образом, утром 29 июля выступили только Нёт, Финстервальдер, Шнайдер и я с пятерыми горными таджиками. Сначала мы придерживались нашего (орографически левого) борта ледника. На старом моренном бугре напротив поворота мы все-таки решили попытаться пересечь чрезвычайно разорванный в этом месте ледник и достичь таким образом противоположной стороны, где на леднике начинался характерный пологий желоб, по которому мы надеялись впоследствии быстро двигаться вперед. Однако вскоре мы попали в безумный лабиринт ледопадов, нам пришлось хитрым образом петлять, рубить множество ступеней для тяжело нагруженных носильщиков, искать проход, поворачивать и снова пробовать в другом месте. Наши носильщики еще ни разу в жизни не бывали на леднике. Поэтому, собственно, не так уж удивительно, что, когда мы их вели таким образом между трещинами и гладкими ледовыми стенами, их вскоре обуял ужас, и наконец, когда в очередной раз мы сами не сразу нашли проход, они объявили, что дальше не пойдут. Шнайдер и Нёт далеко впереди продолжали движение, а мы с Финстервальдером вынуждены были повернуть и проводить носильщиков обратно до борта ледника. Затем мы попробовали двигаться вперед у орографически левого берега между скалами и мореной до тех



Рис. 11. Ледник Общества Взаимопомощи (современное название — ледник Грумм-Гржимайло), ледник Танымас-2, вид с хребта Арал 5530 м. Слева Холодная Стена 5950 м.

пор, пока ледник не стал бы безопаснее, и не появился бы проход на более удобный лед. Лишь около полудня нам удалось снова выйти на ледник. К сожалению, он и здесь еще был очень сильно изрезан. Его рассекали глубоко врезы промоины, по дну которых текли ручьи, продольные морены от интенсивного солнечного излучения также глубоко протаяли и находились ниже уровня поверхности ледника. На перегибах встречались поля кальгаспор высотой до 50 см, тонких и остро торчащих (рис. 12 на стр. 46, рис. 13 на стр. 47). Если тут же не попадался свободный проход, нам приходилось пробивать их при каждом шаге. Таким образом мы петляли по маленькой долинке еще два часа, молодой носильщик по дороге «сдулся», и поневоле его груз перекочевал в наши рюкзаки. Около 2 часов дня мы поднялись на максимально возвышенную точку в надежде на то, что Нёт и Шнайдер смогут нас увидеть. Мы не учли того, насколько исчезающе мал человек в этом море ледовых волн. Очевидно, они находились на краю ледника, где собирались нас ждать, недостаточно высоко и не могли нас отыскать. Наши крики также остались без ответа. В конце концов мы пошли дальше, еще немного по нашей ледовой долинке, а остаток ходового дня использовали для того, чтобы достичь правого борта ледника и встать там лагерем. Вечером мы еще долго стояли на боковой морене, но все наши крики тут же терялись в фантастических масштабах этого уединенного ледового потока.

На следующий день (30 июля) мы вышли с Финстервальдером. Хотя наш лагерь было очень трудно найти, я все же рассчитывал, что Шнайдер в течение дня еще появится. Тем временем мы с двумя носильщиками пошли для фотограмметрирования на одну гору сразу за лагерем, которую во время подхода назвали за вид ее северного склона «Ледяная Стена». Гора была существенно выше чем мы предполагали, 5640 м, мы поднимались по крупной осыпи четыре часа. На вершинном гребне мы устанавливали инструмент в четырех различных местах и фотографировали во всех направлениях. Отсюда было видно, что огромный фирновый цирк, питающий ледник, еще далеко на юго-западе, за следующим изгибом ледника. Мы видели одну гору, гораздо более высокую, чем гребни ближайших возвышений, очевидно, на дальнем краю этого фирнового цирка. Финстервальдер определил ее высоту 6800 м. Было ясно, что мы используем следующие дни для того, чтобы разведать этот фирновый цирк и, по возможности, взойти на гору. Спускались мы прямо по саю. Однако внизу он внезапно прервался водопадом с гладкими стенами, и мы обходили его по крутому кулуару.

В лагере мы встретили слегка уставшего Шнайдера, который пришел в середине дня. В поисках нас он полтора дня бродил по леднику, провел ночь в ледовой промоине и, наконец, когда уже собирался было возвращаться в базовый лагерь, услышал крики оставшихся в нашем лагере таджиков и таким образом нашел наши палатки. Несмотря на это, он был готов на следующий день идти дальше вверх по леднику. Наутро мы взяли двоих носильщиков: одного для Финстервальдера и одного для нас со Шнайдером, и снова принялись блуждать по разорванному леднику. По нашим оценкам, нам нужно было три часа до большого поворота на запад, однако потребовалось пять. Отсюда мы увидели перед собой огромный фирновый цирк, а на дальнем

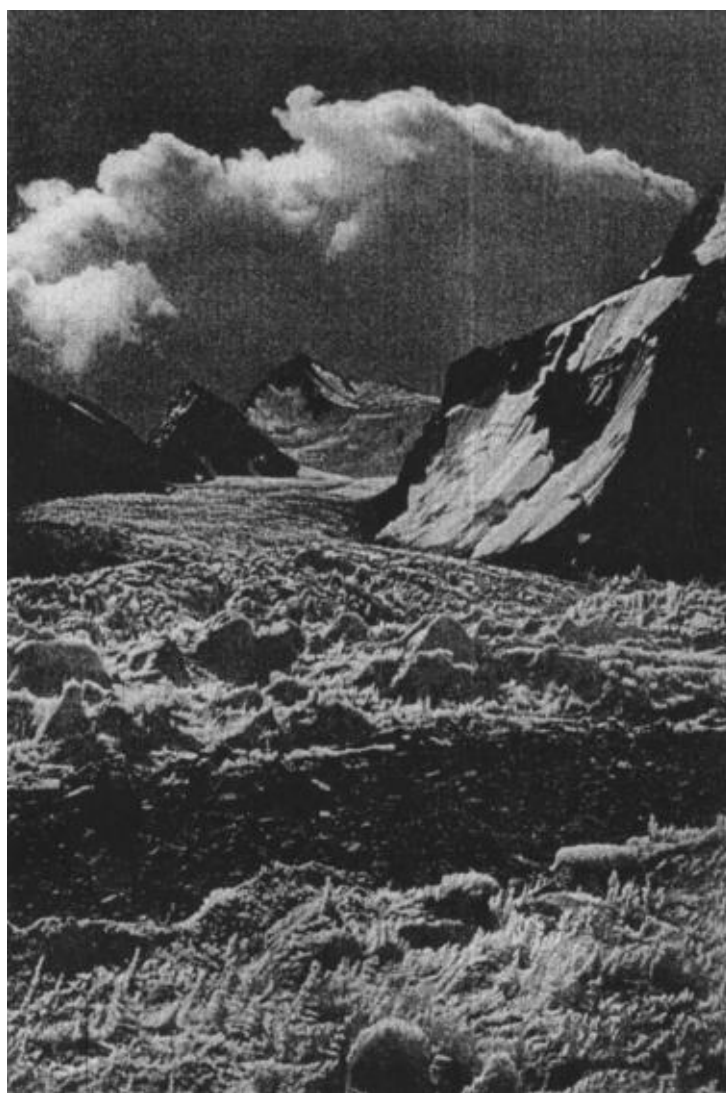


Рис. 12. Боковой рукав ледника Общества Взаимопомощи (современное название — ледник Грумм-Гржимайло) в среднем течении. Кальгаспоры.



Рис. 13. Трудный путь по леднику Общества Взаимопомощи (современное название — ледник Грумм-Гржимайло).

плане — высокую гору. Мы назвали ее «Треуголка»¹⁸ (рис. 14 на стр. 48). Расстояние до нее по горизонтали могло быть значительным, но путь подхода казался простым и очевидным, так что мы надеялись обойтись одним промежуточным лагерем. Здесь мы расстались с Финстервальдером, который хотел с обоими оставшимися носильщиками за время нашего отсутствия передвинуть лагерь до достигнутого места. Вскоре мы отправили к Финстервальдеру также и нашего носильщика, сами взяли груз на плечи и пошли дальше вверх по леднику, пока не нашли на его краю на высоте 5100 м подходящую площадку для лагеря поблизости от чудесного ледникового озера. Мы хотели выйти на восхождение в середине ночи и преодолеть длинный подход по леднику до подножия горы в свете луны. Однако было ясно, что погода может перечеркнуть наши расчеты, и как раз тогда, когда настало время подниматься, ветер завыл, с шумом швыряя снег на нашу палатку. С интервалом в один час это безобразие повторялось. Только к утру снова стало несколько лучше, но снеговые облака весь день ползли над фирновым плато, так что наша гора была отчетливо

¹⁸Dreisnitz, пик Революции 6940 м

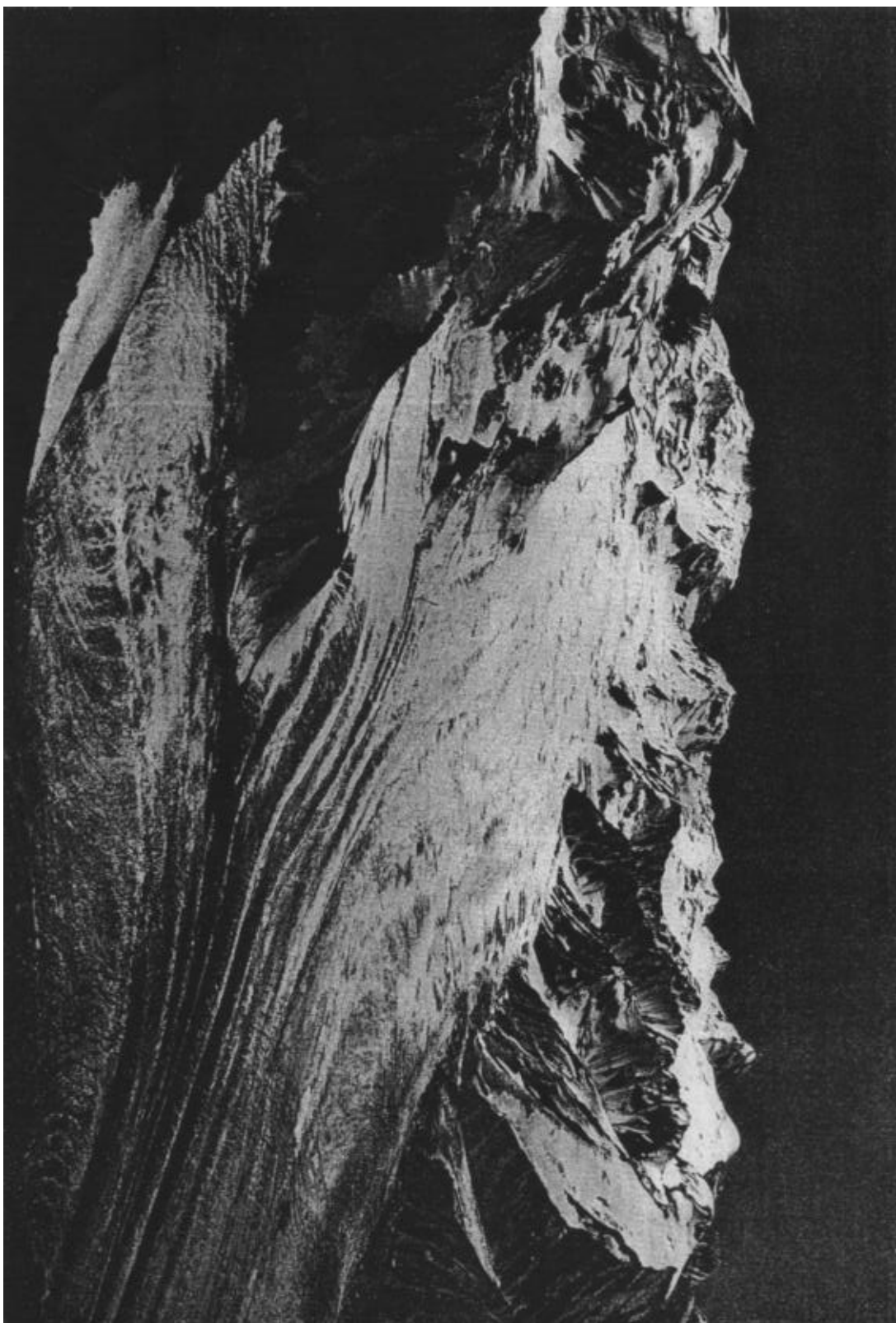


Рис. 14. Верховья ледника Общества Взаимопомощи (современное название — ледник Грумм-Гржимайло), пик Треуголка 6950 м (современное название — пик Революции 6940 м), справа пик Фиккера 6726 м.

видна лишь изредка. Имеющийся провиант позволял ждать еще целый день. Поэтому мы только перенесли свой лагерь на час ходьбы выше по леднику, до следующего скального выступа. Вечером у нас снова появилась уверенность в прекрасной погоде на следующий день.

2 августа в час ночи мы начали готовиться к выходу, а в 2 ночи покинули лагерь и при ярком свете луны пошагали вверх. В тот момент, когда лунный свет менялся на дневной, мы пробивались через ледопад по глубокому рыхлому снегу. На удивление безошибочно мы нашли проход через сераки и на восходе солнца уже стояли в большом ровном фирновом цирке, представляющем собой самое начало ледника Музкулак, 5900 м. Наша гора все еще была гораздо выше нас. С нее на восток спускаются два гребня. Северный, который мы сначала хотели использовать для подъема, обрывался в нашу сторону очень крутой ледовой стеной. Напротив, северная сторона южного гребня была некрутая, и на него можно было легко пройти между двух ледовых башен. Очевидно, из-за долгой тропежки по рыхлому снегу при большом холоде — это был один из самых холодных дней сезона — наши ноги начали терять чувствительность и требовали передышки.

До высоты нашего гребня — седловины между предвершиной и главным массивом — было около 300 м. В этом защищенном от ветра углу на северном склоне нам встретилось много рыхлого снега, большая часть которого могла добавиться во время последнего снегопада. Очевидно, здесь, на высочайших горах Сель-Тау,¹⁹ очень значительные осадки выпадают также и летом. Под слоем рыхлого снега был достаточно тонкий наст, так что мы проваливались при каждом шаге. Когда мы находились примерно посередине склона, внезапно прозвучал хруст отрывающейся снежной доски, и весь склон на огромной ширине вместе с нами пришел в движение с быстротой молнии. Вскоре нас накрыло глыбами снега, мы мало могли влиять на то, что с нами происходило. Но через некоторое время вся масса остановилась на террасе, и хотя мы были связаны веревкой, с нами больше ничего не случилось, и мы смогли без труда освободиться из холодного плена.

Конечно, это дело стоило нам много времени и сил, и только в 12 часов дня мы достигли желаемой седловины, 6200 м. Мы надеялись, что дальше снег на гребне будет сдут или зафирнован, и что мы без затруднений пройдем к вершине. К сожалению, мы обманулись. Мы по пояс проваливались в рыхлом снегу, снежная лавина сбросила бы нас отсюда на многие сотни метров на юг. Так что здесь пришлось отказаться от намерения идти на вершину. Мы отдыхали в безопасном местечке на скале. Досадно было не достичь своей цели — не только с альпинистской точки зрения, но еще больше, наверное, потому, что с этой вершины мы уже тогда зарегистрировали бы южную часть ледника Федченко. Также и вид на юг в этот чудесный день был бы вполне свободен — возможность, которая нам уже больше не представилась.

Теперь нужно было осуществить наше отступление; после того, как мы достаточно долго рассматривали новые, интересные горы на юге, насколько мы могли их видеть, и расположенный в 150 км севернее нас, в удивительной чистоте, Заалайский

¹⁹Хребет Академии Наук

хребет. О том, чтобы еще раз спускаться по лавиноопасному склону, по которому мы поднимались, вопрос, конечно, не стоял, и таким образом ничего не оставалось, кроме как подняться на расположенную восточнее предвершину и оттуда искать безопасный спуск на юге или на востоке. 200 м по простым скалам, и мы стояли на этой предвершине, 6400 м. Очень близко, максимум на 400 м выше нас была вершина, отбившая нашу атаку. По длинному карнизному гребню мы перешли дальше на южную сторону, где свежий снег исчез под воздействием солнечных лучей, и мы нашли прекрасный фирн для спуска. Но как ни странно, склон был совсем не такой, как нам встречался до сих пор — разорванный закрытыми поперечными трещинами, которые напоминали нам об осторожности и вынуждали снова и снова навешивать перила.

Мы довольно сильно отклонились от нашего направления и вынуждены были долго и утомительно обходить вокруг конуса этой горы, до тех пор пока снова не нашли следы нашего подъема. Потом мы много часов шли вниз по леднику, сильно утомившись в течение напряженного дня. В 7 вечера мы снова пришли к своей палатке, где наскоро подкрепились чаем и уничтожили остатки провианта. Однако после этого нужно было с тяжелыми рюкзаками сразу же отправляться дальше в путь, чтобы, как условлено, встречать Финстервальдера и не терять ни одного дня. При работе в этих огромных ледниковых областях исключительно многое зависит от того, чтобы малочисленные люди, разбросанные там и сям, никогда не теряли контакт с другими группами и по возможности придерживались принятых договоренностей. После 10 вечера мы доковыляли по морене до лагеря, где нас встретили Финстервальдер и пришедший тем временем Бирзак. Наконец, через 21 час напряженной работы мы легли отдыхать. На следующий день нам предстоял обратный путь — более 30 км по разорванной поверхности ледника. В то время как Финстервальдер и Бирзак хотели еще на несколько дней остаться наверху для завершения съемок, мы 3 августа в первой половине дня отправились в путь с Маркали — добродушным, но все же ленивым таджиком. Так как мы шли не слишком быстро, нам понадобилось 10 часов, несмотря на то, что путь был уже известен, и лишь довольно поздно вечером мы прибыли в Пыльный лагерь.

Верховья Танымаса

Ф. Борхерс

Вызов Алльвайна для медицинской помощи позволил и мне подняться по долине Танымаса раньше запланированного. К нам присоединился Циммерман, и 29 июля мы втроем с семерыми носильщиками вышли из Пыльного лагеря, 3700 м. Хотя по долине ходили уже многократно, она и нам предоставила определенные ощущения наилучшего выбора пути подъема. Через несколько недель правильную дорогу должны натоптать. От Пыльного лагеря до ледника 2 простирается обычное галечное поле (1 час). Реку переходили по ледовым буграм языка ледника, затем поднимались по узкому рандклюдту между ледником и северным склоном. По-арктически холодный



Рис. 15. Белый Рог 5980 м и Дент Бланш, вид с севера.

штормовой ветер дул нам навстречу, в этот раз с юга. Ледник был покрыт очень тонким, как стекло, слоем льда. Под ногами он разлетался на большое расстояние в виде пластинок, которые штормовой ветер подбрасывал вверх, также отрывая их из-под слоя льда снизу. Мы не знали, как защитить от этого лицо, и вообще промерзли до костей. Наконец, в 5³⁰ мы были у подножия находящегося у орографически правого борта большого ледника «Белого Рога» (рис. 15 на стр. 51). Как можно скорее вниз, в глубокую, защищенную от ветра промоину между ледником и склоном предвершины — отдыхать, завтракать и надевать кошки. Между предвершиной и «Белым Рогом» на восток тянется широкое ущелье с крутым ледовым склоном. В его верхнем цирке начинается северная стена вершинной шапки; лед, фирн и снег ведут на 1500 м вверх одним взлетом. Это был наш путь. Когда мы в 6 утра ступили на ледовый склон, ледяной ветер снова стал хлестать нас по лицу. Очевидно, он скопился наверху в ледопадах и теперь пронесился вниз с востока. Так богато было разнообразие. Все же восходящее солнце принесло улучшение. Вплоть до верхней четверти склон состоял из льда и, начиная с 40 – 45°, достигал 55° крутизны. Это было уже кое-что для души альпиниста. Кошки делали свое дело: мы не рубили ступеней и поднимались реально быстро. Когда наверху началось выполаживание, нам пришлось аккуратно тропить по довольно мягкому снегу, и мы снова затосковали по надежно-

му льду. В 9 утра склон остался позади. До 10 утра мы сидели на последней скале гребня, ведущего к предвершине, смотрели вниз на ледник Танымас-3 на востоке и на нашу вершину на юге; на последнюю — с известным многозначительным выражением: «Хм!» Правда, сначала на лишь немного поднимающемся участке карнизного гребня шлось очень хорошо, несмотря на глубокий снег. Однако затем начался крутой массив вершины. Попытка траверсировать сброс стены направо до более пологого в верхней части западного гребня не удалась. Там лежал глубокий мягкий снег, во многих местах на гладком жестком основании. Лавинная опасность и без того уже была достаточно велика. Таким образом, пришлось подниматься в лоб. Два совсем не маленьких участка были 65° крутизной, причем не оценены, а честно измерены, при помощи клиномера. Мы в самом прямом смысле слова пробивались вверх, правой рукой забивая ледоруб, левой цепляясь за снег в глубине. Все получилось. В 12 часов мы стояли на главной вершине и ощущали безмерную радость восхождения. Чуть ниже вершины, между прочим, мы нашли в одной фирновой мульде нечто весьма своеобразное — маленькую, промерзшую до дна лужу. Панорама была исключительно прекрасна, а также информативна. Чудесный лабиринт ледопадов лежал под нами на юге, за ним широкий боковой ледник и очень высокие горы — повелители этой местности. По ту сторону ледника Федченко южнее горы «Высокий Танымас» мы засекли широкий, простой с этой стороны фирновый перевал, ведущий на запад.²⁰ Совсем вдаль в верховьях виднелся следующий перевал, который, кажется, тоже вел на запад.

По траншее, прорытой нами во время подъема, мы спустились обратно, конечно же, на пузе, до тех пор пока склон не стал положе. Нам понадобилось всего 20 минут на участок, стоивший нам 2 часа при подъеме. С седла мы проследовали дальше по северному гребню и легко залезли на скальную промежуточную вершину. Дальнейший спуск на север был довольно сложный: заснеженные и заледенелые скалы, неприятный траверс, карнизы и тому подобное. В конце концов, это показалось нам глупым, и мы спустились по тянущемуся непосредственно под гребнем рандклюдту на восток к леднику Танымас-3, которого и без того хотели как-нибудь достичь. Несмотря на значительную крутизну склона, спускаться вниз по мягкому гранулированному фирну было очень хорошо; через бергшрудн мы съехали на пятой точке. В 3 часа дня началась бескрайняя прямая дорога вниз по леднику 3: безветренная фирновая сковородка, жаркое солнечное облучение — комментарии излишни. Наконец, в 4 часа мы наткнулись на воду и жадно ее хлебали, так как за четырнадцать с половиной часов ничего не пили; с целью экономии веса мы не взяли с собой даже походной фляги. Дальше шли то по левой боковой морене, то по кальгаспорам, то по ровному льду, до тех пор пока не застряли между большими поперечными трещинами. Назад и наружу со льда, для чего мне пришлось в этот день все же вырубить несколько ступеней. По рандклюдту между ледником и левым склоном горы мы ковыляли до долины лагеря. Переход через ручей по остаткам старой снежной лавины был послед-

²⁰Перевал Абдукагор (2А)

ней эквилибристикой в этот день. В 7 вечера, то есть через 17 часов, основательно уставшие и глубоко удовлетворенные, мы добрались до своих палаток.

6 августа к нам поднялись Шнайдер и Вин. В ночь с 7 на 8 августа была сильная пурга. Вечером к нам прибыли Финстервальдер и Бирзак. 9 и 10 августа работали по топографии, взойдя при этом на четыре вершины.

Два перевала и одна река

Ф. Борхерс

До сих пор на географических картах Памира Сель-Тау²¹ изображался в виде скалистой горной цепи, проходящей с севера на юг; в хребте были обозначены два прохода с пометкой «древний перевал», имеющие названия Танымас и Кашал-Аяк. Один должен был вести в долину Язгулема, другой — в долину Ванча. Местные жители якобы пользовались этими перевалами в древние времена, однако теперь либо больше не ходили через них, либо, по меньшей мере, сохраняли их в секрете. Выяснение этого было нам поручено Обществом Взаимопомощи Немецкой Науки в качестве одного из наиболее важных экспедиционных заданий. Следующие две недели мы посвятили исключительно этой задаче — найти наилучший проход в «западные долины».

Нехватка носильщиков, которые были полезны на ледниках, уже давно доставляла мне много хлопот. Как мы могли занести все эти тяжелые инструменты, топографические фотопластинки, палатки, спальники и провиант для многодневного похода через широкие ледниковые просторы? Тут мне пришла мысль, что на ровных фирновых полях нам помогли бы сани. Я быстро начертил эскиз и описание на бумаге и отправил в Пыльный лагерь. Нёт и Шнайдер, наши большие любители мастерить, которые делали все от стрижки до латания ботинок, как раз снова прибыли в Пыльный лагерь и с воодушевлением подхватили идею. Из мелкого кругляка, досок от ящиков и пары лыж в качестве полозьев они смастерили сани, которые затем были занесены наверх, где великолепно исполняли свое предназначение.

Сначала нам предстоял перевал Танымас. Мы вышли 11 августа с Финстервальдером, Бирзаком и двоими очень крепкими носильщиками Ходейдо и Иохбеком до северо-западного края «озера Мэрийелензее».²² Здесь ранее была организована заброска. Сани высоко нагрузили и тщательно обвязали. Тем не менее, почти каждому пришлось нести еще значительных размеров рюкзак. Дальше путь шел на запад через широкое фирновое поле «плато Конкордия», а на той стороне лишь с небольшим набором высоты по широкому боковому леднику, в честь Российской Академии Наук названному ледником Академии Наук (рис. 16 на стр. 54). Один человек шел далеко впереди и выбирал лучший путь по леднику, двое тащили сани за веревку, еще один толкал и подправлял сани сзади, остальные снова поднимали высоко нагруженные

²¹ Хребет Академии Наук

²² Märijelensee, небольшое озеро в верховьях долины Танымаса

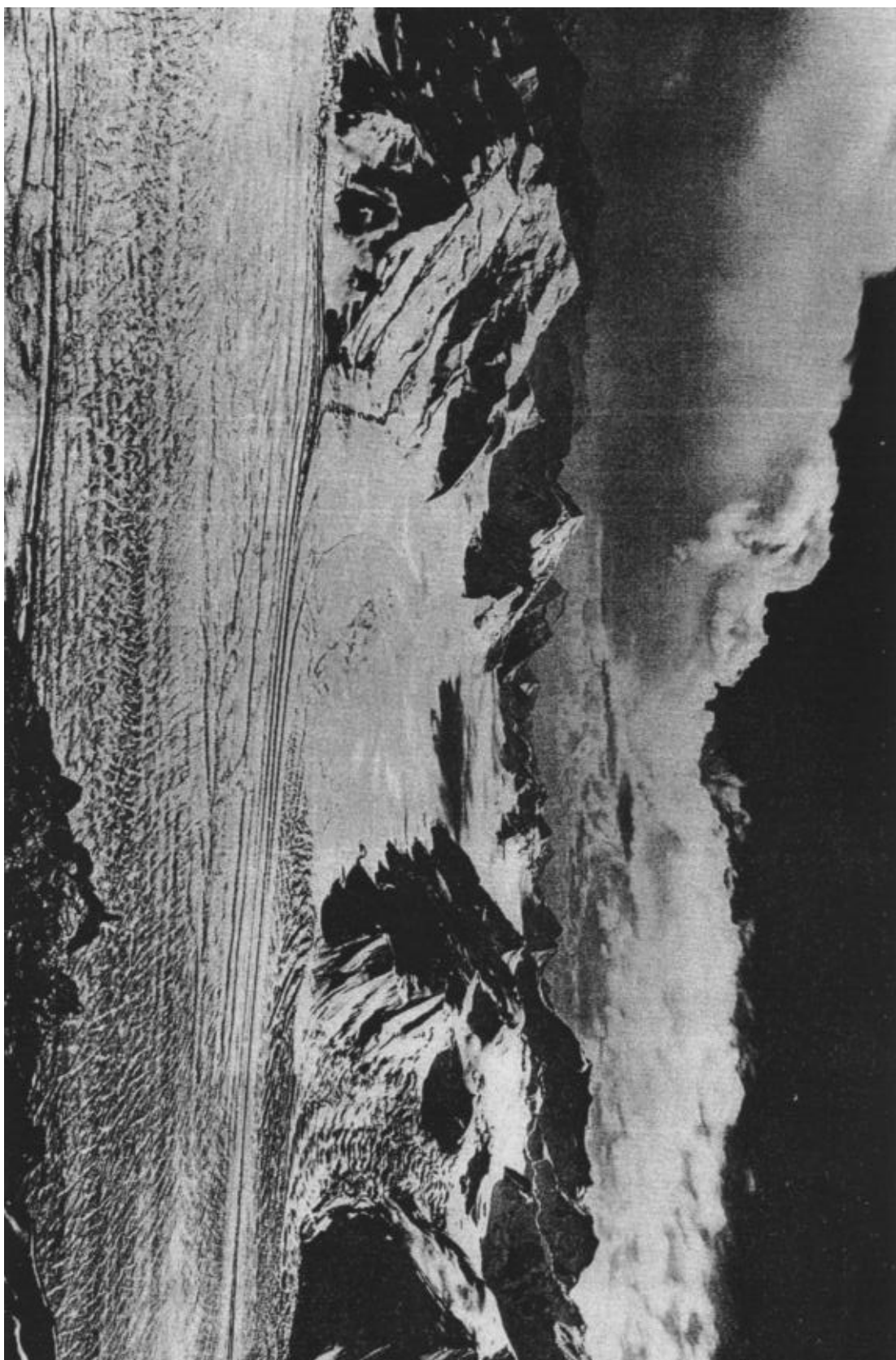


Рис. 16. Ледник Академии Наук, на переднем плане ледник Федченко, вид на запад. Справа пик Палю 5670 м, слева вдали Высокий Танымас 6000 м.



Рис. 17. С саними по леднику Академии Наук.

сани, когда они опрокидывались. Сани переворачивались по меньшей мере каждую четверть часа, но груз был так хорошо привязан, что не соскальзывал. Вскоре мы приобрели такие навыки по быстрому подъему и установке саней на полозья, что «кони» даже не выпрягались из них, а лишь на миг приостанавливались. Таким образом мы с нашим большим грузом очень хорошо продвигались вперед (рис. 17 на стр. 55). Примерно в конце ледника на широком пологом фирновом перевале Академии Наук высотой 4800 м мы разбили «Ледовый лагерь». Несколько последующих дней Вин работал с топографами и при этом взошел на четыре вершины высотой от 5000 до 5600 м.

От перевала Академии Наук фирновое поле плавно понижается на юго-запад, похожие фирновые поля приходят с юга и юго-востока. Там, где они сталкиваются друг с другом, они, как будто вихрем, стягиваются вниз в западном направлении. Здесь в горной стене имеются узкие ворота, через которые изливается ледовый поток. Раздробленный на дикий лабиринт сераков, он наталкивается на крутую ступень и низвергается через нее на 1000 м в глубину, как громадный застывший водопад. Крутой спуск тянется через горы на добрый десяток километров с юга на север. В эти ворота проскользнули мы с Алльвайном. Нам открылся восхитительно прекрасный вид в глубину (рис. 18 на стр. 56). Длинная узкая змейка ледника, серая по бокам и белая посередине, вьется на юго-запад из долины, справа крутые коричневые скалистые горы, слева ниже льда и скал зеленые травянистые склоны, совсем далеко внизу снова зелень, зелень, которую мы так давно не видели в таком количестве, над этим всем скально-ледовая вершина, ярко горящая в лучах утреннего солнца; слева возле нас, как страж ворот, «Бастион» с его почти вертикальными гладкими гранитными стенами. Мы погрузились в море ледовых башен, хрупкие ледовые мосты вели через глубокие трещины, мы смотрели внутрь мощных крепостей, на зеленые соборы с многометровыми блестящими ледяными сосульками. Мы придерживались



Рис. 18. Западный Памир, Медвежья долина, вид на запад.

как можно ближе к правому борту ледника, дальше к середине было царство лавин, громыхающих вниз ежеминутно, как только солнце оживляло ледовых гигантов. Вновь и вновь находили мы выход из этого лабиринта, пока, наконец, гладкая ледовая стена, испещренная ледяными осколками, низверглась перед нами вниз. Тут мы увидели справа на скалах слегка поднимающуюся полочку. Вверх и за угол. Она вела и дальше, и снова за угол, и снова дальше. Затем полочка спустилась к обрывам, где мы смогли подлезть косо вниз к затекающему наверх фирновому языку. По нему теперь ловко пошло вниз, до тех пор пока широкая фирновая трещина не вынудила нас уклониться направо на крутой твердокаменный конгломератный склон под балконом из такой же каменной мешанины. Это было самое неприятное место за целый день. Через нетривиальный рандклюдт назад на наш фирн, и дальше вниз, скакать через бесчисленные трещины. Внизу лабиринт трещин стал еще гуще. В одну из них Алльвайн провалился, но смог удержаться на ледовом мосту и быстро вылез сам. Через четыре часа после нашего выхода из лагеря мы стояли на высоте 3525 м у подножия громадного ледникового каскада. Гранитный страж ворот, подножие которого находится здесь глубоко внизу, чуть было не подавлял нас своей вздымающейся одним махом почти на 2000 м вереницей стен. Спуск продолжался. Сильно мешали большие поперечные трещины, но по оврагу у правого борта, вдоль которого мы ковыляли позже, между каменными глыбами и по трясине, идти было еще хуже. Наконец, снова внутрь лабиринта трещин, через него на левую сторону, по маленькой морене вверх — и нам показалось, что мы очутились в волшебной стране, на террасе с сочной зеленью, высокими травами, кустами и даже деревьями. На высоте 3060 м на берегу чистого ручейка мы поставили нашу высотную палатку. Среди ночи нам нанесли визит: медведь тряс нашу палатку. Когда мы спросонья высунули головы, он, к счастью, не прихлопнул нас лапой, а дал деру. Кто из нас троих больше всех испугался, я не знаю. На следующий день дальше вниз мы видели на земле еще больше медвежьих следов. Соответственно, названия «Медвежья долина», «ледник Медвежий» и «Медвежьи ворота» пришли на ум сами собой.

13 августа мы пошли еще дальше вниз по леднику, моренам и, наконец, по галечной долине реки. Там, где на юго-востоке и на юге сливаются две другие долины,²³ наша поворачивает направо на северо-запад. Следующая часть долины примерно 6 км в длину, а затем снова поворот направо. С севера большой закрытый моренным чехлом ледник²⁴ сползает до самого нашего ручья, основная долина²⁵ ведет в туманные дали на юго-запад. Здесь, на высоте 2500 м, нам, к сожалению, нужно было поворачивать назад, если мы еще хотели присоединиться к Финстервальдеру и Вину в Ледовом лагере. Вечером 14 августа мы были снова там, наверху.

Побывали ли мы в долине Язгулема или в долине Ванча, пока что оставалось под вопросом. Старая географическая карта и русский топограф Дорофеев, который тоже уже подошел к перевалу Академии Наук, полагали первое, мы, немцы — второе.

²³ Абдукагор и Дустироз

²⁴ Ледник РГО

²⁵ Ванч

Доказать этого пока еще никто не мог. Лазание по льду и скалам даже по нашим строгим меркам рассматривалось как очень сложное. Чтобы здесь когда-либо ходили местные, было совершенно исключено, если только территория полностью не изменилась по сравнению с прошлым. Это не могло быть легендарным перевалом Танымас. Только позже мы пришли к выводу: перевал Танымас — это проход из долины Танымаса на ледник Федченко, он находится у «озера Мэриелензее», так что все мы вынуждены были сначала проходить через него.

Между тем наши немецкие топографы взошли на «пик Палю», 5670 м, и с его вершины смогли установить чрезвычайно важный факт, что большой ледовый поток после его поворота с северо-запада на северо-северо-восток сохраняет это направление и течет еще далеко-далеко. Теперь это был действительно ледник Федченко! Когда Бирзак 15 августа должен был еще раз подняться на «пик Палю», чтобы завершить работу, которую невозможно было проделать раньше, мы с Альвайном пошли вместе с ним. Несмотря на продолжительное ожидание, замысел Бирзака не удался, но для моего фотоаппарата игра солнца и облаков пришлась весьма кстати (рис. 19 на стр. 59). Финстервальдер и Вин работали в этот день на одной из вершин между ледниками Академии Наук и Федченко. Ближе к вечеру все мы встретились на западном краю «плато Конкордия». Оно превратилось в большое ледниковое болото. Сначала мы еще надеялись, что сможем справиться с нашими санями, но когда мы упирались и тянули, то зарывались все глубже в снег, часто выше колена. Наконец, мы вытащили наши сани на твердый ледяной остров и дальше, как могли, упражнялись сами до твердого места. Только ночью мы дошли до стоянки. На следующее утро мы забрали сани, пока болото с ночи оставалось еще замерзшим.

Тут в Верхний лагерь Танымас поднялись наши кинооператоры Шнайдеров и Толчан, а также группа русских альпинистов, народный комиссар профессор Шмидт, генеральный прокурор Крыленко с женой и д-р Россельс, а 25 августа еще и Перлин. Следующие недели прошли под знаком искренней совместной работы.

К нашему дальнейшему штурму «западных долин» мы приступили с юга и с севера от ледника Академии Наук. Альвайн и Шнайдер отправились вверх по леднику Федченко на юг. Отчет об этом в следующей главе.

Мы с Вином, Шмидтом, Крыленко и Дорофеевым 19 августа пошли вниз по леднику Федченко на север. После короткого дневного перехода наши русские товарищи вместе с колонной носильщиков повернули в боковую долину на запад,²⁶ однако без того, чтобы пересечь достигнутую ими перевальную точку уже в этом выступлении. Мы с Вином прошагали по большому леднику дальше на север еще час и там поставили нашу палатку на превосходной «мягкой» осыпи рядом с ледником. У нас не было носильщиков. Во-первых, мы не хотели ради них поворачивать назад, как только встретится какая-нибудь трудность, а кроме того, в нашем распоряжении и так никого не осталось. Подразумевалось, что мы, немецкие альпинисты, в конце концов больше всех понимаем в таскании рюкзаков, так что мы всегда уступали русским и немецким ученым, когда недостаток носильщиков имел место, как, соб-

²⁶ Ледник Е. Розмирович

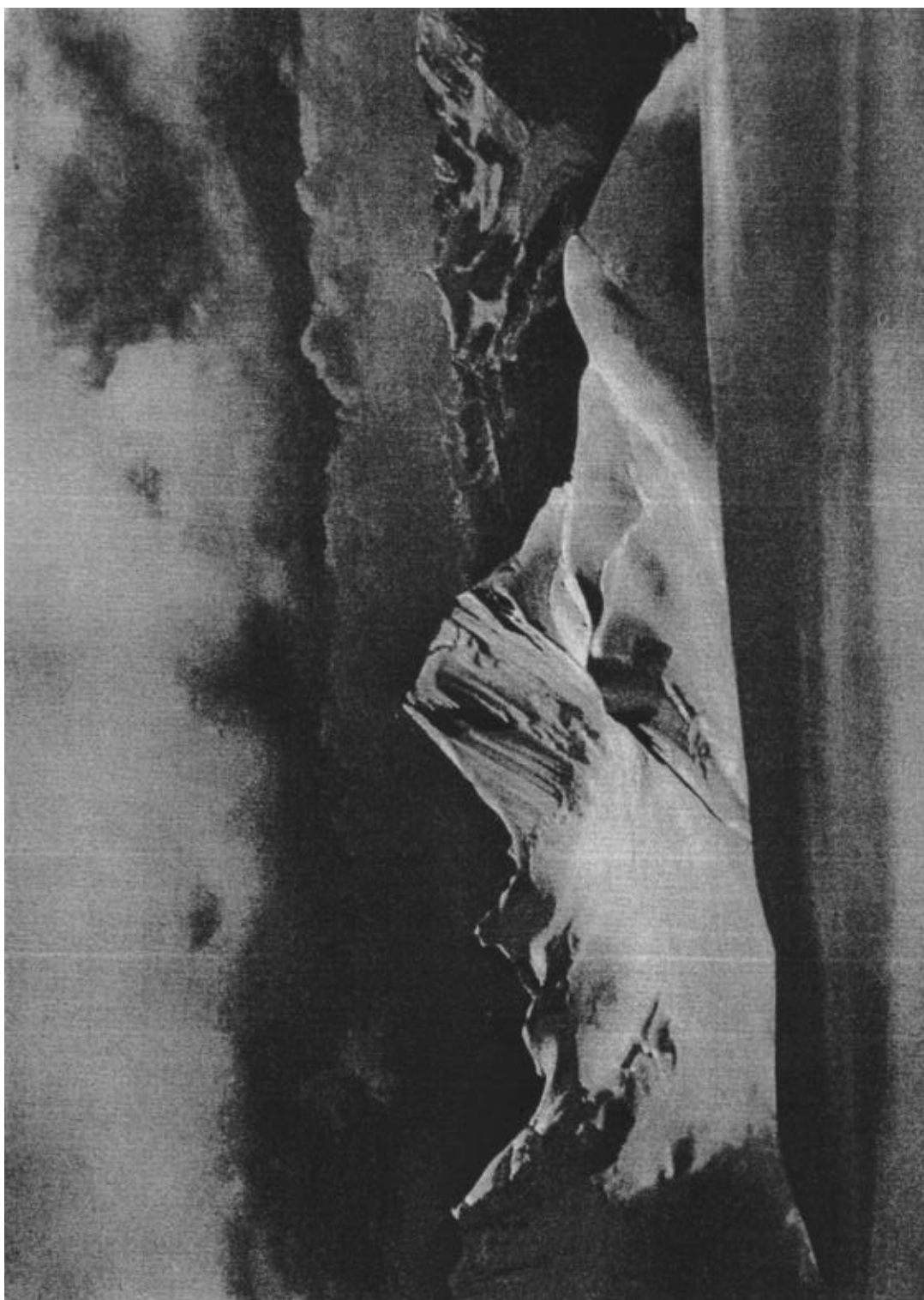


Рис. 19. Западный Памир, вид на запад с пика Палю 5670 м.

ственно говоря, обычно и случалось. Можно себе представить, каков был, вопреки всем ограничениям, объем и вес наших рюкзаков.

На следующее утро нас окутало густым туманом. Однако пережить его мы могли и в другом месте, так как несли нашу «Хижину Альпклуба» с собой в рюкзаке. Мы прошли вниз по леднику Федченко еще в течение получаса, а затем повернули на запад в очень широкую боковую долину, которую видели вчера вечером. Сначала расположение узких поперечных трещин слегка поднимающегося ледника не мешало продвигаться вперед наощупь. Но все же такая погода не подходила для поиска и прохождения неизвестного перевала. Кроме того, с запада дул недружелюбно холодный ветер. Надо было переждать, и так как при этом мы реально замерзли, то сели рядышком на рюкзаки и натянули сверху нашу палатку. Сидеть внутри было очень тепло. Не хватало только видимости, и таким образом нужно было время от времени высовывать голову в холодный туман, чтобы посмотреть, как дела с погодой. Как только появлялся какой-нибудь просвет, мы брели дальше. Все же наконец, когда на плоском фирновом поле стало непонятно, куда дальше идти, мы продолжили терпеливо ждать проверенным способом. Наконец, в 11⁰⁰ наше терпение было вознаграждено. Реально разъяснилось. Мы стояли на фирновой седловине добрый километр в ширину. Как позже выяснилось, это был искомый Кашал-Аяк, высотой около 4350 м. Но здесь трудности только начинались. Как и ожидалось, мы очутились наверху большого крутого сброса. Поэтому сначала мы поднялись на выступающую из ледника скальную башню, чтобы сориентироваться.

Облака отступают все больше и больше. Лед круто сбегает из-под ног на добрые 1000 м вниз, как застывший водопад с белой бурлящей пеной. Справа и слева от нашего гребня верхние сбросы ледников с их упорядоченными дугами трещин, за ними сверкающие фирновые склоны, вершины, еще в седых облаках. Но самое великолепное находится напротив нас. Черные горные склоны с невероятно смело прилепившимися висячими ледниками вытягиваются на 3000 м в неодолимом стремлении вверх; зубчатые гребни ведут к острым, как иглы, вершинам, бело-чешуйчатые ледяные драконы выползают изо всех концов долины и обвивают свое мощное тело вокруг подножия этих гордых зубцов, чтобы, наконец, слиться вместе в полосатое, черно-белое, в маленьких синих точечках сказочное существо и выдвинуться в широкие дали. Так рельефно, как этот великолепный клочок земли, пожалуй, лишь немного выглядит на прекрасной земле господина Бога (рис. 20 на стр. 61, рис. 21 на стр. 62).

Теперь настало время разуть глаза. Ледовые сбросы не привлекали спускаться. Но все же склон, ограничивающий их справа, смотрелся благоприятно. Мы решили попытать счастья там. Конечно же, траверс без потери высоты потерпел неудачу из-за скрытого от нас ущелья. Но затем все пошло нормально: по снегу и скалам, потом даже по травянистому склону, просто вниз. К сожалению, наш альпинистский опыт подсказывал, что гребень внизу наверняка будет отшлифован, и, так как только позднее можно было установить, что он легко проходим до самого подножия, мы траверсировали налево в широкий желоб. Там мы съехали по твердому конгломерату



Рис. 20. Ледник Ванч (современное название — ледник РГО) ниже перевала Кашалаяк, вид на запад.

с вонью и грохотом камнепадов, а в нижней части ледопада поймали еще и работу для наших кошек.

Большой крутой сброс мы преодолели. Теперь мы стояли глубоко внизу под громадными горными склонами, здесь они производили на нас еще большее впечатление, чем раньше. Последовал утомительный путь вниз по широкому долинному леднику Кашал-Аяк (леднику Ванч).²⁷ Время от времени попадался участок прекрасного катка. Но потом зловерные трещины снова перекрывали дорогу. Правда, всякий раз попадался мост из моренных камней, но бесконечное вверх-вниз по шатким глыбам вовсе не доставляло удовольствия. Когда наступил вечер, мы поставили нашу палатку на травянистой террасе левого борта ледника.

На следующее утро мы пошли дальше по прелестной морене. Уже сейчас я мог установить, что мы в той самой долине большого ледника, в которую мы с Алльвайном уже заглядывали снизу на неделю раньше. Но одним этим наше географическое задание еще не было решено. Мы шагали дальше. В полдень мы достигли полностью погребенного под моренным чехлом, состоящего из мертвого льда языка ледника, 2500 м. По ту сторону реки, которая течет сюда слева из уже известной нам боковой

²⁷ Современное название — ледник РГО

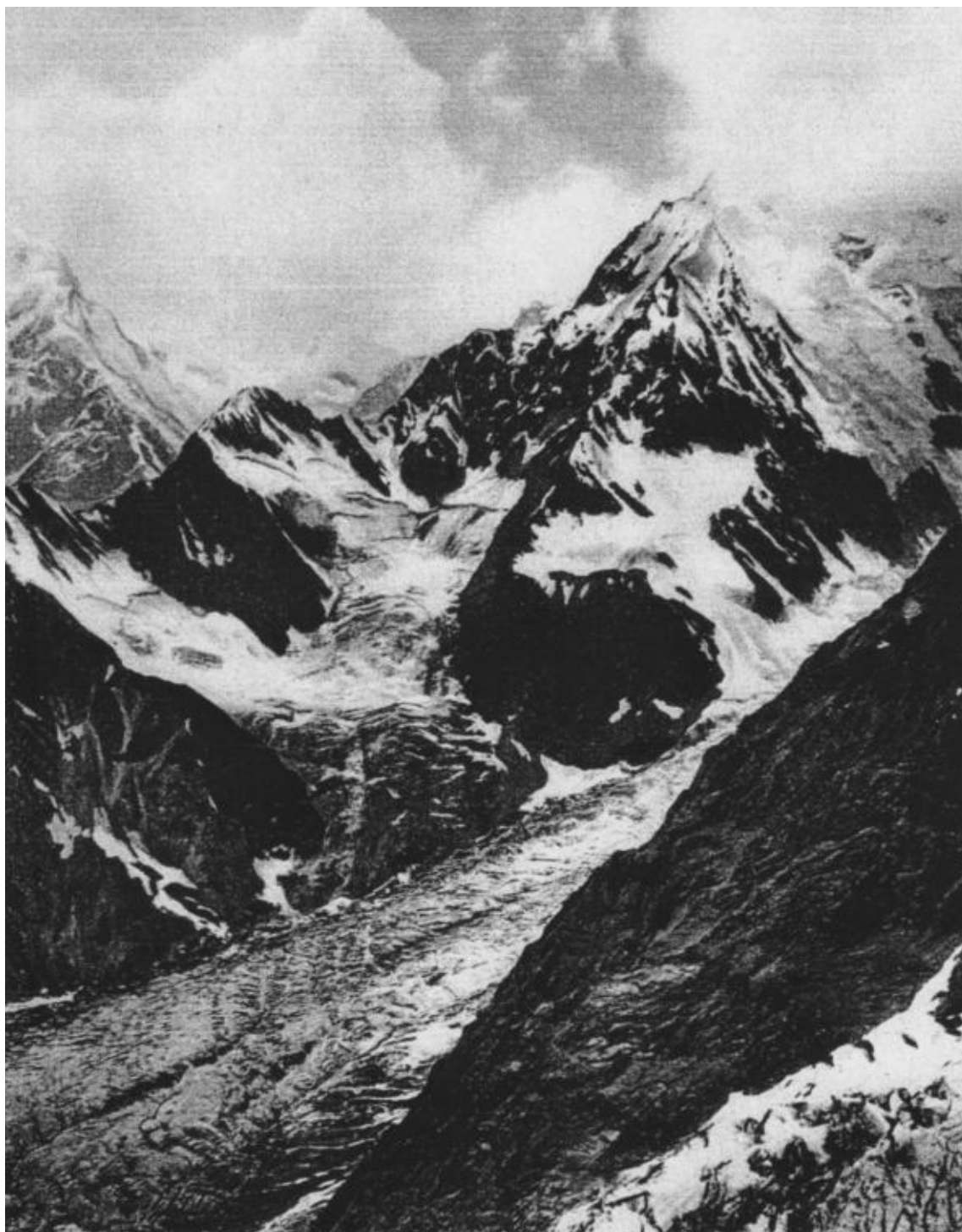


Рис. 21. Горы Дарвазского хребта, вид с перевала Кашалаяк 4350 м.

долины,²⁸ на зеленом моренном конусе паслись коровы. Но пастухов нигде не было видно. Вин попытался перейти реку вброд. Напрасно. По прошествии дневного времени все выше поднимающаяся вода была чересчур сильно. Так как водные массы нашего ледника вытекают намного выше с правой стороны, нам снова пришлось добрую часть пути ковылять назад. Затем мы быстро пошли вниз по прекрасному песку и гравию у правого борта долины, все прижимы реки также легко преодолевались.

Под вечер мы сверху увидели на нашей стороне идущую вниз тропу. Равномерные темно-зеленые и желтые четырехугольные пятна растительности также уже давно возбуждали наше внимание. Сначала еще надо было преодолеть густо переплетенный кустарник жостера. После этого мы очутились на пологом горном склоне, над которым поработала человеческая рука. Особенные четырехугольники оказались бобовыми и ячменными полями. Их окружали кусты и высокие деревья, мы нашли даже яблоню, однако с совсем маленькими, травянисто-зелеными кислыми яблоками. Но мы не нашли людей. Тут было несколько разрушенных каменных хижин, и в еще хорошо сохранившемся, но давно неиспользованном козьем загоне мы устроились на ночлег. Барометр показывал 2350 м. Там, ниже по долине, по ту сторону реки мы увидели маленькую деревню. Мы решили, что это Пой-Мазар, так оно и было на самом деле. Но в то время мы еще точно этого не знали. Мы хотели в любом случае положить быстрый конец борьбе теорий в обоих лагерях Танымас, хотели также избежать упрека в том, что нас якобы интересовали только вершины. Это может объяснить нашу настойчивость в достижении своей цели. Таким образом, мы решили проникнуть за реку, чтобы спросить жителей, как называется деревня, а кроме того пополнить наши припасы. Конечно, сейчас, вечером уровень воды был слишком высок. Зажженный нами большой костер жители на той стороне, к сожалению, не замечали, по крайней мере, они нам не показались. Были ли именно сейчас лошади, которыми они могли бы нам помочь, также было неизвестно, несмотря на соответствующие старые следы на нашем берегу.

Итак, решено: реку переходим вброд! (рис. 22 на стр. 64) Самое благоприятное время дня во всяком случае было ранним утром, когда уровень воды наинизший. 22 августа 1928 года в 6⁴⁵ мы стояли на месте, показавшемся нам благоприятным. Горный поток тек, разделившись на несколько рукавов, по широкой равнине из щебня. Мы разделись, затем снова надели шерстяные жилеты, чулки и горные ботинки. Прочую одежду и ледоруб положили в рюкзак, каждый нес в руке длинную мощную жердь. Два маленьких боковых рукава легко переходились вброд. Но затем настала очередь главного рукава, в том месте примерно столь же широкого, как Инн у Ландэкса. Температура воды составляла 2°. Мутные желто-коричневые потоки устремлялись со злобной скоростью, примерно 4 – 5 м/с. Вода у тела высоко поднималась на дыбы, но хотя волны доставали до туловища, все же мы еще могли как-то выдерживать напор. Медленно продвигаясь вперед, мы дошли почти до середины реки, но там беда меня настигла. Горный поток катил с собой тяжелые глыбы, их глухое громохание было отчетливо слышно еще с берега. Один такой булыжник накатился

²⁸ Абдукагор

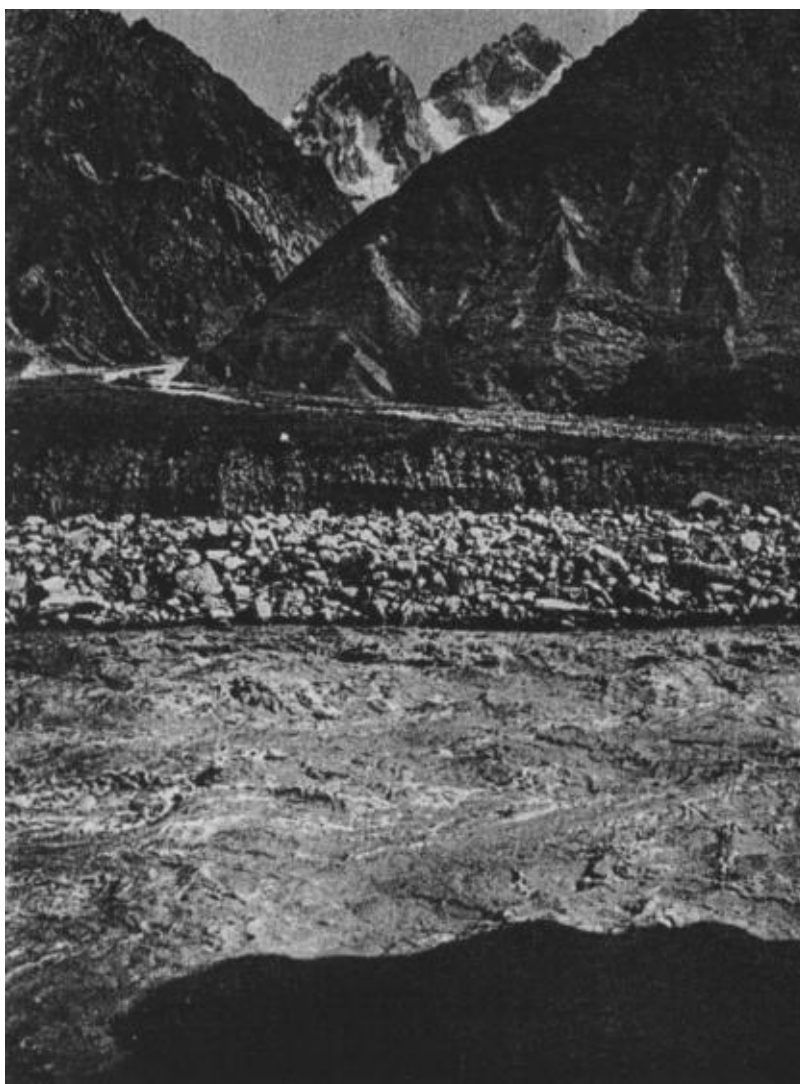


Рис. 22. Река Ванч выше Пой Мазара.

на мои ноги и подбросил их вверх ото дна. Поток смыл меня с неистовой скоростью. Вин как раз вовремя успел повернуть назад. Помочь он ничем не мог.

Меня несло в адском бурном потоке, река швыряла меня о скальные глыбы, вероятно, также топила, я точно не помню. Ниже по долине грозили крутые скалы прижимов, в тесном ложе которых горный поток бушевал еще страшнее. Однако есть особенность, что зачастую даже в таких чрезвычайно серьезных жизненных обстоятельствах сохраняется юмор. Так было и здесь. Моя зеленая шляпка плыла в потоке рядом со мной слева. Шляпка, которую я себе купил, будучи старшеклассником, чтобы с форменной шапкой не бросаться в глаза на запретных попойках; которая затем в студенчестве возвысилась до горной шляпы и верно служила мне теперь уже 25 лет. Красота ее была спорной. Это был ужас для моей жены и даже для покойной матери,

хотя обычно мамы бывают весьма снисходительны к своим сыновьям. Когда шляпка плыла таким образом рядом со мной, я подумал: «Нет, ты еще слишком молод и красив, чтобы умереть!» — отпустил альпеншток, которым все равно уже никак не мог воспользоваться, рванулся и схватил свою шляпу. Затем я резко перевернулся на правый бок и поплыл. Мне на удивление хорошо удавалось плавать в этом бурном горном потоке, я совершенно уверенно плыл к исходному берегу. Все это происходило гораздо быстрее, чем можно рассказать. Адское плавание продолжалось, наверное, полминуты, меня снесло рекой на расстояние примерно 150 – 200 м. Высадка на берег была скорее посадкой на мель. Я жестоко натыкался на острые скалы, горный поток рвал меня об них еще некоторое расстояние, прежде чем я смог крепко ухватиться. А потом я лежал, дрожа от холода. Наступил шок от пережитого. Только теперь я реально оценил, какой подвергался опасности. Никогда еще до такой степени я не полагался на волю Бога.

Быстро прибежал Вин. Мы вернулись назад до большой кучи хвороста. Вин развел большой костер, у которого мы согрелись и высушили одежду. Медицинский осмотр оказался весьма плачевным. Две больших рваных раны в правом бедре, вокруг них тяжелые кровоподтеки, рана и кровоподтек на правом колене, сильная боль в левом тазобедренном суставе, вдобавок еще дюжина других ран на руках и ногах, не говоря уже о синяках и шрамах.

Что делать? Ждать таджиков? Они, наверное, тоже не могут перейти реку в это время года. Кроме того, любое ожидание означает голодать, а то и вовсе умереть с голоду. У нас и так осталось очень мало еды, да и меня с травмами лучше всего было бы поднять в наш лагерь. Итак, решено: стиснув зубы, как можно быстрее идти обратно!

Примерно через два часа ходьбы вверх по долине мы увидели на противоположном берегу пастуха, а он нас. Слишком поздно. В грохоте горного потока невозможно было понять друг друга. Нужно были идти дальше. Время поджимало.

Дорога была суровой, прежде всего по леднику Ванч²⁹ с его отвратительными высокими ледовыми и осыпными буграми. К тому же голод. Зеленые яблоки, немного шоколада и желтая, горькая вода из моренной жижи — это было нашей едой; теперь даже вода считалась питанием. Наши желудки блестяще справлялись со смесью. Ночь, проведенная на боковой террасе рядом с ледником, прошла плохо, у меня был жар и сильные боли. Однако идти дальше, только не оставаться лежать! Причем весь день я еще и усердно фотографировал.

23 августа к полудню мы достигли великолепного цирка в верховьях ледника Ванч. Там я первый раз выбился из сил. Полчаса сна и немного еды снова поставили меня на ноги. Как мы благодарили старого приятеля Густава Хильдебранда: его шоколад и особенно фруктовая паста всякий раз снова взбадривали мое шатающееся тело!

²⁹ Современное название — ледник РГО

Вин, хотя и сам повредил пятку, забрал себе все тяжелые вещи из моего рюкзака. В дальнейшем он превосходно понимал мое состояние и помогал психологически. В эти дни я так ясно ощутил, что такое настоящая дружба!

Для примерно 800-метрового подъема на крутую ступень мне потребовалось 6 часов. Когда мы, наконец, достигли Кашал-Аяка, наступила ночь. Но мы плелись дальше до нашего осыпного лагеря на леднике Федченко, так как там у нас была «заброска». Правда, она состояла всего из одной палки гороховой колбасы, немного шоколада, какао, а также достаточного количества горючего. Лишь около полуночи мы провалились в свинцовый сон.

Настало золотое утро. Мы поползли дальше. Мы шли медленно, но все еще шли. Иногда я спал четверть часика, часто освежал истощенное тело сочащейся здесь великолепной чистой ледниковой водой. Во время одного такого умывания, вскоре после полудня, я вижу справа людей. Мы зовем, машем. Нас слышат. Это Алльвайн, Шнайдер, Шмидт и русский лейтенант вместе с носильщиками, которые в тревоге о нашем долгом отсутствии были направлены на поиски. Крепкое товарищество русских и немецких участников экспедиции было и здесь превосходно оценено в деле. Великая радость, сердечные приветствия, затем непрехотливая еда. Но когда под конец как особенное лакомство нам предлагали шоколад, мы с чувством ужаса отказывались — и для успокоения эмоций уничтожали еще фрикадельку.

Вечером мы вернулись в базовый лагерь. Неделями я лежал пластом. Колено и тазобедренный сустав, к счастью, вскоре снова пришли в порядок, но раны ужасно гноились. Самая большая в ее наихудшем состоянии была 11 см в длину, 4 см в ширину, 3 см в глубину, все очень медленно заживало в условиях более чем проблематичной гигиены. Я больше не мог принимать участие в больших горных выходах. Географический успех лишь отчасти служил утешением.

В это же время пришло печальное известие от Кольхаупта, который раньше уже перенес тяжелое падение с лошади. Теперь он получил удар копытом по лицу. Верхняя челюсть и носовая кость были сломаны. Заслуживающий сострадания, он лежал под присмотром Ленца еще дольше, чем я, вынужден был прервать все свои дальнейшие планы и при первой же готовности к передвижению возвращаться для клинического лечения в Германию.

Вместе с тем, что Финстервальдер видел с дальней части ледника Академии Наук, а Алльвайн со Шнайдером во время их первого южного выхода, наши разведки дали сведения о продолжении горного района на западе. Кроме самых южных, все перевалы ведут в долину Ванча, от которой в ее верхней части на юг ответвляется большой приток — Абдукагор, к которому мы попали из Медвежьей долины. В качестве проходов для местных принимаются в расчет только Кашал-Аяк и, возможно, только что пройденный Крыленко, Россельсом и Дорофеевым лежащий примерно на 7 км дальше к югу перевал 4950 м,³⁰ имеющий несколько седловин, с подходами с восточной стороны либо по долине Танымаса, либо через язык ледника Федченко. Ведущий в долину Язгулема сложный ледовый перевал в самой южной части ледника

³⁰По-видимому, имеется в виду перевал Шмидта или перевал Е. Розмирович (оба 2А)

Федченко,³¹ которого Алльвайн и Шнайдер достигли 23 августа с восточной стороны и в ледопадах которого Шмидт и Перлин позже напрасно искали спуск, был, наконец, пройден Горбуновым, Крыленко, Россельсом и Дорофеевым во время их отважного выхода с запада, при этом наихудшие ледовые сбросы они обошли сбоку.

Для продолжения экспедиции наши разведки также имели огромное значение. Первоначально запланированный переход со всем скарбом в одну из «западных долин» оказался невозможен, даже если бросить лошадей. Поэтому Рикмерс повел экспедицию по пути назад до Кок-Джара, а затем на север через перевалы Тахта-Корум и Каинды на Алтын-Мазар.

Ледник Федченко, южная часть

Э. Шнайдер, К. Вин

(Шнайдер): В тот же день (19 августа), когда Борхерс и Вин отправились вниз по леднику Федченко для поисков прохода в «западные долины», мы с Алльвайном с той же целью пошли вверх. У нас в распоряжении также не было носильщиков, мы сгибались под тяжестью плотно набитых рюкзаков, но в конце концов мы были к этому привычны. Единственный раз в виде исключения нам удалось очень своевременно выйти из базового лагеря; образующиеся во второй половине дня бездонные ледниковые болота не только заставили поторопиться нас, но и осенили спешкой всех, кого это касалось. По тому же пути, который уже раньше был проложен к «Белому Рогу», мы достигли большого ледника. Сначала все получалось вполне хорошо, там и сям кто-нибудь вступал в лунку с водой, что в немалой мере способствовало взаимному развлечению. Однако при оценке расстояния мы основательно обманывались: всякий раз справа или слева опять выступал очередной отрожек, а цель снова отдалялась. Час за часом с потупленным взором мы рысью бежали друг за другом, а нам мерещились железные и автомобильные дороги. Таким образом проваливаться в болоте ледника и «колбаситься» через кальгаспоры при длительном упражнении теряет привлекательность новизны и оставляет одно лишь мучение.

С вершины «Белого Рога» было обнаружено широкое седло³² к югу от Высокого Танымаса. Между прочим, название этой удивительно красивой горы не вполне последовательно, так как она поднимается уже не из долины Танымаса. Тем не менее, оттуда она выглядела именно таким образом, и название осталось. В середине дня у подножия горы на узком скальном карнизе поблизости от ледникового болота на высоте 4950 м мы поставили нашу высотную палатку. После обеда мы поднялись на перевал высотой 5050 м и немного спустились на ту сторону, пока не смогли установить, что три ледника, стекающие с востока, юга и запада, сливаются в один цирк и текут на север, и таким образом относятся к бассейну той самой долины,³³ в которой

³¹Перевал Язгулемский (2Б)

³²Перевал Абдукагор (2А)

³³Абдукагор

Алльвайн и Борхерс несколько дней назад уже побывали. Если долина Язгулема лежала далее к югу, и туда вообще существовал проход, то он должен был находиться где-то еще выше.

Ночью было беспокойно. Над нами прошли несколько гроз — первые, которые мы испытали на Памире. Штормовой ветер изо всех сил трепал нашу палатку, нам пришлось всю ночь следить, чтобы ее не сдуло с нашего постамента. Утром лежал свежий снег, вершины до самого ледника были застланы туманом. Как ни прекрасно выглядел теперь ландшафт нашей стоянки, все же мы не хотели вторую ночь провести вместо сна в вольных упражнениях. Поэтому мы сначала заботливо потрудились, построив из крупной осыпи склона площадку со всеми тонкостями, ветрозащитной стенкой, подложкой из мелкой щебенки, защитой от камнепада. К чему я целый год набирался опыта в качестве шахтера? Когда погода стала несколько налаживаться, мы пошли вверх по очень ровному и удобному в этом месте фирну ледника Федченко. Через несколько часов мы зашли в последний угол. Погода оставалась неустойчивой. Время от времени на нас налетали небольшие метели. В дальнем конце справа широкий проход³⁴ ведет на юго-запад. Ледник сначала почти не понижается; но через несколько сотен метров превращается в дикий ледопад. Внизу мы увидели сквозь облака и туман угрюмую долину, мы предположили Язгулем. Какой-никакой желаемый обзор мы получили. Но пытаться пролезть здесь сегодня было бы в высшей степени неразумно. Поэтому мы вернулись назад к нашему старому высотному лагерю.

Когда к вечеру погода улучшилась, мы решили как бы отдохнуть от беготни по ледникам и взойти на Высокий Танымас. То, что он, вероятно, был 6000 м высотой, послужило дополнительной приманкой. 23 августа на заре мы вышли из высотного лагеря. Мы разведали подъем: с юга по фирновому склону до гребня к востоку от восточной вершины, и через нее на запад к главной вершине. Легко и быстро мы поднялись в кошках по крутому фирну до самого гребня за полтора часа. Теперь становящийся все более крутым гребень, ведущий на предвершину, причинял значительно больше трудностей (рис. 23 на стр. 69). Большая поперечная расселина, прерывающая линию гребня, нас очень беспокоила еще до того, как мы дошли до ее подножия. Над нами на добрые 40 м нависал карниз, с него свисали длинные ледяные сосульки. Только одно слабое место было на этом неприступном бастионе: слева от края гребня наверху изгиб, а внизу фирновый конус, все еще почти отвесный. Предстояла тяжелая работа. Алльвайн, шедший там первым, вынужден был рубить множество ступеней и зацепок, с трудом мы продвигались вверх по крутой ледовой стене. Хотя выше тоже не было простого пути, все-таки по гребню и его левому склону, а в конце через короткое боковое ребро мы существенно легче поднялись на восточную вершину (3 часа от лагеря). Дальше следовал чудесный путь по узкому гребню, нам казалось, что мы едва связаны с землей. На южной стороне скальные стены, лишь изредка пересеченные ледовыми кулуарами. На севере огромные карнизы над заснеженной и так нашпигованной висячими ледопадами стеной, как мы редко видели при такой крутизне. У наших ног ледник Федченко, из мно-

³⁴Перевал Язгулемский (2Б)



Рис. 23. Высокий Танымас 6000 м, с предвершиной, вид на запад.

жества боковых рукавов собирает он здесь свои ледовые массы, стекает на север и, поворачивая, исчезает за скальным отрогом. Вокруг венки из гор, на которые не ступала нога человека; из них особенно выделяются три, позже мы их назвали пик Фиккера, «Треуголка»³⁵ и «Широкий Рог».³⁶ На западе более низкие горы, между ними две большие долины; в них мы отчетливо распознали Язгулем и Ванч. На севере над несметным количеством вершин пик Гармо,³⁷ на 1000 м выступающий из своего окружения, а совсем вдали справа белый, могучий, массивный Заалайский хребет. На длинном гребне скальные жандармы чередовались с карнизами. Затем путь преградила крутая ступень. Здесь у нас был выбор, остаться на гребне, или же обойти уступ справа косым подъемом по северной стене. Решающее значение имело состояние снега. На гребне он был сдут или уплотнен солнцем, на северном склоне был рыхлым и сыпучим. Мы выбрали более сложный, но менее опасный путь. Еще немного развлечения, и к обеду мы достигли главной вершины Высокого Танымаса. Было тепло и безветренно, как раз чтобы насладиться отдыхом на вершине. Спускались мы с южной стороны. Сначала до обрыва на гребне выше последней сложной фирновой стены, затем по ребру по сыпучим, но простым скалам, дальше удалось быстро съехать по снегу. Наконец, через седловину на вершину, и опять по снегу до

³⁵Dreisnitz, пик Революции 6940 м

³⁶Breithorn, пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м

³⁷Пик Коммунизма 7495 м

плоских фирновых полей позавчерашнего перевала. Еще один короткий, но неприятный из-за раскисшего снега и большой жары участок, и мы были в нашем высотном лагере. Здесь мы оставили кое-какие вещи для следующего выхода, а затем, еще во второй половине дня, совершили утомительный переход до базового лагеря.

(Вин): Нашим очередным заданием был новый выход в верховья ледника Федченко. Из-за пока еще неподтвержденных сведений о несчастном случае с Кольхауптом в долине Бартанга Алльвайн сразу же спустился в Пыльный лагерь, чтобы привести все в готовность, если Кольхаупту потребуются его медицинская помощь. Таким образом, наш все еще внушительный караван, покинувший утром 26 августа Перевальный лагерь, состоял из Шмидта, Перлина, Шнайдерова, Толчана, Финстервальдера, Бирзака, Шнайдера и меня, а также 9 носильщиков. Единственной тяжестью, которую они должны были нести, была киноаппаратура. Переход по леднику показался нам бесконечным. Ледник был, наверное, 3 – 4 км в ширину, и только в 30 км впереди мы могли предполагать его конец. Мы вообще почти не замечали продвижения вперед, горный пейзаж перед нашими глазами оставался неизменным в течение многих часов. До лагеря «Высокий Танымас», по словам Шнайдера, должно было быть около 6 часов хода, при нашем обычном темпе мы, наверное, уложились бы в это время. Но это не удалось из-за невероятной медлительности носильщиков, большую часть времени они неподвижно сидели на снегу, ускорить их продвижение было никак невозможно, а Шнайдеров и Толчан в этом им не уступали. Таким образом, только вечером мы добрались до места, где собирались разбить лагерь, почти потрясенные тем, что вообще смогли туда дойти.

Теперь на юге перед нами лежала область главных истоков ледника. Три горы обрамляли эту наивысшую часть с востока. Самый северный — пик Фиккера 6726 м (рис. 24 на стр. 71), далее «Треуголка» 6950 м,³⁸ на которую мы уже напрасно пытались взойти с другой стороны (рис. 14 на стр. 48), и «Широкий Рог» 6850 м³⁹ (рис. 25 на стр. 72), очевидно, уже находящийся на самом южном краю нашего фирнового плато. Здесь Финстервальдер отстал, он хотел начать свои работы с Высокого Танымаса, а затем продвигаться дальше на юг. Шнайдер с одним носильщиком еще рано утром отправился искать подходящую площадку для лагеря у подножия Широкого Рога. Наша остальная колонна приходила в движение снова очень медленно. Через относительно короткое время мы увидели, что носильщик Шнайдера возвращается назад. Шнайдер по дороге увидел с ледника, что значительно целесообразнее сначала обратить внимание на пик Фиккера, и выбрал площадку для лагеря на краю второго восточного бокового ледника,⁴⁰ в верховьях которого стоит эта гора. То, что он не ушел дальше, оказалось очень кстати, так как пока подошли кинооператоры с носильщиками, наступил вечер. Здесь мы встали лагерем, примерно на 50 м выше ледового потока, лежавшего здесь у наших ног в виде совершенно однородного,

³⁸Пик Революции 6940 м

³⁹Пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м

⁴⁰Ледник Снежный

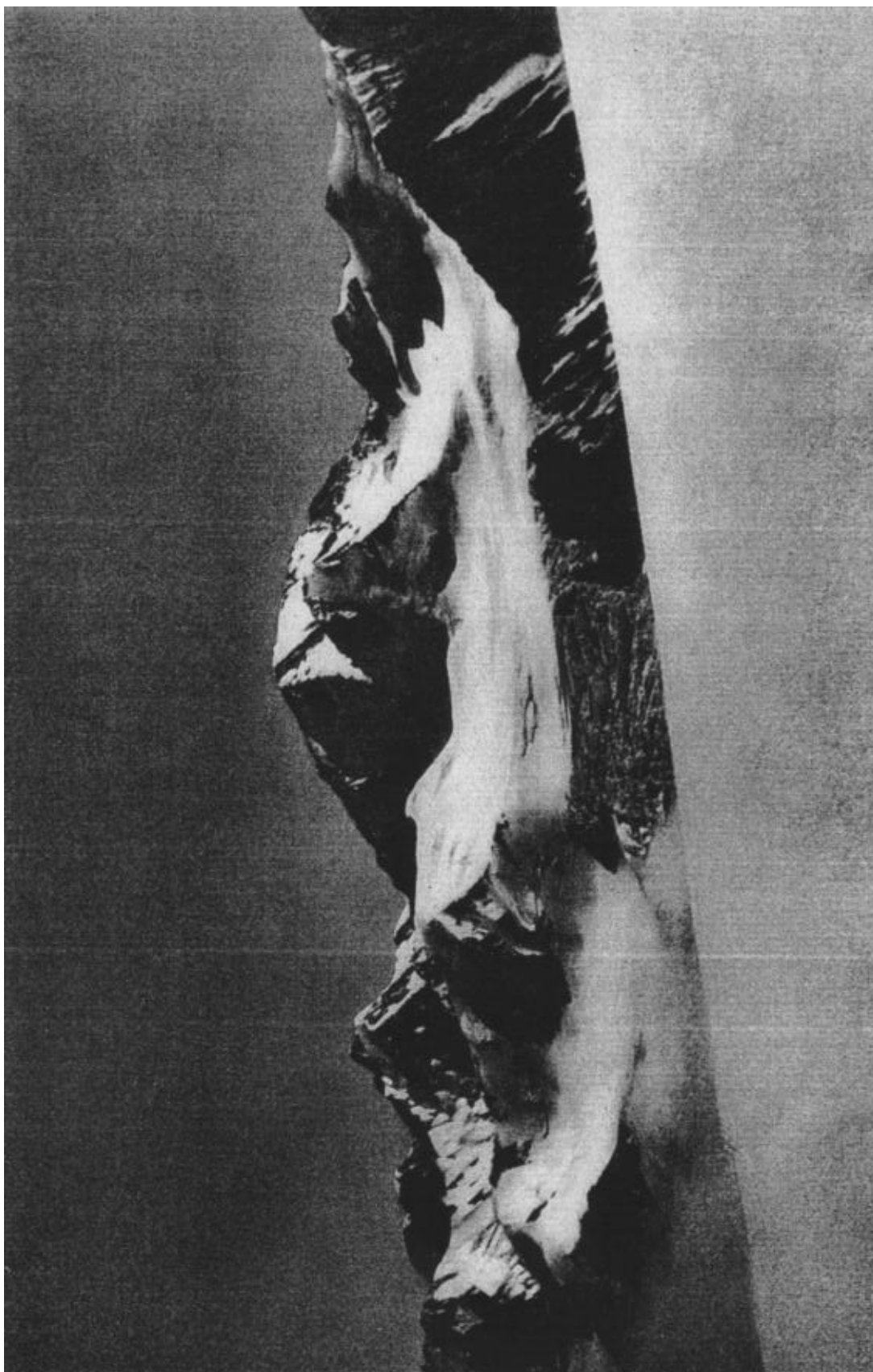


Рис. 24. Пик Фиккера 6726 м, вид с подъема на Широкий Рог.



Рис. 25. Широкий Рог 6850 м (современное название — пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м), вид из верховьев ледника Федченко.

без единой трещины фирнового поля, очень сюрреалистичный вид, а над ним глухие гранитные стены.

На следующий день, 28 августа, в 5³⁰ мы с двоими русскими альпинистами Шмидтом и Перлиным отправились на восхождение на пик Фиккера и шли по ровному боковому леднику до начала западного гребня. Он ведет на вершину, отделенную перемычкой от основного массива горы. Сначала все шло гладко. По прекрасному фирновому полю мы поднялись до высоты гребня, затем было немного скал, а над ними голый лед, в котором кое-где пришлось рубить ступени. После прохождения еще одного скального пояса мы вышли наверх на пространные крутые фирновые поля, на которых связались и надели кошки. Теперь мы находились на высоте уже около 6000 м. При сложных восхождениях на таких высотах требуется хорошая высотная акклиматизация. К сожалению, наши русские приятели, которые поднялись в горы гораздо позже нас и еще не получали возможности привыкнуть к таким вещам, оказались здесь не в лучшей форме. Когда к тому же пошел снег, да еще и опустился туман, мы были вынуждены отказаться от вершины и повернули назад. В 5 часов дня мы снова спустились на ледник и через час были в лагере.

На следующий день, 29 августа, оба наших русских спутника пошли в разведку через перевал Язгулемский, а кинооператорам нужно было как можно быстрее возвращаться в базовый лагерь, так как в их отсутствии один таджик, чудака Алиханов,

выпил весь их спирт, состоящий наполовину из денатурированного, впрочем, без того, чтобы это ему чем-нибудь навредило. Таким образом, наш лагерь остался полностью покинут, так как мы со Шнайдером в 5³⁰, еще раньше остальных, вновь отправились на пик Фиккера. Утром было реально холодно, термометр в лагере показывал -15° , к тому же ветрено, но день обещал быть превосходным. На этот раз мы хотели обойти гребень и подняться из южной ледниковой мульды по крутому ледовому кулуару сразу на седловину между предвершиной и массивом основной вершины (на рис. 24 на стр. 71 левый гребень — это путь подъема).

В 7³⁰ мы подошли к подножию ледового кулуара на высоте 5400 м и надели кошки. Крутые ледовые кулуары диктовали темп. В нижней части еще было немного фирна. Затем пошел лед, который, однако, вследствие того, что днем в большую жару размягчался на солнце, а ночью снова застывал, имел хотя и гладкую, но очень неоднородную поверхность. Таким образом, всегда находилась менее наклонная поверхность, на которую можно было поставить ногу. При случае приходилось вырубать ступеньку. Перепад высоты до седловины составлял около 500 м. Половину мы преодолели в первые полчаса, на следующие 250 м, где крутизна льда сильно менялась, и приходилось искать дорогу, понадобился еще час, так что в 9⁰⁰ мы стояли на седловине на высоте почти 6000 м. За седловиной сначала простиралась довольно пологая местность. Там под защитой от ветра за освещенным солнцем камнем мы отдохнули, согрели на солнце ноги и фотоаппарат, у которого замерз затвор. Через час мы пустились в дальнейший путь. По нашей оценке, вершина должна была иметь высоту 6300 м, и, так как отсюда она не была видна, мы думали, что через 300 м лазания будем наверху. Однако вскоре выяснилось, что это было глубоким заблуждением. Сначала вообще не было возможности следовать линии гребня: страшные обрывы на южную сторону до самого низа. Таким образом, нам пришлось в глубоком снегу траверсировать северный склон по полкам, затем с большим трудом барахтаться в сыпучем рыхлом снегу вверх примерно до 6200 м. От 6200 до 6400 м шло приятное лазание по гладким блокам, которое, однако, на этой высоте все-таки несколько напрягало. Характерное плато, вздымающееся к небу, было первым, что мы приняли за вершину. Но хотя мы находились уже выше 6400 м, гребень тянулся вверх еще дальше и выше. Также и следующий выступ, которого мы достигли через полтора часа, частично по скалам, частично снова тропя по снегу, и с которого уже однозначно отходил отрог, выглядящий из долины как вершинные скалы, все еще не был вершиной. Только в 15³⁰, после продолжительного пологого подъема мы достигли наивысшей точки, 6726 м.

Хотя мы оба изрядно выдохлись, все же в первую очередь мы посмотрели на восток и на юг — на ледник Музкулак⁴¹ и на «Треуголку».⁴² Нам стало ясно, что о подъеме со стороны Федченко речь не идет, и что единственную возможность подъема мы погребли в лавине под ее гребнем. Поэтому мы обратили внимание на

⁴¹ Ледник Грумм-Гржимайло

⁴² Пик Революции 6940 м

третью вершину — «Широкий Рог».⁴³ Спуск до седловины 5900 м прошел быстро, так как теперь мы могли спускаться по глубокому снегу просто прямо вниз. Однако ледовый кулуар показался нам слишком крутым для спуска, тем более, что сейчас, во второй половине дня поверхность была довольно мягкая и ненадежная. Поэтому мы решили спускаться по западному гребню, по которому в предыдущий день уже почти подошли под предвершину. Сначала надо было преодолеть примерно 100 м подъема до вершины этого гребня, затем шел участок острого, как нож, ребра, сильно пересеченного карнизами, который стоил нам большого труда и 45 минут времени, и наконец мы оказались на нашей вчерашней тропе. Еще за час мы легко спустились вниз. В высотном лагере мы встретили Альвайна, который сегодня за один переход поднялся сюда от Верхнего лагеря Танымас. Он встретил Толчана и по его описаниям нашел наш лагерь. Ехать к Кольхаупту ему больше не было необходимости.

30 августа мы шли только до следующего скального отрога Широкого Рога. Здесь мы обнаружили в совсем незаметном углу между известняковой стеной и льдом тесное ущелье с грудой гальки и замерзшим озерцом — великолепная площадка для лагеря, 5280 м. Весь процесс длился всего несколько часов, так что этот день для нас обоих мог считаться заслуженным днем отдыха. Погода была плохая, все в мрачных тонах, время от времени шел снег.

Мы хотели обойти нижнюю часть северо-западного гребня «Широкого Рога» с юга и по крутому льду выйти на седловину непосредственно перед основным массивом. Начало подъема в принципе складывалось совсем как на пике Фиккера. Мы втроем отправились в путь в 5³⁰, полчаса шли по леднику на юг, затем за 2 часа по крутому, большей частью голому льду с набором высоты 800 м поднялись на ровный участок гребня за предвершиной. Подавляюще действует здесь стена соседней «Треуголки» — могучая вереница плит из желтого известняка, большая часть которой покрыта маленькими висячими ледниками. К сожалению, наше восхождение проходило целиком с северной стороны, снег был сыпучий и глубокий, пахать по нему вверх было утомительно. Мы старались по возможности выбирать путь по скалам, но также и они были очень сложны и сильно заснежены. Около 2 часов дня мы внезапно попали в густой туман, без того чтобы погода перед тем демонстрировала какие-либо угрожающие признаки. Продвижение вперед по крутому вершинному куполу, а мы могли находиться на высоте около 6500 м, стало от этого еще труднее. Так как крутым снежным склонам, которые в тумане быстро терялись из виду, доверять было нельзя из-за опасности сорвать снежную доску, тропить по снегу вдоль скал было весьма напряженно.

То, что нам в тумане вообще не было видно, где мы находимся, и как далеко еще до вершины, приводило к значительной опасности, и очень много энергии потребовалось, чтобы преодолеть именно последнюю пару сотен метров. Когда мы, наконец, взошли на напоминающий вершину фирновый купол, облачность на юге внезапно разорвало, и мы увидели в нескольких метрах к востоку от нас наивысшую точку, 6850 м. Термометр показывал -18° , что было очередным доказательством того, как

⁴³Пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м

быстро там температура понижается с высотой. Вскоре видимость на юге снова закрылась, мы еле успели сделать еще несколько снимков. К сожалению, мы не могли в полной мере использовать наше благоприятное местонахождение для прямо-таки идеального вида на все долины, лежащие к югу от края верхнего фирнового плато. Наши следы вели по снегу прямо вниз, как по струнке, только один раз нас немного задержал небезопасный надув. Вскоре мы вышли из тумана. Малоприятен был еще 500-метровый ледовый склон в самом конце, который требовал максимальной осторожности и очень сильно напрягал колени (путь подъема виден на рис. 25 на стр. 72 слева). В 18³⁰ мы вернулись к своей палатке изрядно уставшими, и я не припомню, чтобы когда-нибудь за всю экспедицию спал так крепко, ни разу не просыпаясь, как в эту ночь.

Опять прошла почти неделя, как мы не были в базовом лагере; на следующий день, 1 сентября, мы хотели туда вернуться, 30 км по бесконечному леднику. Это получилось относительно неплохо. Алльвайн большими шагами спешил вперед, и уже через 3 часа мы прибыли в лагерь Высокий Танымас. Мы встретили там Финстервальдера со свежим провиантом и кучей почты, которая пришла с каким-то вспомогательным караваном с Кара-Куля, где регулярный почтовый курьер оставил ее на Памирском посту, затем в Пыльный лагерь, в Верхний лагерь Танымас и, наконец, с носильщиком в наш высотный лагерь, на высоту почти 5000 м. Отсюда было еще немного больше 5 часов хода. По дороге мы догнали Шмидта и Перлина, которые довольно далеко спустились по ледопадам на ту сторону перевала Язгулемского, но из-за полного отказа их носильщика — того самого, который принял спирт, не смогли спуститься до самого низа. Вместе с ними мы прибыли в 6 вечера в базовый лагерь. Очень характерны слова, которыми завершается эта часть в моем дневнике: «Ну, теперь 2 дня отдыха!»

Вниз по леднику Федченко в Алтын-Мазар

К. Вин

Два дня отдыха превратились в четыре. Причиной этому были различные организационные трудности, во многом изменившиеся в связи с перестройкой планов. Когда западный край плоскогорья Федченко исследовали точнее, пунктом сбора экспедиции на середину сентября Рикмерс назначил Алтын Мазар. Это киргизское зимнее поселение находится недалеко от языка ледника Федченко, по которому все равно нужно было пройти до самого конца. При этом еще оставалось множество заданий. Сам Рикмерс снова взял на себя самую неблагоприятную должность, а именно, привести большой караван в Алтын Мазар через Тахта-Корум, трудный перевал на востоке. Группа Горбунова еще не поднялась из долины Язгулема, однако мы надеялись, что она нас еще догонит. А еще ведь мы хотели сначала взяться за Гармо,⁴⁴ чья трапециевидная вершина отчетливо выступала из лабиринта гор и глубоко врезанных долин

⁴⁴Пик Коммунизма 7495 м

Дарваза (рис. 26 на стр. 77). Хотя он находился от нас на удалении более 30 км, и мы могли видеть только половину этого расстояния, а именно, подход по леднику Федченко, все же мы считали, что обязаны попытаться. При работах в совершенно неизвестной местности все зависит именно от того, что предпримешь попытку где-нибудь там, где лучше всего покажется. Может ли она привести к достижению цели, удастся узнать только тогда, когда достаточно далеко продвинешься вперед, и редко путем теоретизирования.

Нехватка носильщиков до последней минуты ставила под сомнение возможность спуска по леднику Федченко до Алтын Мазара такого количества участников экспедиции. В конце концов выяснилось, что носильщиков как раз достаточно, и таким образом 5 сентября Шмидт, Алльвайн, Шнайдер и я решили отправляться. Борхерс, которому стало между тем несколько лучше, хотел пару дней еще полечиться, а затем для совместного перехода до Алтын Мазара встретиться с нами в «Северном лагере».

На выход потребовались привычные три часа, с 6 до 9 утра. Мы двигались по тому же пути, как недавно на Кашал-Аяк. Благодаря носильщикам, мы не скоро прибыли на место, особенно бесконечно длился последний участок по центральной морене, одной из многих параллельно идущих морен, которые следуют каждому изгибу ледника, исчезая далеко впереди в полном единообразии, и таким образом подчеркивая бесконечную длину этого ледового потока. Только в 6 вечера, через 9 часов, мы прибыли к помеченной туром площадке для лагеря, куда еще заранее были выдвинуты две палатки и большое количество провианта.

6 сентября мы отправили троих носильщиков обратно в Верхний лагерь Танымас, а двоих взяли с собой дальше вниз по леднику. Мимо широкого ведущего к Кашал-Аяку бокового ледника и могучего колосса «пика Рикмерса»⁴⁵ мы уже через 3 часа прибыли к устью ледника, двигаясь по которому налево (на запад), хотели подойти к пику Гармо. То, что мы теперь видели с гребня морены, не придавало нам мужества. Огромным 500-метровым сбросом боковой ледник обрывался в нашу сторону, наверху несколько более безопасное его продолжение вело к перевалу, с которого, вероятно, можно было осмотреть местность в направлении пика Гармо. Все-таки через сброс проходило одно скальное ребро, и мы решили по нему подняться. Тем не менее, когда мы подошли ближе, то заметили опасность.⁴⁶ Мы находились посреди лавинного конуса из больших свежих ледовых глыб, которые вряд ли были старше двух дней. Далее, мы видели, что наш маршрут проходил бы 2 – 3 часа по скалам, при постоянной угрозе далеко нависающих над ними ледовых сбросов (см. рис. 26 на стр. 77, в центре). Это было для нас неожиданностью, так как издали все выглядело гораздо положе и безопаснее. Мы решили вернуться. Мы остановились лагерем на морене

⁴⁵ По-видимому, имеется в виду пик Комакадемии 6419 м

⁴⁶ Здесь немецкие альпинисты описывают подход по леднику Военных топографов через перевал, который в настоящее время имеет название Большой Фонтан (ЗБ). Этот перевал пройден несколькими группами, ледовый сброс действительно обходят по скальному ребру, отмеченному немцами, тем не менее, путь через него считается объективно опасным и сейчас. То, что перевал Большой Фонтан на самом деле не ведет к пику Гармо (Коммунизма), немцам в тот момент пока еще не было известно.



Рис. 26. Пик Гармо 7490 м (общепринятое современное название — пик Коммунизма 7495 м), перед ним горы к западу от низовьев Федченко, вид с пика Горбунова 6030 м.

в виду ледопада и всю ночь слушали гроыхание ледовых обвалов со сброса. В то время мы были огорчены нашим поражением именно потому, что не ожидали, что опасность отпугнет нас. Но теперь мы знаем, что это благосклонная судьба повернула нас назад. Впоследствии оказалось, что даже подойти к пику Гармо с этой стороны совершенно исключено. Возможности подхода с ледника Федченко находятся гораздо дальше на севере. Мы оставили палатку, веревку и провиант, а затем снова пошли на юг и поднялись в «Северный лагерь», куда тем временем прибыли Финстервальдер, Бирзак, Шнайдеров и Толчан.

8 сентября мы еще раз отправились на последнее мероприятие в этой области, прежде чем покинуть ее окончательно. Финстервальдер хотел с Алльвайном и Шнайдером проложить с горы напротив лагеря большую базисную линию, а в то же время Толчан хотел с ледника Федченко телеобъективом снять восхождение на вершину, для чего мы со Шмидтом должны были исполнить соответствующее продвижение вверх на каком-нибудь отчетливо видимом возвышении. После этого мы собирались встретиться на находящейся дальше вершине — «пике Горбунова» 6030 м, где я должен был заменить Финстервальдера. Таким образом, после обеда мы пересекли ледник Федченко, поднялись по долине одного круто спадающего бокового ледника и встали лагерем в мульде на 4600 м. На следующее утро, 9 сентября, мы со Шмидтом по условленному с Толчаном сигналу ракетой поднялись по вечному фирну кальгас-

пор до седловины и затем по крутым ледовым склонам на вершину 5760 м. Далеко на юге стояли три больших горы: пик Фиккера, Треуголка,⁴⁷ Широкий Рог,⁴⁸ залитые морем клубящегося тумана, который иногда окутывал их совсем, а иногда давал показаться их вершинам. Мы спустились на север по сложной ледовой стене. Стало уже очень поздно, погода сделала невозможной дальнейшую работу. Мы встретили побывавших на других вершинах Финстервальдера, Алльвайна и Шнайдера и вместе с ними пошли обратно вниз в «Северный лагерь».

Здесь навстречу нам подошли Горбунов и Крыленко. Они совершили путешествие, полное приключений. После того, как обе их группы 2 сентября объединились в долине Язгулема, они с большими трудностями нашли проход через самый южный перевал⁴⁹ в верхний фирновый бассейн ледника Федченко и с совершенно изнуренными носильщиками прибыли в Северный лагерь. Горбунов поспешил на следующий же день, 10 сентября, дальше в Перевальный и Пыльный лагеря договариваться с Рикмерсом, который сам очень торопился идти с обозом в Алтын Мазар. Горбунову сейчас крайне необходимы были свежие носильщики. Вследствие этого Борхерс, который в этот день отправился к нам с последним пополнением, появился вместо семерых только с троими носильщиками, и большие мешки с хлебом и бараниной для таджиков тоже пока отсутствовали. Вообще все продовольствие сильно таяло и строго нормировалось. Из-за этого наш выход на следующий день снова оказался под вопросом. Тем не менее, Перлину удалось, благодаря большому искусству убеждения, поставить на ноги троих таджиков. Вторая половина и вечер этого последнего дня в Северном лагере были очень неприятны. Ужасный холодный ветер делал невозможным пребывание под открытым небом, и наша тоска по Алтын Мазару, который уж очень заманчиво нам изобразили, росла с каждым часом.

Еще досадная проблема с ботинками для носильщиков могла поставить под сомнение наш выход следующим утром, но наконец мы — Шмидт, Алльвайн, Шнайдер и я — 11 сентября в 8³⁰ покинули Северный лагерь. Борхерс с Финстервальдером собирались двигаться за нами на следующий день. Кинооператоры уже вышли в Пыльный лагерь. Все остальные следовали за нами на третий день.

Погода была довольно плохая, время от времени шел снег, в лицо дул холодный ветер, горы стояли в густом тумане. К обеду мы снова были там, откуда отступили пять дней назад. Ледник здесь шириной примерно 3 км. Из каждого бокового ледника выходит красивая морена, которая, в зависимости от размеров этого ледника, или исчезает в наружной морене ледника Федченко, или ложится рядом с ней и образует из ее блестящего льда новый белый переулочек между двумя валами морен (рис. 27 на стр. 79). Так как на неизменную ширину ледника приходится все больше и больше таких переулочков, в конце концов они становятся все уже. Сейчас мы шли вниз по одному из них, образованному от Кашал Аяка. Справа и слева крутые скальные и ледовые склоны и боковые ледники, без конца сменяющие друг друга. Одна вдающа-

⁴⁷Пик Революции 6940 м

⁴⁸Пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м

⁴⁹Перевал Язгулемский (2Б)

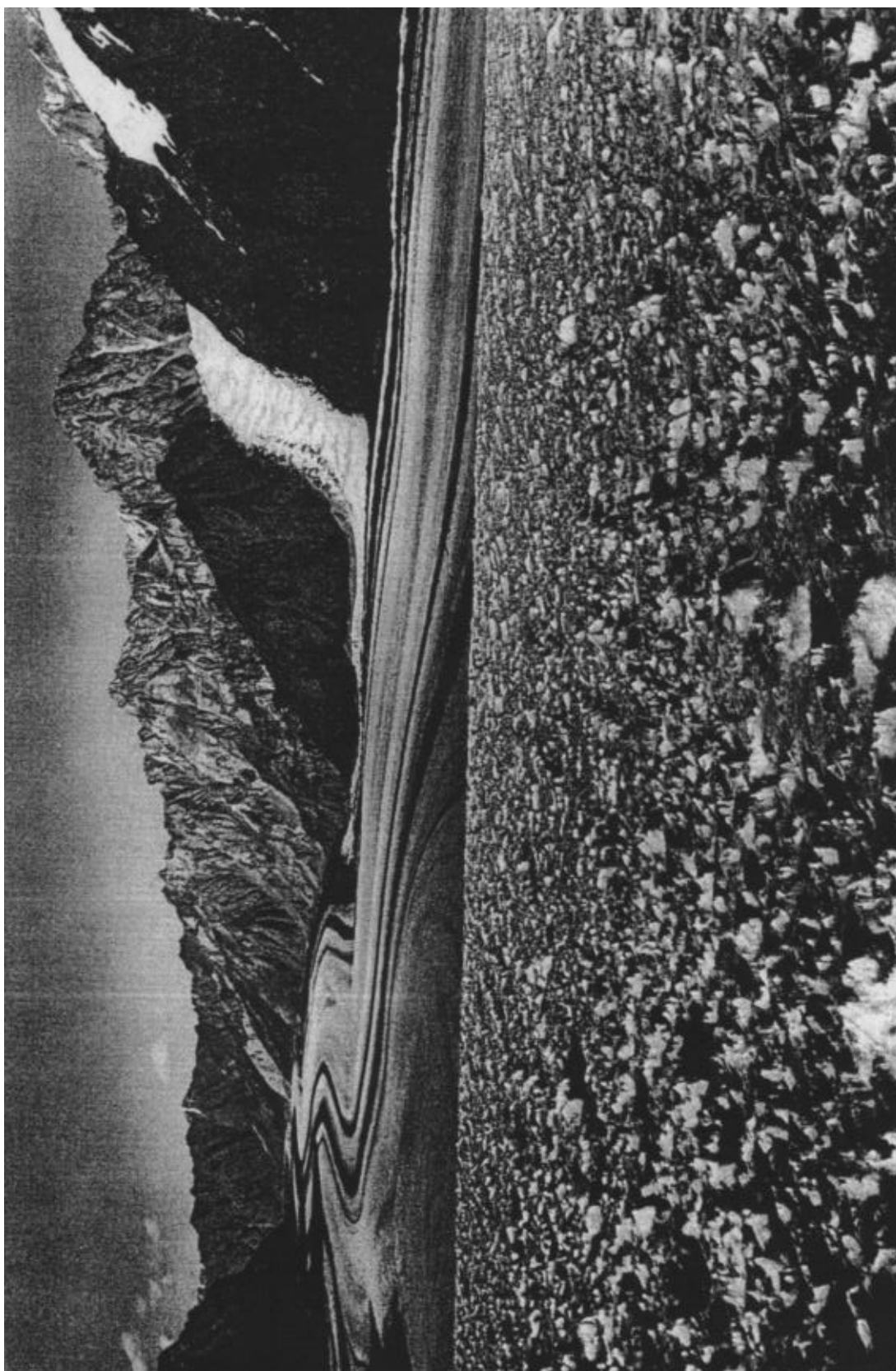


Рис. 27. Нижние 30 км ледника Федченко, вид на север.



Рис. 28. Конец языка ледника Федченко с моренными полями.

яся в ледник с запада скалистая гора с отвесно обрывающимся краем имела очень причудливую форму. Здесь по леднику с редкими трещинами идут своеобразные волны. Наконец, уже намного ниже мы поставили наши палатки. Мы оценивали наш дневной результат как минимум в 25 км, но ледник все еще тянулся необозримо далеко на север. На следующее утро мы шли еще час по ровному месту, но затем лафа кончилась, и наконец наш узкий ледовый проход совсем сошел на нет в лабиринте сливающихся морен. Время от 9³⁰ до 13⁰⁰ прошло в ужасных поисках, вверх-вниз, вправо-влево, по скользким осыпным склонам, пока мы наконец не застряли в долине ручья, который тек сквозь лед, многократно изгибаясь. После этого мы попробовали энергично сместиться вправо, нам повезло, мы снова вышли на гладкий участок, который вскоре приблизил нас к концу ледника. И здесь также спало напряжение этих двух дней перехода навстречу неизвестности. Мы увидели отсюда перед собой на севере спокойную ровную долину, а в ней разветвляющийся на множество рукавов сток нашего ледника (рис. 28 на стр. 80, снято с севера в направлении конца языка ледника Федченко). Прошло еще несколько часов, пока мы после жутких масс курумников и осыпей не ступили на надежное дно долины, как раз в том месте, где сток вырывается из ледника необычным образом, без ледникового грота, внезапно, как гигантский родник, с его чудовищными желтыми водными массами.

Поскольку ледник оказался примерно 77 км в длину, нам выпало большое счастье открыть один из самых крупных ледников мира, за исключением полярных областей, вероятно, даже самый длинный, и пройти его по всей протяженности.

Мы хорошо продумали, что Алтын Мазар находится на правом берегу реки, и потому нам следует прокладывать путь таким образом, чтобы после спуска с ледника река оказалась бы от нас слева. Прямо вниз, как раз перед впадением первого притока, Билянд Киика, в главную реку, мы встали на ночевку, и ветер с треском швырял песок на крышу нашей палатки. Нас тревожил тот факт, что немного ниже нашего лагеря вся водная масса объединившейся реки катится вплотную к гладкой скальной стене, так что пройти вдоль нее невозможно. Чтобы выяснить, нельзя ли обойти это место выше по склону горы, я перешел на следующее утро Билянд Киик вброд и поднялся по тому берегу примерно на 400 м. Однако оказалось, что это совершенно невозможно: в долину обрывались гладкие стены многие сотни метров высотой. Я вернулся, и теперь нам ничего больше не оставалось, кроме как немного пройти назад по леднику выше истока реки и попасть таким образом на другой берег. Далее мы двигались по грубой осыпи долины, на этот раз уже по левому берегу реки. Теперь нам нужно было где-то переправляться через реку, и уж лучше поскорее — там, где она разливалась пока еще на несколько рукавов. Ниже она сливалась с двумя другими реками, вырастала и текла опять одним потоком. В полдень мы попробовали переправиться. Сначала нам удалось очень ловко пересечь несколько рукавов, хотя вода доставала почти до бедер и грозила опрокинуть. Однако впереди все еще оставался фарватер, текущий непосредственно вдоль восточного склона горы. Мы начинали с различных точек, перешли вброд также еще один весьма значительный рукав. Однако все последующие попытки оказались напрасными, несмотря на страховку и рафинированную технику использования веревок. Алльвайна смыло первым, его вытащили обратно на веревке. После того, как мы в течение двух часов напрасно старались, разгуливая по холодной воде, температура которой составляла 1 – 2°, мы вынуждены были отступить, так как маленький остров, где мы находились, уже почти залило постоянно поднимающейся водой. Но и это также оказалось нелегко. Шмидта дважды смывало, он потерял свой ледоруб, и только втроем, всем вместе, с большим напряжением удалось вытащить его обратно на веревке. Наконец, мы бросили веревку нашим носильщикам, которые оставались на острове бóльших размеров. Для первых двоих из нас она в какой-то мере послужила в качестве перил, в то время как двоих последних просто подхватило течением, свободно прибило маятником к другому берегу, где их уже буквально выловили из воды. Сильнейшее течение стащило со Шнайдера ботинок, да так, что потерявшей чувствительность от холода ногой он этого и не заметил. Ботинок уплыл, разумеется, безвозвратно. Дальнейший путь к отступлению с большого острова был окончательно отрезан поднявшейся водой, мы вынуждены были остаться здесь на ночь и пробовать переправляться на следующее утро по низкой воде. Если бы мы и тогда не смогли перейти на ту сторону, дело запахло бы жареным, так как весь провиант уже закончился. Ветер и последние солнечные лучи высушили нашу промокшую до нитки одежду.

Ночью река полностью изменила русло. Далее показательно то, что навыки опытных местных уроженцев в таком положении всякий раз превосходят продуманные, рафинированные методы европейцев. Они пошли первыми, а мы ошеломленно следили, как они, взаимно поддерживая друг друга по бокам, переходили через широкий рукав, такой глубокий, что невероятно ревущая вода доставала им до бедер, и мы были уверены, что их в любой момент может смыть. После некоторого замешательства мы последовали за ними. Мало нам не показалось, еще чуть-чуть, и вода смыла бы нас, против нее нужно было упираться изо всех сил. Но все прошло успешно и вполне приемлемо, хотя мы изрядно промерзли и забрались на том берегу в спальные, чтобы в них кое-что себе отогреть. Две реки, текущие из следующих боковых долин, после этой уже не могли произвести на нас никакого впечатления.

Вскоре после полудня мы прибыли в Алтын Мазар (рис. 29 на стр. 83). Здесь нас встретил Нёт, в одной большой юрте протекала приятная жизнь, резали барана, и господствовало сплошное удовольствие.

Алтын Мазар — золотое погребение — необычный клочок земли на высоте 2800 м, оазис посреди бесплодной каменной пустыни русла реки Мук-Су. Киргизы живут там в постоянных хижинах, построенных из глины, вокруг зеленые альпийские луга и кусты ивы, и после такого длительного пребывания в снегах и во льдах мы радовались зелени, как маленькие дети. Над долиной стоят три громадных горы: Сандал, пик Карпинского и Муз Джилга. Эти дни в середине сентября, которые мы там провели, были самыми спокойными днями экспедиции.

На следующий день в самую рань я снова поехал верхом на лошади Нёта вверх по долине с его солдатами, караванщиком и несколькими свободными лошадьми. Тем временем прибыли Финстервальдер и Борхерс, мы могли подвезти на лошадях их самих и их носильщиков. Несмотря на то, что мы нашли более мелкое место, все-таки при поисках наилучшей переправы меня дважды смывало течением вместе с конем. Еще через день прибыло русское отделение и Бирзак, так что теперь, когда еще и Рикмерс, и Райниг со Щербаковым спустились с Тахта-Корума и Каинды, вся экспедиция собралась в Алтын Мазаре.

Пик Ленина

К. Вин

Согласно прежним расчетам всех компетентных русских и немецких участников экспедиции, наивысшая гора Российской империи должна была находиться не в Сель-Тау.⁵⁰ Это должна была быть гора высотой 7130 м в Заалайском хребте, которая до недавнего времени называлась пиком Кауфмана, но теперь была переименована в пик Ленина. Восхождение на него было одной из самых важных наших задач.

⁵⁰Сель-Тау — хребет Академии Наук. То, что пик Гармо (Коммунизма) в хребте Сель-Тау выше, чем пик Ленина, в тот момент, до обработки результатов топоъемок, еще не было доказано.

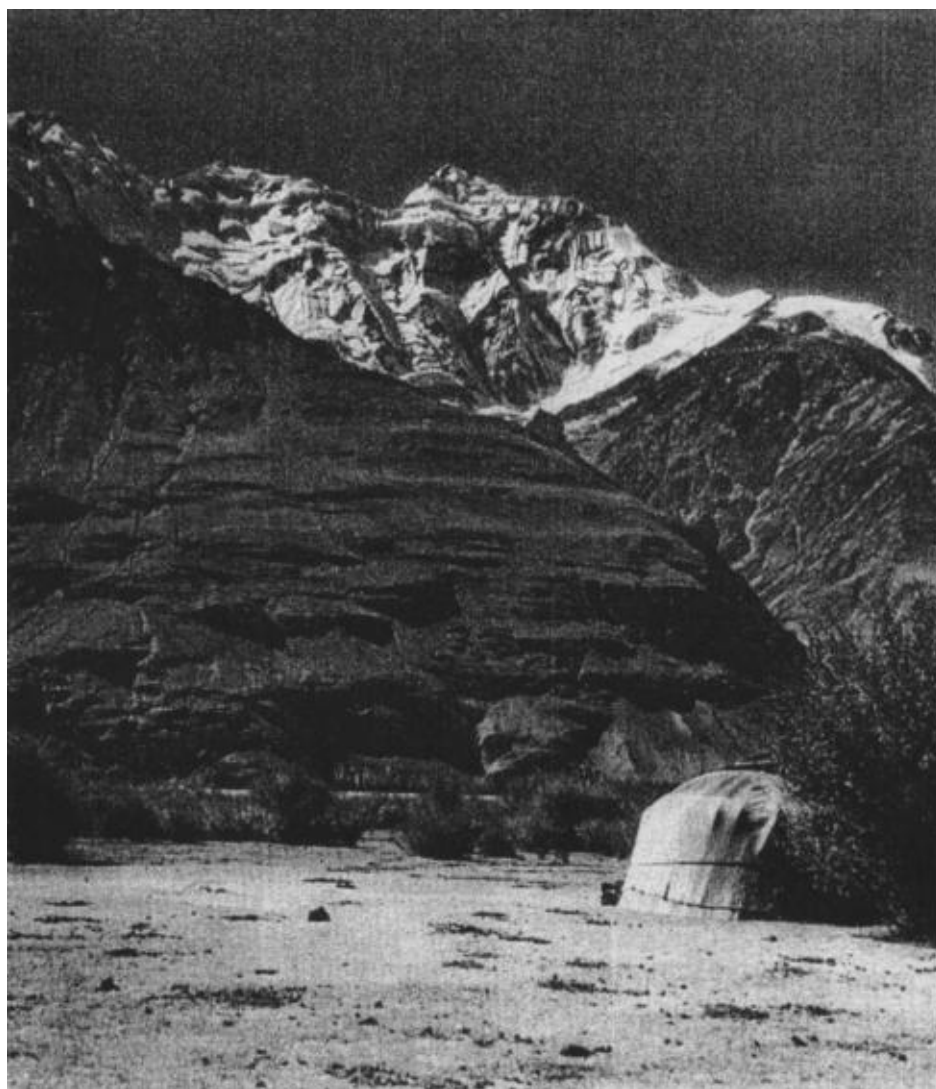


Рис. 29. Музджилга 6300 м, Сандал 6000 м, вид из Алтын Мазара.

Наша июльская атака с юго-востока, от Кара-Куля, остановилась от него еще довольно далеко. Благосклонная судьба предоохранила нас от серьезного штурма: мы все равно не смогли бы оттуда достичь горы, причем точно узнали бы это только за день до восхождения на нее. Было ли больше шансов с юго-запада, от Алтын Мазара? Также и здесь 70 км по прямой отделяли нас от нашей цели — 70 км лабиринтов гор и долин; также и здесь мы ничего не знали о возможностях восхождения на саму гору, которые только тогда могли попасть в сферу наших рассуждений, когда мы продвинулись бы вперед к ее подножию. Трудности восхождения дополняются трудностями изыскания путей подхода, когда собираются взойти на высокую гору такого сорта в неизвестной местности одновременно с первыми разведывательными географическими работами.

Но все же мы с уверенностью считали, что на этот раз достигнем большего успеха. Ибо мы открыли с «Гранд Жораса» из долины Кара-Джилги большой ледник, который берет начало в главном хребте Заалая между двумя вершинами, принимавшимися в расчет как наивысшие, пиком 2⁵¹ и пиком 3,⁵² течет сначала прямо на юг, затем сливается с другим, также очень большим, приходящим с юга ледником, круто поворачивает на запад и стекает, вероятно, по долине Саук-Сая. Тот, в свою очередь, падает недалеко от Алтын Мазара.

Вершина пика Ленина имеет высоту 7130 м. Эта высота намного ниже той, что была достигнута в Каракоруме и в Гималаях, в частности, на Эвересте. Тем не менее, атмосферное давление там уже существенно ниже пол-атмосферы. За два с лишним месяца мы постепенно привыкли к работе на все больших высотах, а в дальнейшем к бесконечным ледовым походам в холодные высотные лагеря и к холоду вообще, так что по этому пункту мы были в себе уверены настолько, насколько вообще можно быть уверенным в собственной физической выносливости, зависящей еще и от некоторых других, не слишком понятных факторов. Мы явственно видели первые признаки осени — много свежего снега, который опускался далеко вниз на северных стенах Сандаля и Музджилги. Пожалуй, мы сознавали, что это переломное время, хотели совершить еще кое-что на ледяных высотах; но, несмотря на это, были позже поражены трудностями, которые там наверху были нам уготованы непомерным холодом. Тем, что мы в конце концов все же достигли своей цели, мы обязаны именно определенной стойкости, которая повсеместно направлялась на выдерживание тягот.

В Алтын Мазаре, этом необычном оазисе посреди каменной пустыни Мук-Су, мы начали теперь, в середине сентября, снаряжаться для решающего выступления. Борхерс из-за его еще не заживших ран вынужден был, скрепя сердце, отказаться от участия в этом мероприятии, для которого, естественно, имело значение все наше воодушевление. Русская альпинистская группа должна была ехать домой: она состояла из выдающихся членов российского правительства, чьи временные сроки, конечно же, были сжатыми. Таким образом, только Алльвайну, Шнайдеру и мне было даровано предпринять эту попытку. Д-р Нёт, чьи научные задачи вели в Саук-Сай,

⁵¹Пик Октябрьский 6780 м

⁵²Пик Ленина 7134 м

и Л. А. Перлин, который хотел некоторое время сопровождать нас просто из интереса, присоединились к нам. Трудной, как всегда, была проблема с носильщиками, теперь важная вдвойне, так как для нас от этого зависело особенно многое. Все наши горные таджики единогласно заявляли, что хотят домой любой ценой. После продолжительных переговоров и обещания круглой суммы рублей некоторые еще остались в экспедиции, когда их последняя отговорка под предлогом, что у них нет обуви, потеряла убедительность, потому что мы отдали им наши запасные горные ботинки. наших двоих носильщиков, сравнительно полезных людей, звали Дарио и Бодор, они происходили из глухого ущелья Бартанга. Все время они мучились тоской по родине, и единственным мгновением, когда однажды они просияли от счастья, было то, когда мы, наконец, сказали им: «Завтра вы можете идти домой».

18 сентября в полдень мы вышли из Алтын Мазара. Дорога, очень хорошо натоптанная поблизости от кишлака, вскоре потерялась, мы очутились в ущелье и дальше ехали верхом без тропы по грубому щебню ручья между глухими скальными стенами. Ручей течет то вплотную к правой, то опять вплотную к левой гладкой скальной стене, так что нам ничего не оставалось, кроме как переезжать через него снова и снова. Водная техника наших носильщиков была достойна восхищения. Им приходилось сверх того еще и перетаскивать сопротивляющегося барана. Вечером мы поставили наши палатки под сильно размытыми старыми моренными стенами в месте, где когда-то давно искали золото.

19 сентября к обеду мы пришли в Ран — киргизское пастбище перед теснинами основной долины. Киргиз-«проводник», которого мы наняли в Алтын Мазаре, наврал нам, что здесь якобы кончается последняя трава и последние дрова, и двигаться дальше на лошадях якобы невозможно. Когда Нёт и Алльвайн с возвышенности разведали, что впереди все еще очень хорошо, сегодня было уже слишком поздно для дальнейшего перехода. Таким образом, только 20 сентября мы достигли урочища Кузгун-Токай, «Лес Воронов». Здесь было все, что нужно для прекрасного лагеря: чистая вода, дрова и пастбище. Позже мы исключительно оценили его в целом «идиллические свойства», когда отдыхали там после возвращения с пика Ленина. Единственным недостатком было то, что он находился лишь немногим выше 3000 м, более чем на 1000 м ниже, чем соответствующий базовый лагерь в долине Кара-Джилги. Перепад высоты более 4000 м отделял нас здесь от вершины пика Ленина (см. рис. 30 на стр. 86, рис. 31 на стр. 87).

Нельзя было терять ни минуты времени. На следующий же день, 21 сентября, мы отправились в путь. Мы взяли для самих себя и для двоих носильщиков на 5 – 6 дней провианта, две высотных палатки: одну для себя и одну для носильщиков, спальники и палаточный чехол. Груз мы поделили с носильщиками. Перлин пока еще шел с нами. Мы шагали на восток по бесконечным осыпным полям почти ровной долины. Вокруг валялась масса рогов козерога, в том числе совсем еще свежих, множество медвежьих следов и остатки их трапезы. Довольно далеко на востоке слева уже спускался невероятно разорванный ледник, раздробленный на страшные сераки. В остальном долина с ее желто-серыми склонами представляла мало интересного. В середине дня нашего быстрого продвижения вперед мы встретили небольшое пре-



Рис. 30. Средняя часть долины Саукдары, вид на восток. В центре пик Ленина, 7130 м.



Рис. 31. В лагере Кузгунтокай.

пятствие. Водные массы ледникового стока катились у нашего берега вплотную к гладкой крутой скальной стене, нам пришлось облезть этот прижим сверху по скалам. Наконец, в 3 часа дня мы подошли к огромному покрытому моренным чехлом языку какого-то, очевидно, очень большого ледника.⁵³ Своей ледовой массой он заполнял всю долину. Мы уже обрадовались, что достигли главного ледника, который немного далее к востоку должен был, как мы надеялись, повернуть на север. Предвкушая это, мы весело забрались наверх по сероватой скользкой осыпи, не без того, чтобы перед тем еще раз перейти вброд ручей, который вырывается здесь, большой и холодный, из ледникового грота. Там, наверху, нас постигло разочарование. Мощный ледник, и правда, спускается здесь с севера, но он всего лишь перекрывает долину, за ним она снова совершенно бесснежна и на многие километры на восток заполнена галькой. Между камней блестит речное русло, которое вдали вытекает из следующего ледника, а затем снова исчезает подо льдом первого ледника, на котором мы сейчас стоим. Мы уже с трудом верили в то, что следующий ледник — это ожидаемый главный ледник. Мы прошли еще до середины бесснежной зоны между двумя ледниками и встали лагерем под очень специфически размытыми на невероятные желоба, каминь и башни стенами старой морены. Здесь бежал маленький ручеек, приятно отличающийся своей чистотой от желто-серой грязи большого ледникового ручья, 3800 м.

На следующее утро мы подошли к очередному леднику, который так же внушительно, как и первый, запирает долину громадной ледовой массой своего покрытого осыпью языка, и было так же неизвестно, что мы за ним увидим. Когда мы немного прошли по нему вперед, то увидели, что и правда, с севера еще раз спускается боковой ледник, но что мы уже находимся на монолитном теле ледника Северный Саук-Сай. До того места, где он окончательно поворачивает на север, правда, все

⁵³ По-видимому, имеется в виду ледник Вали, либо ледник Дзержинского

еще остается около 5 км. Но мы нашли широкую промоину между скалами и льдом, по которой относительно хорошо продвинулись. Собственно, скорее наугад мы стремились затем подняться по маленькой долинке налево на большую старую морену. Здесь, если повезет, мы могли бы по вполне легкой проходимой местности срезать большой поворот ледника, который из-за его разломов потребовал бы от нас много труда и времени. Только когда маленький ледник с северо-запада своей ледовой массой преградил дальнейший путь, мы опять пошли правее, ближе к центру большого ледника. Теперь мы уже держали направление прямо на север, к главному хребту Заалая. Здесь мы остановились на обед между двумя моренами, которые и тут, как было на леднике Федченко, подобно железнодорожным рельсам следуют направлению движения ледника по всей его длине. Перлин, который шел с нами уже на целый день дольше, чем сам же планировал, здесь повернул назад. К сожалению, пик Ленина ему отсюда еще не было видно. Мы шагали дальше на север, в неизвестность. Весь ледник Северный Саук-Сай мог быть около 25 км в длину, из них добрые 20 км в направлении с севера на юг. Всю вторую половину дня мы ковыляли там уже вверх-вниз по морене, так как поверхность самого ледника была слишком неровная. Без того, собственно, чтобы продемонстрировать множество трещин, он был большей частью исключительно изрезан промоинами, испещрен большими замерзшими ледниковыми озерами и расчленен глубокими длинными долинами.

В 5 часов дня мы заметили на дальнем плане седловину,⁵⁴ которая, очевидно, находилась уже в главном хребте Заалая и перед которой ледник вроде бы заканчивался. Настало время присматривать место для ночевки. Мы перешли по голому льду на орографически левый берег, где на высоте 4600 м поставили палатки под трескающимися сераками. Вечером мы долго дискутировали о том, где теперь, скорее всего, находится пик Ленина.

23 сентября мы с самого начала попали в беспорядочный лабиринт сераков и трещин. Сброс круто сползающего справа ледника надвигался здесь на основной ледник, нам надо было его пересечь, чтобы оказаться в центре, где точно был путь дальше. Пока мы снова оказались на правильном пути, прошел добрый час, так как при ледолазании почти каждый раз приходилось ставить носильщикам ногу в глубоко вырубленную ступень. Однако затем дорога вверх пошла быстро и без остановок, частично снова по морене, частично по уже наконец проходимому в этом месте леднику. Гребень к западу от седловины, непрерывно повышаясь, постепенно перемещался в наше поле зрения и, казалось, уходил в бесконечность. Он завершался чрезвычайно внушительной фирновой вершиной, которая глухой ледовой стеной обрывалась на ледник. Нас озарила догадка: вот он, пик Ленина! Но ведь, согласно нашему опыту, он должен был находиться по другую сторону от седловины?

От одной мульды к другой ледник теперь поднимался все больше и больше, встречающиеся трещины создавали нам сложности, гладкий, как зеркало, водянистый лед покрывал его на большое расстояние. В верхней фирновой мульде, на последней гальке, которую еще можно было найти по сторонам, мы подождали носильщиков,

⁵⁴Перевал Крыленко (ЗБ)

шедших с тихими стонами далеко позади нас. Их надо было оставить здесь, на высоте 5200 м. На все более крутом подъеме к седловине становилось также все больше голого льда, это было бы слишком сложно для носильщиков, у которых не было ни практики, ни хороших кошек. И кроме того, нам также казалось целесообразным не подвергать их наверху на седловине безусловно ожидаемому нами большому холоду.

Теперь мы попытались втолковать нашим носильщикам, что они должны здесь нас ждать до нашего возвращения через два дня. Хотя никто сам не говорил на языке другого, все же мы выучили некоторые крохи таджикского, а носильщики — некоторые слова из немецкого, помогал также язык глухонемых, так что взаимопонимание до сих пор достигалось вполне хорошо. Мы оставили носильщикам палатку, провиант, примус и горючее. Затем мы надели наши рюкзаки со спальниками, палаткой, палаточным чехлом и провиантом на два дня и пошли вверх на седловину. Потрясенные носильщики полными ужаса глазами смотрели нам вслед. Они не в состоянии были понять наше поведение.

По пути справа и слева от нас высились невероятные ледовые стены большой крутизны и необозримой, безнадежно однообразной формы. К тому же погода была так себе, сильный ветер и рассеянное освещение, совсем без теней, не слишком привлекательна, чтобы подниматься в высотный холод. Мы шли таким образом два часа, сначала по голому льду, затем по фирну, а под конец еще некоторое время тропя по глубокому снегу, все время имея перед глазами седловину в главном хребте Заалая. В 5 часов дня мы взошли на седло.⁵⁵ Нам открылась бескрайняя перспектива. Глубоко у наших ног Алайская долина, широкая зеленовато-желтая равнина, за ней маленький и далекий, лишь с немногими снежными шапками, Алайский хребет, все это в необычном вечернем освещении.

Здесь мы хотели провести ночь, и потому осматривались на предмет подходящего места для лагеря. Найти таковое было нелегко, так как вся территория равным образом подвергалась южному ветру, крепко свистевшему на высоте перевала, и западному ветру, который, различной силы, встречается на Памире всегда и везде. Мы в некоторой мере могли защититься от южного перевального ветра, спустившись на несколько метров на север, на ту сторону, и так как именно в этот момент на мгновение стих западный ветер, мы решили, что нашли между двумя трещинами как раз подходящее место. Мы натянули и закрепили нашу палатку на ледорубах и кошках, которые сразу же прочно вмерзали в твердый фирн. С наступлением ночи на нас налетел западный ветер. Наша маленькая задубевшая палатка хлопала на ветру, снег с шумом спрессовывался о крышу и оставался лежать на ней толстым слоем, перед входом палатки образовался снежный надув, засыпавший все наши вещи. Снег даже задувал в палатку и очень назойливо хлестал нас по головам.

Как ни был приятно мал вес нашей палатки, и какое, можно сказать, удобное убежище ни представляла она нам в течение прошлых недель, но здесь, наверху, на высоте 5820 м, еще и в такое время года, она не могла полностью отвечать нашим требованиям. Мы полностью заняли ее своими спальниками, все остальное —

⁵⁵Перевал Крыленко (ЗБ)

примус, провиант, фотоаппарат — пришлось оставить снаружи. Даже приготовление пищи, заключающееся всего лишь в попытке заварить чай — задача, которой Алльвайн занялся больше из увлечения, чем с целью достижения успеха — должно было производиться снаружи, оставаясь весьма нерациональным мероприятием, несмотря на все попытки сохранить тепло примуса, направляя его вниз и в стороны, как хорошо примус ни оправдывал надежды здесь наверху. Палатка, представляющая исходный пункт для восхождения на такую высокую гору, должна быть настолько большая, настолько, я бы сказал, комфортабельная, чтобы можно было в ней варить, а также обуваться. Когда уже потом, в полном снаряжении, выходишь наружу на холод, то можно сопротивляться ему гораздо лучше, чем когда холод забирается под одежду еще во время закутывания в нее. Вопрос питания зависел от обстоятельств. Получение жидкости представляло большую сложность. Чай, только что разлитый по кружкам, снова мгновенно остывал, а во время приготовления пищи пальцы замерзали так, что невозможно было долго этим заниматься. Из-за нехватки жидкости у нас был плохой аппетит, а потому слабый интерес к ассортименту блюд. Мы ели колбасу и немного вяленого мяса, которое мы, благодаря Борхерсу, еще сэкономили для этого мероприятия. Уже само искусство продолжительного обгрызания полностью высушенного куска мяса делало эту вещь вкусной. Вдобавок мы грызли армейские сухари, называемые походными хлебцами, которые никогда не изменяют свою консистенцию, так как уже настолько сухие от природы, что вообще не могут замерзнуть и потому никогда не надоедают. После этого давали еще немного рождественского пудинга, но даже и этот всегда желанный в высотных лагерях деликатес, запечатанный в прекрасных, слегка вздувшихся от высоты консервных банках, замерз и стал очень твердым, так что потреблялся лишь в небольшом количестве. Кроме того, нас радовало, когда удавалось отлынивать от работы любого сорта, в том числе от приготовления и поглощения пищи, а также если удавалось натянуть на себя спальник до самых ушей, не столько от высоты, сколько от холода. Спальник и здесь великолепно сохранял тепло, хотя парусиновый полог от него мы оставили внизу из соображений экономии веса. Таким образом мы лежали, слушая свист ветра и ожидая, когда он сорвет оттяжки палатки, и только время от времени вскакивали стряхивать накопившийся снег с крыши, чтобы крыша, которая и так была не очень-то высока, не слишком сильно свисала нам на лицо.

Никогда еще неопределенность в местонахождении пика Ленина не была большей, чем этим вечером. Действительно, во время подхода вверх по леднику именно слева мы видели огромную гору. Мысль о том, что это пик Ленина, напрашивалась сама собой, на этом же настаивал и Шнайдер. Однако, не мы ли со стороны Кара-Джилги в конце концов посчитали, что наивысшей является гора именно к востоку от нашего перевала? Не говорила ли также и географическая карта, что именно от пика Ленина ответвляется водораздел на юг? Не могла ли еще более высокая и прекрасная вершина находиться к востоку от нашего лагеря, скрытая за крутой фирновой стеной? После бесконечных дебатов мы договорились подниматься завтра на восток.

Спокойно, время от времени засыпая, провели мы ночь. Наши термометры не выжили в разнообразных передрыгах экспедиции. Теперь у нас остался только малень-

кий инструмент, прикрепленный к циферблату барометра. Он показывал только до -23° , и ртуть глубоко втянулась в резервуар, хотя он лежал в палатке рядом с моим спальником. Алльвайн начал исполнять свою полную страданий должность повара, и только с очень большим трудом ему удалось произвести на каждого по полчашечки чаю, имевшего к тому же специфический неприятный вкус. Натягивание ботинок, ставших колом, как железная труба, было мучением. Один за другим мы выползали на страшный холод, совершали там свой туалет, затем пытались немного согреться энергичной беготней вокруг палатки взад-вперед, но вскоре безнадежно сдавались на холодном ветру. В 7 утра мы все были готовы к выходу и начали подниматься по фирновому гребню к востоку от седла. Снег, сначала создававший впечатление прекрасного жестко зафирнованного гребня, дальше по мере увеличения крутизны вскоре стал рыхлым, и опять пошла большая тропежка. Тем не менее, через добрый час мы достигли узловой точки — «Углового Столба»,⁵⁶ который был смещен далеко на север, 6100 м. Отсюда, с высоты гребня, был такой вид на построение Заалайского хребта, лучше которого нельзя было и пожелать. Все, что до сих пор было для нас неоднозначным, теперь ясно лежало перед глазами. Мы видели, как хребет большой пологой дугой вел к горам, расположенным далее к востоку, к Кызыл-Агыну, с его очень необычным, равномерным, плоским, ведущим на восток вершинным гребнем высотой примерно 6800 м. Мы видели на юге, гораздо выше нас, «Большой Конус»,⁵⁷ и мы видели, что высокая гора на западе значительно превосходит все остальное, что еще находится в главном хребте Заалая. Тут, наконец, мы со всей ясностью обнаружили, что шли по неверному пути и не в ту сторону. Сделав такой вывод, мы спустились назад, не проронив об этом и пары слов. Нам всем само собой стало ясно, что следующую ночь мы опять проведем в высотном лагере на восточном седле пика Ленина, а на следующий день приступим к решающему штурму.

Странное это было ощущение — в 10 утра сидеть в палатке, в такой чудесный день для восхождения, на какой сейчас, уже осенью, вряд ли можно было рассчитывать при столь переменчивой погоде, и смотреть, как солнце на гребне пика Ленина постепенно взошло и, наконец, снова исчезло. Теперь у нас было достаточно времени, чтобы понять, в каком внушительном месте стояла наша палатка. Маленькая фирновая терраса несколькими метрами ниже переходит в крутую ледовую стену. Та простирается вверх вплоть до собственно северной стены пика Ленина, которая, можно смело сказать, с постоянным уклоном возвышается на 4000 м от уровня Алайской долины. Пожалуй, лишь тот мог получить представление об огромных масштабах северной стороны этой горы, кто, как мы, стоял посередине и через непередаваемо ужасные сбросы смотрел вниз. Если смотреть на пик Ленина из Алайской долины (ср. рис. 32 на стр. 92), с расстояния в лучшем случае 30 км, то он уже теряет свою мощь. Особенностью его, лежащего в хребте на дальнем плане, является единообразие, которым Заалайский хребет действует на наблюдателя как целое, и, пожалуй, только когда зайдешь так далеко по леднику, образованному падающей с

⁵⁶Пик Спартак 6194 м

⁵⁷Пик Октябрьский 6780 м

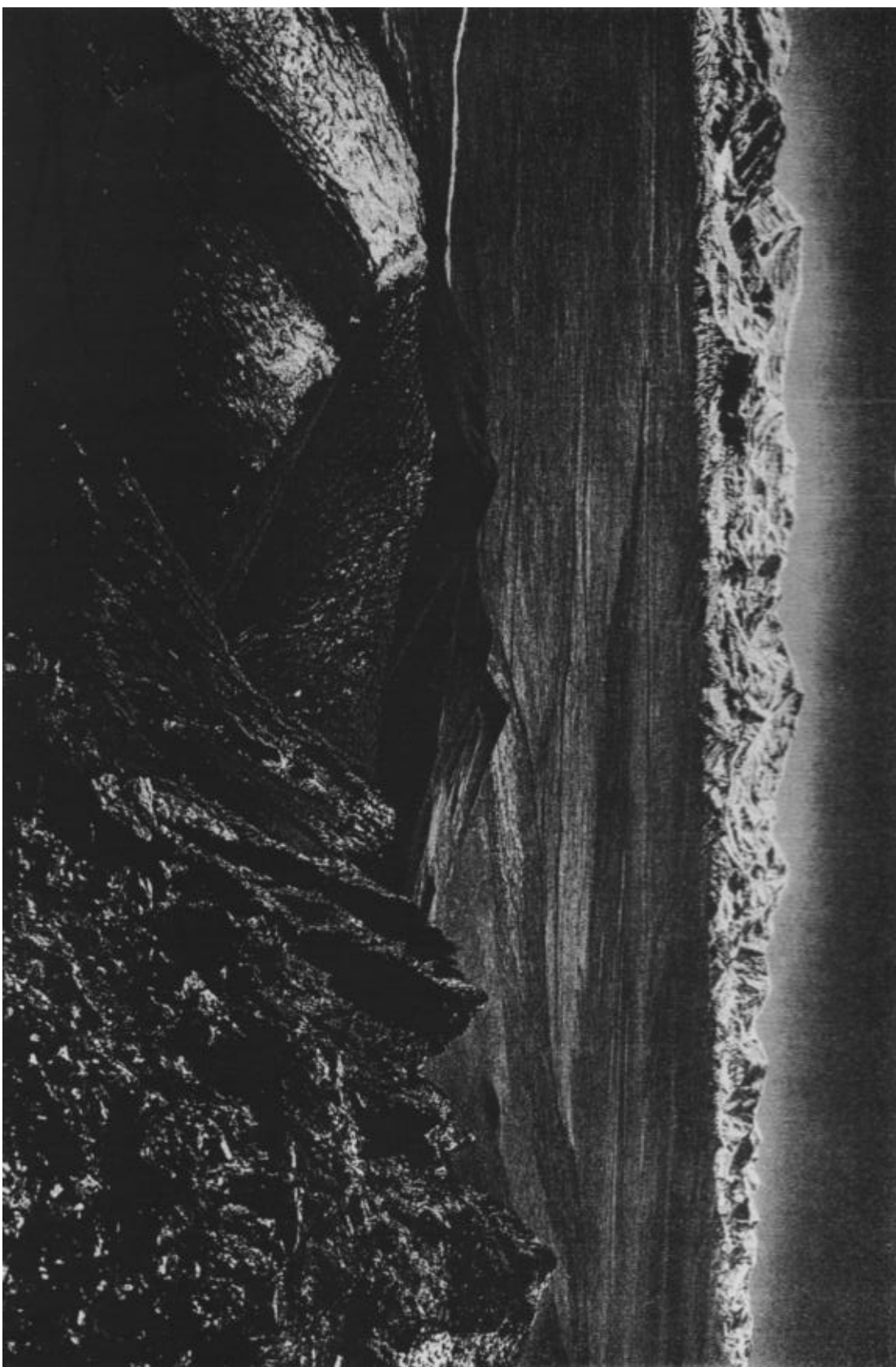


Рис. 32. Вид на Заалайский хребет с Алайского (Каратеге, 4000 м). В центре пик Ленина, 7130 м.

северных склонов ледовой массой, что окажешься непосредственно у подножия этой стены, тогда получишь то впечатление, которое наполняло нас здесь наверху. С южной стороны все так же. Пик Ленина совершенно спрятан на дальнем плане ледника, его впервые замечаешь только тогда, когда 2000-метровая ледовая стена внезапно вздымается перед тобой. Потому также было очень трудно, практически невозможно так сфотографировать его снизу с какой-либо стороны, чтобы изображение хоть в какой-то степени соответствовало действительности.

Быстро наступили вечер и ночь. Ветер чуть меньше трепал палатку, и мы спали лучше. Утром термометр внутри палатки показывал всего -18° . Мы учли вчерашний опыт — всю ночь грели свои ботинки в спальниках, при этом просто лежа на них сверху. Таким образом они стали очень мягкими и эластичными, легко обувались, и ноги уже не становились совершенно ледяными с самого начала. Далее, мы отложили время подъема и выхода до тех пор, пока согревающие лучи солнца не осветили нашу палатку. Хотя оно вошло из-за горного хребта на востоке только в 8 утра, все же мы ощутили его существенно оживляющее и согревающее воздействие. Мы надели все теплые вещи, какие были у нас в рюкзаках — кроме обычной плотной одежды и штормового костюма, точно так же необходимых в пургу и в Альпах, еще хлопчатобумажное трикотажное нижнее белье. Для защиты ног от холода у нас были толстые портянки, которые наматывались поверх ботинок, а сверху надевались кошки, одновременно поддерживающие портянки. Конечно, кошки тоже имели свой недостаток, так как ремешки в каком-нибудь месте обязательно давили на ногу и затрудняли кровообращение. Однако они были нам совершенно необходимы, так как фирн был жестким и гладким, а наш маршрут в некоторых местах был очень крутым. Рюкзаки у всех были очень легкие. У меня был фотоаппарат, который, к сожалению, от холода уже не работал, и барометр, который вследствие предъявляемых к нему требований был большой и тяжелый. У Алльвайна был палаточный чехол, чтобы отдыхать на ветру, и вообще, на всякий случай, у Шнайдера — немного провианта, в основном конфеты, которые мы, как ни странно, ели охотнее всего, шоколад и сухофрукты.

Таким образом, 25 сентября, на пятый день с момента нашего выхода с Кузгун Токая, в 8²⁰ мы покинули наш лагерь на восточном седле, 5825 м, и начали подъем по хорошо зафирнованному снегу восточного гребня пика Ленина. Надо отметить, от наивысшей точки нас отделял еще перепад высоты 1500 м, это совершенно обычная производительность подъема по альпийским меркам. Однако по центральноазиатским меркам это означало, разумеется, большее, так как здесь темп по мере подъема на высоту, безусловно, будет замедляться, причем заранее неизвестно, насколько трудно дадутся последние пара сотен метров, когда вымотался от продолжительного подъема вплоть до уже достигнутой высоты. Нам на эти 1500 м потребовалось немного больше 7 часов, включая, естественно, время на привалы, что дает среднюю скорость чуть больше 200 м в час. Но так как скорость в верхней части, конечно, была гораздо меньше, то в нижней части нам надо было держать очень приличный средний темп. Этот наш темп показал, что просто пребыванием на больших высотах мы приучили свой организм к недостатку кислорода.

На первом крутом взлете гребня, по которому мы поднимались, оказался непрочный наст, который проваливался, так что пришлось тропить. Это было единственное такое место. Дальше широкий гребень, постоянно переметаемый сильным ветром, был жестко зафирнован, так что наши кошки лишь изредка оставляли сколько-нибудь заметный след. В качестве примера подобной местности, я хотел бы сравнить этот гребень с восточным гребнем Монблана от Кол де ля Бренва через Мур де ля Кот, который таким же образом с различными более пологими и более крутыми участками вздымается к вершине, а также довольно круто обрывается на юг и, по крайней мере в верхней части, на север. Только для того, чтобы получить правильное представление о размерах, нужно этот гребень, высота которого составляет около 500 м, три раза поставить друг на друга. Кто хоть раз поднялся по этому гребню Монблана, знает, как при этом тоскуют по вершине, и насколько, видимо, именно из-за однообразия, этот подъем в состоянии оказать угнетающее воздействие также и на душевные силы.

Дул сильный ветер, но поначалу еще стояло прекрасное солнце, и по сравнению с горами на востоке мы видели, как постепенно набираем высоту. Все же через час мы вынули палаточный чехол, все втроем заползли внутрь, там быстро стало тепло, и мы немного отдохнули. В 12 часов мы достигли самостоятельного возвышения в гребне, 6770 м. Когда тем самым открылся вид вперед, мы, к сожалению, вынуждены были признать, что до вершины еще далеко, она высокая и крутая, и, что самое худшее, между нами и массивом вершины была седловина. Пришлось снова терять более 50 дорого доставшихся метров. Но это сопровождалось не единственным контрподъемом, нам пришлось трижды идти вниз, вверх, и снова вниз. Постепенно появилось опасение остаться без пальцев на ногах. Мне было пока лучше всех, но и двое других тоже не собирались сдаваться. Цель была перед нами слишком близко, и, так как спуск не мог быть чересчур долгим, мы со своими ногами в обозримое время снова выбрались бы из наиболее сурового холода. Когда, наконец, утомительный пологий участок гребня с его вверх-вниз остался позади, и мы достигли начала собственно вершинного массива, наша предприимчивость также возросла. Вскоре анероид снова заметно прибавил высоту. Так вышло, что мы оставили наши на самом деле не тяжелые рюкзаки на 6900 м; это тоже дало небольшое облегчение. Мы прокладывали дорогу дальше, метр за метром. Отдых требовался все чаще, сначала каждые 50 м, потом каждые 30 м, а под конец мы ненадолго садились на снег через каждые 10 м.

Солнце исчезло, с запада поднялся туман. О последней паре сотен метров смело можно сказать: это была суровая жуть! По сравнению с другими высотами, в особенности достигнутыми на Эвересте, 7000 м, конечно, еще не представляют собой ничего особо замечательного, так что наши достижения не того масштаба, что у восходителей в Гималаях. Но надо учесть некоторые осложняющие обстоятельства, чтобы понять, что и для нас это была борьба. Мы поднялись непосредственно из базового лагеря с высоты 3000 м, наши кости еще помнили трудозатраты на этот, пройденный частично без носильщиков, подъем. Но, наверное, еще важнее были психологические моменты, постоянное напряжение, в котором мы пребывали последние дни из-за неизвестности местонахождения пика Ленина, и, не в последнюю очередь, ощущение, что мы полностью предоставлены сами себе, знание того, что мы целиком

своими силами должны завершить все мероприятие, в том числе еще и весь обратный путь до базового лагеря. Ближайший человек, который мог бы чем-то нам помочь, был от нас на расстоянии 5 дней, 70 км по прямой. Носильщики не в счет, от них, во всяком случае на этих высотах и в этой необычной для них зловещей среде, только с нашими стимулами можно было добиться результата. Я думаю, часто недооценивают, насколько повышается производительность, если известно, что можно выложиться полностью, и что дело сделано, как только ты на последнем издыхании вернулся туда, где тебя примет теплая хижина или готовые помочь люди.

В самом конце гора еще раз попыталась отбить нас своими трудностями. Последние 150 м очень крутые, примерно 55°. Правда, хотя сам по себе это первоклассный склон для подъема в кошках, но здесь, наверху, вдобавок ко всему предшествовавшему, он все же оказался весьма неприятным и утомительным. Однако он был уже не в состоянии задержать наше продвижение вперед.

В 15³⁰ мы ступили на открытое бушующим ветрам вершинное плато. На высшей точке — маленькой выступающей из фирна скальной вершинке — мы пожали друг другу руки и присели. Высотомер остановился на 7000 м, на границе своей шкалы. На юге и на западе был туман, так что гребень, спускающийся на запад к низкой фирновой вершине Ергау-Таш⁵⁸ высотой примерно 6710 м, мы видели лишь нечетко и расплывчато. Северная стена, круто спадающая на ледник в направлении Алайской долины, южная стена, 2000 м вплоть до ледника, по которому мы поднялись, еще в течение всего подъема были у нас перед глазами. На востоке, совсем вдали в Китае, мы видели снежные горы. Вблизи — многочисленные горы Восточного Заалая, за которыми лежит Кара-Куль с его синей водой, все глубоко под нами. Такая была у нас панорама, долго мы ее не созерцали. Сильный холод не позволял оставаться здесь дольше.

Спуск продолжался 2 часа 45 минут. В тот момент, когда прекращается подъем в гору, на привале и на спуске, парализующее действие высоты уменьшается, так что даже для Эвереста, что подтверждают и англичане, в целом достигается то же время спуска, что и в Альпах, конечно, если учесть, что трудности подъема приводят к определенному общему истощению организма. Тем не менее, плохое воспоминание оставил кажущийся бесконечным контрподъем, теперь неприятный вдвойне, так как мы уже совсем настроились на сплошной спуск, без существенных усилий воли. В тумане, между тем окутавшем весь гребень, мы двигались на автопилоте по следам нашего подъема.

В 17⁴⁵ мы прибыли к нашей палатке на восточном седле. Туман как раз рассеялся, и Алайская долина, погруженная в странный красный свет, лежала у наших ног. Мы сразу принялись собирать вещи. Провести третью ночь в этом негостеприимном высотном лагере казалось нам нецелесообразным. Мы хотели ночевать ниже, на теплой осыпи в лагере носильщиков на 5200 м. Снимая палатку, мы смогли, к нашей великой радости, вырубить из фирна еще кое-что из провианта, считавшееся уже потерянным. В сумерках мы тяжело шагали вниз между недружелюбными ледо-

⁵⁸Пик Дзержинского 6717 м

выми стенами и шли по голому льду на слегка подгибающихся ногах. Луна освещала одиноких путешественников, я слишком устал, чтобы смотреть на часы, но через какое-то время мы прибыли к цели. Не тут-то было — стоянка была покинута, носильщики пропали. Они оставили нам рюкзак с небольшим количеством провианта и построили на холме маленький тур. Стало ли им слишком холодно или слишком зловеще в этой ледниковой пустыне? Тем вечером нас это очень мало беспокоило. Мы криво поставили нашу палатку где-то рядом, ни одна ночевка никогда не была устроена так небрежно, мы только лишь прорубили ледниковое озеро, водой которого попытались утолить нашу безмерную жажду, а затем заползли в спальники и заснули.

Заспанные, мы вылупились из наших спальников, когда солнце уже жарко осветило крышу палатки. Тут мы более точно исследовали состояние наших ног. Ноги Шнайдера пострадали больше всего, в то время как Алльвайна и мои только сильно опухли. Передвижение для всех было болезненным. Мы находились на удалении трех ходовых дней от базового лагеря, без носильщиков, положение не благоприятное. Тем не менее, единственное, что мы могли предпринять — это как можно быстрее спуститься в базовый лагерь. Наш переход вниз по леднику, который начался только в 10⁰⁰, а закончился уже в 16³⁰, был настоящим похоронным маршем. Сначала надо было спускаться по голому льду от мульды к мульде, затем мы снова нашли начало той же самой продольной морены, по которой уже поднимались. Хотя и было уже невероятным искусством поступательного движения все время ковылять вверх-вниз по этим неоднородным, скользким осыпям и курумникам, однако все же мы должны быть благодарны за эту дорогу. Только один единственный раз она поставила на нашем пути реальную преграду в виде нескольких огромных поперечных трещин, которые нужно было распутать. Помимо этого, нам ничего не оставалось, кроме как терпеливо двигаться по дороге и ждать, пока пик Ленина с его бесконечно длинным восточным гребнем не исчезнет за горами, расположенными далее к югу, и пока большой южный ледник с его горами постепенно не войдет в поле нашего зрения. К полудню боль в ногах, особенно у Шнайдера, стала сильнее, особенно ужасно было «трогание с места» после привалов. Таким образом, пришлось наконец оставить мысль разбить лагерь у маленького озера на верху старой морены, по которой мы срезали поворот ледника по пути сюда. Скорее, уже примерно там, где 22 сентября в обед нас покинул Перлин, мы поставили нашу палатку — пятый лагерь на леднике Северный Саук-Сай, примерно 4300 м. Ноги Шнайдера давали повод для опасений. Мы сочли невозможным, чтобы он в таком состоянии смог добраться до самого базового лагеря. Кто-то должен был поспешить вперед, чтобы встретить Шнайдера по крайней мере у конца ледника с лошадьми. Однако до того места он должен был в любом случае идти пешком. Выбор, кому достанется эта миссия, пал на меня, так как я меньше всех страдал от обморожений.

Утром 27 сентября на восходе солнца я покинул своих попутчиков и отправился в путь. Я медленно плелся вниз по леднику по еще одному участку моренной осыпи, затем снова вышел на старую морену и по долинке рядом с ледником, потом по первому боковому леднику спустился до языка. Там в бесснежной зоне между ледником 1

и главным ледником был наш первый лагерь, где мы по пути сюда оставили заброску с консервированной ветчиной и кое-каким другим провиантом. Когда я потихоньку дохромал до этого места, то увидел двух типов, слоняющихся там без определенного направления, и обнаружил, к своему удивлению, что это двое наших носильщиков, сбежавшие из холодных районов верхнего ледника в это находящееся на полпути приятное местечко. Радость, что теперь мне больше не надо нести свой реально увесистый рюкзак, решительно перевесила ярость над этими двоими беглецами, которая, собственно, должна была бы меня наполнять. Одного, Дарио, я взял с собой, другого, Бодора, отправил навстречу моим друзьям. Разумеется, едва мы с Дарио скрылись из виду, Бодор лег за камень и так сумел все устроить, что встретил Шнайдера и Алльвайна только тогда, когда они уже спускались по языку ледника на плоское дно долины. Между тем я относительно бойко спешил дальше по леднику 1 и в час дня дошел до широкой заполненной осыпью долины. Мои ноги плохо переносили отдых, так что лучше всего было попробовать достичь базового лагеря одним броском, без единой остановки. Надо было преодолеть еще 20 км без тропы по долине; 6 часов я шагал туда с максимально возможной скоростью; Дарио, который с моим рюкзаком прилежно старался следовать за мной, тихо стонал про себя. Я никогда не забуду тот момент, когда вечером за последним поворотом у меня перед глазами показался лагерь — кусты, растянутые между ними палатки и киргиз у большого костра. Кроме того, я увидел верблюда и второго киргиза, а вскоре обнаружил Борхерса, который только час назад, уставший от походной жизни, с полузажившими ранами поднялся верхом на лошади из Алтын Мазара. Он взял на себя задачу на следующий день ехать на лошади навстречу двоим моим попутчикам — поступок, имевший в этот вечер для меня неоценимое значение, так как я сильно вымотался. Таким образом, я сразу же мог предаться отдыху. Смутно заметив, что Борхерс с утра отправился в путь, сам я проспал до обеда.

Алльвайн и Шнайдер вечером действительно достигли конца ледника, хотя этот день, вероятно, был очень мучительным для Шнайдера, ему пришлось очень много вытерпеть как раз при переходе по чрезвычайно неровному леднику. Они встали лагерем ниже ледника 1 и оттуда начали свой восьмой, и последний, ходовой день. Как было условлено, они шли до прижима реки. Там они встретили Борхерса с киргизом, Дарио и двумя свободными лошадьми. 28 сентября в 16³⁰ они прибыли в базовый лагерь. На следующее же утро всадника, пришедшего с Борхерсом, отправили верхом на верблюде с сообщением для Рикмерса в Алтын Мазар. Эти всадники на верблюдах в одиночку проезжают за короткое время огромные расстояния, и таким образом уже утром 30 сентября, проскакав всю ночь, к нам поднялся курьер с недостающими медикаментами, которые мы просили.

Для нас наступили несколько дней абсолютного спокойствия, в Кузгун-Токае мы чувствовали себя хорошо. Так завершилось наше восхождение на пик Ленина, которое можно назвать краугольным камнем альпинистских успехов всей экспедиции и которое было в ней для нас самым прекрасным и самым сильным впечатлением.

6 октября мы с Борхерсом побывали на одной горе высотой 5700 м недалеко от лагеря для фотограмметрирования. По различным причинам мы задержались и во

время захода солнца еще находились на седловине на высоте 5000 м. Пик Ленина стоял там, на востоке, так, что его едва можно было выделить среди многочисленных громадных гор, лежавших вокруг него. Но он нам еще раз показался. Когда солнце ушло за горизонт, и все горы давно уже лежали в холодной бесцветной тени, там, на нем все еще мерцал свет последних лучей солнца, и очень медленно, как будто немного выжидая, мерцание растворялось на его вершине.

Пик Инвалидов

Ф. Борхерс

Восхождение на пик Ленина стало кульминацией всех восхождений нашей экспедиции, высшая точка, измеренная в метрах и прочувствованная в душе, была достигнута. Мои товарищи совершили гигантское достижение. Я знаю, во время последнего подъема они учитывали и даже обсуждали возможность или вероятность обморожения ног, но были совершенно готовы отдать эту цену за достижение вершины. Они выдержали все, как железные — триумф воли над телом и над тем, что, когда поворачивают назад, обычно называют благоразумием.

После такого напряжения, естественно, последовало успокоение тела и души, четыре дня мы, собственно, ничего больше не делали, кроме как спали, ели и лечили ноги Шнайдера. Они выглядели ужасно: обморожения второй – третьей степени до самых суставов и, кроме того, на пятках. Мы с Алльвайном в сторонке обсуждали между собой, нельзя ли, и как, транспортировать Шнайдера в больницу в Ош или Маргелан. Но если бы он туда и добрался, вероятно, через 8 – 10 дней форсированного марша, преимущество незамедлительной больничной терапии все равно уже не было бы достигнуто, а помимо прочего Алльвайн рассуждал: «Если хирург заполучит его себе в руки, то обязательно отрежет ему ноги». Забота о том, сохранятся ли у него вообще пальцы ног или даже сами ноги, и так отягощала нас достаточно серьезно. После долгих размышлений мы приняли решение оставить его спокойно лежать в Кузгун-Токае и пока не подвергать тяготам марша, тем более, что в настоящий момент он был не в состоянии ездить верхом. Успех подтвердил правоту медицинского решения Алльвайна. Уже через несколько дней Шнайдер снова мог делать свои первые шаги. Его молодость и чудесное здоровье позволяли так заживлять ноги, что и Алльвайн как врач, и все остальные, неопытные дилетанты в этой области, не уставали удивляться. Через три недели Шнайдер первый раз смог снова обуть горные, а через пять недель цивильные ботинки, зимой 1928 – 29 года он уже опять бегал на лыжах, а в конце марта 1929 года совершил с Хёрлином первое зимнее восхождение на Айгиль Бланш де Петерей. Хотя у Алльвайна и Вина обморожения были существенно легче, но все же достаточно сильные. Алльвайн только-только мог ковылять взад-вперед из-за сильной боли в пальцах ног, Вин отделался легче всех. Две самые большие мои раны все еще гноились. Таким образом, все мы были инвалидами, а Кузгун-Токай напоминал лазарет. Но кроме всего прочего, мы сделали из него ре-

ально приятную дачу. Так как теперь больше незачем было экономить припасы, мы основательно заботились о себе (см. рис. 33 на стр. 102, рис. 31 на стр. 87).

К сожалению, вследствие обморожений мы могли выполнять наши обещания Финстервальдеру лишь в очень малой степени. План, что Шнайдер с Бирзаком снова пойдут в долину Кара-Джилги фотограмметрировать, рухнул. Бирзак поднялся к нам и совершил с Ходейдо, лучшим из всех носильщиков, изящный проход вплоть до водораздела между долинами Саук-Сай и Кара-Джилга. Между прочим, это ему вышло боком: в стоке ледника Федченко, Мук-су, верхом на лошади его смыло, он попал под лошадь и чуть не захлебнулся.

Однако теперь мы с Вином хотели еще снять наиболее важные направления в районе Кузгун Токая. Опухшие пальцы ног и еще не вполне зажившие раны не принимались во внимание. Мне также непременно было нужно какое-нибудь заключительное восхождение для восстановления душевного равновесия. Каждый раз, когда мои товарищи отправлялись в путь, я, скрепя сердце, оставался позади, надеясь, что смогу участвовать в следующем выходе, и всякий раз снова бывал горько разочарован. Я признаюсь без обиняков, мне стало ужасно тяжело воздерживаться. Поэтому я также принял участие в переходе вниз по леднику Федченко из соображений: пусть даже раны снова усугубятся, все равно экспедиция приближается к своему завершению, после этого будет достаточно времени для лечения. А теперь и Вин рассуждал точно так же.

Так что 3 октября мы оба выдвинулись с Дарио в высотный лагерь, чтобы фотограмметрировать с двух вершин к северу от долины Саук-Сай. Названия «Большой пик Инвалидов» и «Малый пик Инвалидов» получились сами собой. Подход был реально интересный, не из-за особенного скалолазания или дальнего обзора, а из-за пестрых скальных и конгломератных склонов самого необычного вида. Уже внизу в главной долине лежит большое поле гальки в основном светло-красного и светло-зеленого, а местами также фиолетового и темно-синеватого цвета. В ущелье на выходе из большой северной боковой долины ярко-желтые стены, а между ними большой светло-зеленый кусок стены. Если подняться по травянистому склону налево, откуда можно через глубокое глухое ущелье заглянуть в боковую долину («Пеструю долину»), то за большим зеленым лугом появляется крутой горный склон, снизу красный, сверху фиолетовый с резкой границей, а совсем позади белые фирновые горы. Все краски невероятно яркие. Мы достигли маленькой крутой горной долины с сильно обледеневшим по берегам красным ручьем и пролезли в верхнем конце долины между скальной стеной и дико разорванным языком маленького ледника наверх на узкую осыпную террасу возле двух красных луж. Там мы встали лагерем. Ночью пошел снег, за несколько часов напало 5 см свежего снега. Дарио, который, вопреки нашей настоятельной рекомендации, не захотел нести вверх определенную для него палатку и ночевал в одном мешке Здарского, жалобно хныкал, стуча зубами, перед нашей палаткой, вмещавшей только двух человек. Рано утром мы максимально быстро спустились обратно, при этом дали друг другу взаимное обещание при улучшении погоды не ругаться, а на следующий же день подниматься снова. Когда мы были совсем внизу в «долине Инвалидов», в облаках и правда уже показалось несколько

просветов. Теперь мы без носильщика следовали за водным потоком по ущелью до выхода из «Пестрой долины», где имела место очень занимательная гимнастика по конгломератам, мимо заглаженных водой стен и даже по большим глыбам в ручье, на этот раз без купания.

Вышло солнце, растаял свежий снег, и на следующий день, 5 октября, мы с Вином снова были наверху в «долине Инвалидов». Она уже стала для нас совсем родным местом. На этот раз мы встали лагерем еще до языка ледника, на высоте 4200 м, так как решили подниматься на другую гору — на «Малый пик Инвалидов». Было очень холодно. Если после захода солнца зачерпнуть воду из ближайшего ручья, то, несмотря на воду в котелке, от краев к середине срастались кристаллы льда, и через какие-то, наверное, двадцать шагов до палатки на воде уже образовывался слой льда толщиной 2 мм. Как только переставало греть солнце, вне палатки и спального мешка становилось очень неприятно, от любого занятия можно было сразу окоченеть. Поэтому 6 октября мы вышли, к сожалению, только в 6⁴⁵. Мы поднимались через осыпные кулуары и обрывы по южному склону восточного гребня «Малого пика Инвалидов». На высоте гребня в 9³⁰ мы отпустили носильщика, так как отсюда до самой вершины продолжался исключительно фирн и лед, последний местами весьма крутой и стекловидный; Дарио никогда бы там не поднялся. Замерзшими руками мы фотограмметрировали на вершине, 5300 м. В час дня мы пошли дальше, по глубокому рыхлому снегу крутого северного склона 200 м вниз до седловины, и вверх, к вершинному массиву «Большого пика Инвалидов», 5700 м. За лето солнце образовало на южном склоне стекловидный натечный лед, а теперь больше не имело силы хоть чуть-чуть размягчить его поверхность. Лед был чрезвычайно жесткий, к тому же повсюду весьма крутой, до 50°, притом на большом протяжении. Даже для бывалых ледолазов было очень напряженно, этот склон, безусловно, относится к числу наиболее длинных чисто ледовых склонов, по которым мы восходили. Мы работали вверх от 16⁰⁰ до 17³⁰. Солнце уже опасно закатывалось, но настолько же более впечатляющими были окружающие горы в длинных вечерних тенях. Пик Ленина гордо нес свою голову надо всеми. Мы могли даже заглянуть в Алайскую долину и видеть Алайские горы, хотя наша вершина и не находится в главном хребте.

Спуск до седловины продолжался час, затем наступила ночь. Бивак на холодном перевальном ветру без каких бы то ни было теплых вещей нас не вдохновлял. Также не привлекал и рыхлый снег на склоне «Малого пика Инвалидов». Однако сверху мы хорошо просмотрели ледник, текущий с седловины на восток, а под конец на юг. В 7 вечера мы начали спускаться к нему через карнизы седловины; луна, которая должна была взойти в полночь, обеспечила бы нам, как мы надеялись, уже достаточный обзор на незнакомом леднике. Таким образом, наша тактика заключалась в том, чтобы время до 12 ночи провести по возможности с пользой и без того, чтобы слишком сильно замерзнуть. Крутой склон из твердого конгломерата был достаточно неприятен в темноте, но нам на нем быстро стало тепло. Поэтому мы присели на землю. Это было ужасное место, жесткое и крутое, мы все время едва не поскальзывались. Через добрый час мы так замерзли, что предпочли скользить дальше при скудном мерцании фонаря. Внизу пошло лучше, в 9 вечера мы были у подножия стены на леднике. Мы

слышали, как булькала вода, однако в темноте ее не нашли. С момента нашего выхода от палатки мы больше ничего не пили. Когда снова начали тут замерзать, мы решили все же попробовать пройти по леднику. Уперлись в стену кальгаспор в рост человека. Попытка в левом рандклюдте. Сначала шлось вполне хорошо, но затем мы попали в лабиринт трещин. Назад, ждем, гимнастика. Еще дальше назад, снова немного вверх по склону, ждем, мерзнем. У Вина сильно болели ноги, я попеременно отогревал их у себя между бедер. Наконец, ровно в полночь появилась луна. Теперь ледник стало достаточно хорошо видно, и мы быстро прошли вперед через все трещины. Однако на леднике было много участков голого льда. Несчастный Вин в его подбитых гвоздями ботинках добрый десяток раз поскользнулся и падал, тогда как я в моих триконях отделался помягче. Уже в час ночи мы смогли попасть на левый борт ледника, как раз там, где начинается его большой нижний сброс. Здесь мы случайно нашли замерзшую лужу и, наконец, смогли напиться.

К сожалению, склон горы закрыл нам луну, пришлось снова достать тусклый фонарь. Мы спускались то по склону, то по ледовым буграм, насколько это получалось. Вин поднимался сюда в первом выходе и потому шел первым. Но мы слишком сильно спешили вперед и пробежали мимо нашей первой стоянки, не заметив ее; обе лужи тем временем вытекли. Встретилось неприятное место, Вин спутал его с другим, которое нужно было проходить вдоль под самой ледовой стеной. Но здесь по плите текла мутная вода, и слой льда не было видно. Вин поскользнулся и сорвался. Вопль, на гладком склоне невозможно было задержаться. Я в ужасе смотрел, как Вин улетел в темную пропасть. Ледоруб и фонарь сбрыкали в глубину, свет потух, Вин где-то приземлился, громыхнули несколько камней, затем полная тишина. Окрик — о счастье, Вин отозвался.

Вода, текущая по плите, промыла себе ход под огромным, вышиной с дом, сераком от круто обрывающегося, сильно растресканного ледника; под сераком была большая пещера. Вин провалился на 10 м вглубь этой мрачной темницы. К счастью, он остался лежать еще поверх особенно неприятной крутой ступени, правда, головой вперед; тяжелый рюкзак свешивался вниз ему через голову и грозил сорвать его в пропасть, в которой уже валялись ледоруб и фонарь. Все же Вин смог отодвинуться аккуратно на свою узкую ледовую полочку и там присесть на корточки. Каким-то чудом он практически не пострадал. Два часа ночи. Военный совет, что теперь делать. Веревки у нас не было. Можно заклеить нас за легкомыслие. Однозначно. Но, кроме фотограмметра, штатива, измерительной цепи, фотопластинок и барометра, мы действительно больше не могли нести никаких тяжестей. Либо мы пошли бы без веревки, либо не пошли бы вообще. Измерительная цепь была, к сожалению, у Вина. Я надел кошки и попробовал рубить ступени вниз. В темноте это не получалось. Совсем внизу мерцало что-то светлое, под сераком проходила дыра вплоть до широкой поперечной трещины. Я решил попробовать проникнуть туда снизу. Для этого я должен был залезть по склону горы сначала вверх, а потом вниз, но в темноте я в конце концов все равно не нашел проход внутрь глухого ледового сброса. В 3¹⁵ я бросил это занятие. Надо было ждать рассвета. Вин сидел в отвратительном месте на своей узкой ледовой полочке. Было ужасно холодно, я думаю, около -30° . Окрики

постепенно умолкли, только внизу и наверху раздавался монотонный звук стучащих нога об ногу ботинок. В 5 утра Вин начал распевать горные и студенческие песни, а вскоре я возвестил о приближении рассвета. В 5⁴⁵ я надел кошки, связал вместе ремень барометра, шнуровку от рюкзака и бечевку, начал рубить ступени, а под конец спустил свой ледоруб Вину вниз. Вин в утренних сумерках сумел уже и сам, распираясь во льду с помощью кошек, пройти один участок вверх, теперь он вырубил себе цепочку ступеней, ухватился за удерживаемый мной ремень и в 6⁰⁵ выбрался из своей холодной ледовой пещеры.

Все снова хорошо закончилось.

Теперь у нас было достаточно времени. При дневном свете я смог снизу пролезть в правильную ледниковую трещину, добраться до самой ледовой пещеры и подобрать ледоруб Вина. Фонарь не пережил падения.

Дальнейший спуск отсюда был прост. В 7³⁰ мы были у палаток, к великой радости Дарио. Пить, есть, потом спать до полудня. После обеда мы были снова в базовом лагере. Горное путешествие не навредило Вину. Мне оно также пошло на пользу — зажила предпоследняя рана, так что у меня снова стало превосходное настроение.

Теперь настало время покинуть идиллическую дачу Кузгун-Токай. Носильщики устроили праздник, вечером в лагере разожгли особенно большой костер. Мы все сидели вокруг, Бодор танцевал, Дарио пел, Ходейдо экспромтом сочинял стихи,

и было так понятно, что речь шла о событиях в экспедиции. 9 октября отправилась в путь первая группа. Шнайдеру дали сапоги из шкуры нашего последнего барана (рис. 33 на стр. 102). Это была уже вторая пара; первую, которую он опрометчиво оставил на ночь у своей палатки, сожрала собака. Шнайдера посадили на самую смирную из наших лошадей — Петера Вина; верховая поездка прошла вполне успешно.

Мы с Вином выехали верхом только 10 октября, и лишь недалеко вниз по долине. Там мы с Дарио последний раз поднялись в высотный лагерь. Снова крутое узкое ущелье, заледенелые плиты и невероятный холод ночью. 11 октября мы взошли на четыре топографические точки; на последней, высотой около 5000 м, вынуждены были распутывать совершенно монументальные ледовые склоны, трещины и карнизы, но не достигли самой вершины. Было экспонировано двадцать три топографических фотопластины, моя фотография пика Ленина (рис. 30 на стр. 86) также снята с этой горы. Затем мы



Рис. 33. Шнайдер после возвращения с пика Ленина.

поспешили назад. Внизу в ущелье у размытой крутой ступени нужно было по связочной веревке спустить вниз Дарио и рюкзаки, как раз перед наступлением ночи. При свете фонарей в 19³⁰ мы вернулись к палаткам. Тут закрылась и последняя моя рана. 12 октября я получил свое прощальное купание: лошадь Шнайдера, верхом на которой я ехал, споткнулась и скатилась в реку. Вечером все мы вчетвером снова были вместе в Алтын-Мазаре.

Обратный путь и обзор пройденного

Ф. Борхерс

Если столько времени всем вместе единодушно работать в экспедиции, которая проходит прекрасно и успешно, то можно с полным правом сожалеть, когда она спешит навстречу своему завершению, так что все должны снова расставаться. Также и носильщики Бодор, Ходейдо и Дарио, те немногие, кто продержался с нами до самого конца, запали нам в сердце. Они и сами прощались с нами настолько же неохотно, насколько сильно все это время тосковали по родине. Прежде чем они с длинными рублями зарплаты и богатыми, во всяком случае для них, подарками (ботинки, одежда, ножи и др.) отправились через Тахта-Корум, они снова и снова пожимали нам руки, а мы должны были обещать им, что придем опять, и тогда они хотели снова для нас носить. Всеми силами, верно и честно служили нам все, кого мы нанимали — русские караванщики и солдаты, таджики, узбеки и киргизы. Ничего не украли, хотя очень многое мы оставляли просто так. Ак-сакал («белая борода» = представитель общины) в Алтын-Мазаре пригласил нас еще раз на обед. Затем мы, последние участники экспедиции, потянулись по северному склону долины вверх к перевалу Терс-Агар. Захватывающе великолепен был вид на громадные северные стены Сандаля и Муз-Джилги, которые только сейчас поднялись во весь свой рост и показали всю свою крутизну. С грустью в сердце мы покидали эту прекрасную долину. К достижениям западноевропейской цивилизации нас, собственно, ничего не тянуло. Мы не только проложили пути подъема в горы и набрали восхождений на вершины — нет, мы попытались впитать в себя знания, красоту и возвышенность этой особенной земли. Конечно, нам не хватало еще очень многого, чтобы полноценно исследовать ее сущность. Но кто хоть однажды спал на азиатской земле, кто хоть однажды путешествовал в азиатских горах и пустынях, душа того навеки останется привязанной к этой самой таинственной из всех частей света.

Дараут-Курган в Алайской долине, 2300 м, был сборным пунктом для всех, кто еще оставался на Памире (рис. 34 на стр. 104), за исключением Ленца. 17 октября внушительный караван отправился к перевалу Тенгиз-Бай в Алайском хребте, 3850 м. Дорога ведет через глухие ущелья, сверху еще раз открывается великолепный вид на Заалай. Обоз продвигался к дому, не было больше никаких слишком тяжелых грузов, никаких слишком ранних выходов, никаких слишком длинных переходов. 19 октября мы были уже в Ферганской долине, а 21 октября в Оше.



Рис. 34. Участники Алайской экспедиции в октябре 1928 года. Слева направо, второй ряд: В. Райниг, Л. Нёт, Х. Бирзак, К. Вин, Э. Шнайдер, Р. Финстервальдер; первый ряд: Е. Алльвайн, В. Р. Рикмерс, Ф. Борхерс.

Здесь экспедицию распустили. Наши переводчики, наши повара Егор, Иолдаш и Осман, наши караванчи и солдаты отправились домой, наших лошадей продали. Рикмерс, сначала вместе с профессором Щербаковым, впоследствии в одиночку, взял на себя завершение оставшихся дел и транспортировку багажа. Мы, остальные, отъезжали как можно скорее к себе домой, экспедиционная касса также похудела. В последний день октября мы были в Москве. Сердечный прием, как и полгода назад, большой прощальный обед у народного комиссара Шмидта. В начале ноября мы были снова в Германии, а Рикмерс в конце ноября.

Как ее завершение, так и вся экспедиция в целом прошла весьма гармонично. Русские и немецкие участники жили и работали друг с другом доверительно, рука об руку. Мы расставались, как хорошие товарищи, с ощущением, что снова охотно собрались бы для совместной работы.

Об альпинистских результатах я могу отчитаться с откровенной гордостью, так как сам, к сожалению, не мог принять участие в восхождениях на четыре наивысшие из покоренных гор. 14 вершин ниже 4000 м, 4 вершины от 4000 м до 5000 м, 29 вершин от 5000 м до 6000 м, 8 вершин от 6000 м до 7000 м и одна вершина

свыше 7000 м были покорены участниками экспедиции — посланцами Альпклуба; три перевала пройдены из долины в долину. Кроме того, Финстервальдер и Бирзак в процессе своих работ взойшли на множество вершин, в том числе на сложный пик Горбунова высотой 6030 м. На остальных немецких и русских участников экспедиции приходятся три вершины от 5000 м до 6000 м, на русских альпинистов, кроме того, два важных ледовых перевала, 4800 м и 5100 м. Пик Ленина 7130 м, наряду с Гималайскими горами Трисулум, 7100 или 7130 м, и Кабру, 7300 м (восхождение сомнительно), относится к наивысшим покоренным к настоящему времени вершинам. Хотя люди поднимались, не достигнув вершины, еще гораздо выше, а именно, на Броуд-пике в Каракоруме до 7500 м, и на Джомолунгме (Эвересте) приблизительно до 8600 м, это огромное достижение. То, что мы, сверх того, нашли, вероятно, самый длинный ледник в мире, было особенной удачей. Подробно и по достоинству оценить весьма богатые научные результаты экспедиции я вынужден, к своему сожалению, отказаться из-за недостатка места.

Я завершаю свой отчет, и мне остается лишь откровенно отблагодарить Общество Взаимопомощи Немецкой Науки и Немецко-Австрийский Альпклуб за оказанное нам доверие. Одновременно, однако, я оставляю место надежде и пожеланию: пусть еще многие немецкие альпинисты взойдут после нас на высокие и прекрасные горы этой таинственной части света! Пусть забота о зарубежных путешествиях, которую, как одно из трех новых важных заданий Альпклуба, наш глубокоуважаемый почетный председатель его Превосходительство фон Сюдоров в своей прощальной речи на всеобщем собрании в Штутгарте в 1928 году вложил нам в сердце, найдет самое горячее продолжение!

Экспедиционная область на Памире

К фото- и картографическим приложениям
Алайско-Памирской экспедиции 1928 года

Д-р Рихард Финстервальдер, г. Мюнхен

Памир — мощный горный узел в сердце Азии — это необитаемая, пустынная горная страна, лежащая на высоте 3500 – 4000 м. Внутри он пересечен низкими, многократно покрытыми осыпью горами, которые на краях поднимаются на большую высоту и затем продолжают хребтами великих гор Азии.

Внутренний Памир известен относительно хорошо, через него ведут некоторые, хоть и плохие, караванные пути, по которым уже путешествовали некоторые исследователи. Однако на сверкающие снежные горы окраин еще не ступала нога европейца, так что большие пространства оставались совершенно неизведанными; в меньшей степени на востоке, где у покрытой льдом Музтагаты, наивысшей горы в районе Памира, зарождается Куньлунь, нежели чем на западе и северо-западе, где горы были покрыты глубоким мраком вплоть до новейшего времени. Там, на Северо-Западном Памире, в горах Заалай и Сельтау⁵⁹ лежит зона деятельности Алайско-Памирской экспедиции. Она непосредственно граничит с проходящим на западе хребтом Петра Великого, исследованным экспедицией Альпклуба в 1913 году. В обзорной карте представлена область работы обеих экспедиций, на схеме 35 стр. 107 показаны основные маршруты 1928 и 1913 годов. В то время как экспедиция 1913 года выбрала длинную дорогу с запада через Гиссарский хребет и Бухарские долины, в 1928 году предпочли более короткий заход с севера непосредственно через область Памира, которая была закрыта в 1913 году по политическим причинам. Территориально сферы деятельности обеих экспедиций расположены рядом, в одном месте соприкасаются непосредственно; но все же во многих аспектах они в корне различны, в характере ландшафта, гор и ледников, так что описания экспедиционных областей 1913 года, приводимые в этом журнале и других публикациях, даже близко не годятся для 1928 года. Поэтому здесь нужно кратко изложить наиболее существенное об области исследований Алайско-Памирской экспедиции — не в форме систематического научного

⁵⁹Хребет Академии Наук

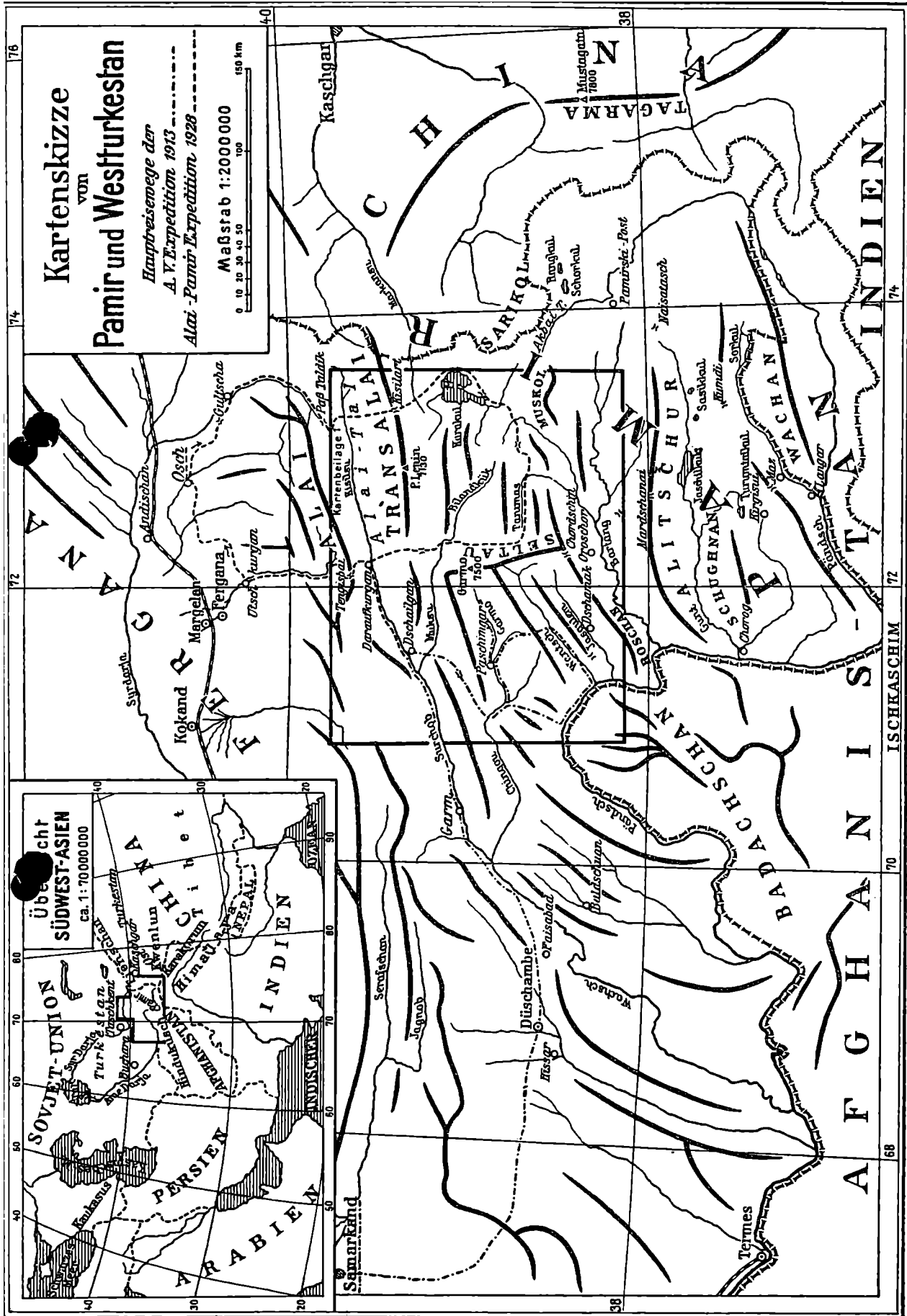


Рис. 35. Карта-схема Памира и Западного Туркестана.

описания, но изобразить, приблизительно следуя по маршруту, как открывалась ей неизведанная земля.

В конце мая в течение пятидневной поездки по железной дороге экспедиция прибыла из Москвы через плодородные черноземные области южной России, затем через широкие киргизские степи, мимо бессточного Аральского моря, через пустыни Западного Туркестана в густонаселенный пояс оазисов, расположенный по краям больших гор. В Оше, лежащем в дальнем конце плодородной Ферганской долины напротив Алайских гор, был большой сборный пункт экспедиции. В конце июня можно было отправляться на юг, к Памиру.

Алайский хребет

Алайский хребет, в честь которого экспедиция получила свое название — в некотором роде не по праву — экспедиция кратковременно пересекла лишь однажды по пути туда и однажды по пути обратно. Эти два перехода не могли дать глубокого обзора горной системы, многочисленными хребтами растянувшейся на несколько сотен километров с востока на запад от Тянь-Шаня до Самарканда. Путь туда проходил по широкой мягкой долине Гульчи через низкий провал перевала Талдык, по пустой, несколько однообразной местности, обратный путь — по глухому мрачному ущелью Исфары через перевал Тенгизбай. Большая противоположность этих двух перевальных путей уже дает понять, насколько разнообразны эти горы. За пределами перевальных дорог и немногочисленных караванных путей, на большом протяжении он еще не исследован. Это, конечно, также позволяет сказать уже сейчас, что Алайские горы по мощности и высоте сильно уступают горам, расположенным южнее. Вблизи перевала Талдык высота вершин одна и та же и составляет немногим более 4000 м, они не достигают снеговой линии, и потому также отсутствует оледенение. На западе высоты вершин заметно возрастают, в районе перевала Тенгизбай до 5000 м, далее на западе еще больше, маленькие ледники украшают вершины, морены, образовавшиеся во время более новых и более древних фаз отступления ледников, обнаруживаются в большом количестве. Здесь также старые возвышенности прорезаны глубокими ущельями, вскрывающими геологическое строение гор. Они придают ландшафту угрюмый, дикий характер и производят высокогорные ландшафты такого великолепия, которое, пожалуй, может сравниться с нашими Альпами. Незабываем для всех нас двухдневный переход вниз с перевала Тенгизбай между мощными стенами узкого ущелья Исфары. — *Алай еще очень богат научными проблемами, особенно геологическими и морфологическими. Для альпинистов же там, где мы его видели, он едва ли представляет собой благодарную задачу, разве что дальше к западу, где отдельные вершины должны достигать 6000-метровой отметки.*

Алайская долина

Перевалив Алай, мы достигаем более узкого экспедиционного района в Алайской долине, у Сарыташа (рис. 32 на стр. 92). Здесь открывается типичный азиатский

ландшафт. Плоское дно долины расширяется более чем на 20 км от северной стороны, Алая, до подножия Заалая, который поднимается явственно, как стена, к покрытым льдом горным вершинам огромной высоты. Все их намного превосходит пик Ленина, гордая вершина которого была главной целью для альпинистов. Мы уже узнаем главные признаки внутриазиатского ландшафта — громадные масштабы, большие абсолютные и относительные высоты. Так, например, пик Ленина удален на 60 км, дно Алайской долины лежит здесь на высоте 3000 м, а вершины поднимаются над ней еще на 4000 м. Недостаток осадков проявляется в пейзаже достаточно отчетливо уже здесь, где он еще не такой экстремальный: растительность представляет собой скудную степь, которая лишь во время снеготаяния, на короткое время дает поросль, однако, тем более сочную и роскошную, лес отсутствует почти полностью, склоны гор голые, и только в более глубоких долинах можно изредка встретить арчу и кустарник жостера. В большинстве случаев господствующий элемент — это щебень: маловодным рекам не хватает силы его уносить; кроме того, образование щебня здесь неизмеримо интенсивнее, чем у нас, от того, что жаркий дневной зной сменяется ледяной ночью, из-за солнечного облучения и замерзания в трещинах возникает интенсивное выветривание, которое еще больше увеличивается под действием ежедневных сильных ветров. Накапливающиеся огромные массы щебня выносятся медленно или вообще остаются лежать на месте; таким образом, широкая поверхность Алайской долины также состоит из осадочной породы, которая была нанесена из боковых долин Заалая и осталась лежать здесь. Дальнейшее следствие сухости — это чрезвычайно чистый прозрачный воздух, не замутненный частицами воды. Таким, в сверкающей чистоте, виден с отрогов Алайского хребта удаленный на 60 км пик Ленина (рис. 32 на стр. 92). Воздушная перспектива, которая, например, в Альпах дает нам возможность примерно оценивать расстояния и соотношения размеров, здесь полностью пропадает, если только пыль, приносимая западными ветрами из пустынь между Аральским и Каспийским морем, таинственным образом не затуманивает воздух как раз в этот момент. Однако такие пыльные туманы случаются редко. Невозможность оценивать расстояние является фактором, который, конечно, при всех работах на местности, особенно для альпинизма, имеет большое значение.

Жители Алайской долины, как и большей части остальной экспедиционной области — киргизы, которые, кочуя со своими большими стадами, передвигаются от одного пастбища к другому. Происходя от монголов с более или менее сильным тюркским вкладом, они представляют собой веселый, уверенный в себе первобытный народ; они везде встречали нас очень дружелюбно, однако в качестве высокогорных носильщиков не годились, так как, являясь народом всадников, они лишь слабо соприкасаются с высокогорьем.

После трехдневной остановки, во время которой над Алайской долиной пролились последние большие весенние дожди, мы отправляемся на юг, переходим Кызылсу — главную реку Алайской долины, обязанную своим цветом и названием «Красная река» красным меловым горным породам северной стороны Заалая, в однодневном переходе пересекаем Алайскую долину к Бордобе по слегка поднимающейся в направлении Заалая наклонной равнине, а затем через мощные концевые морены лед-

ника Кызыларт, населенные тысячами рыжих сурков. Дальше хорошая выючная дорога идет к перевалу Кызыларт, 4200 м, который через провал в Заалайском хребте приводит нас на Центральный Памир.

Каракуль на Центральном Памире

По ту сторону перевала Кызыларт появляется новый ландшафт — внутривпадинная высокогорная пустыня. Если в Алайской долине еще была скудная степная поросль, то здесь почти вся растительность вымерла, так что теперь господствующим элементом является щебень. Реки, которые, правда, и в Алайской долине были не в состоянии уносить осадочные породы, но все-таки еще прокладывали в них для себя явное русло, здесь почти повсеместно иссякли под слоем щебня. Мы поднялись с высоты 3000 м в Алайской долине до 4000 м на той стороне перевала Кызыларт, где влияние разреженного воздуха уже ощущается у людей и у животных. По мере подъема по северным склонам Заалая воздух теряет остатки своей влаги и суховеет проносится над голыми пространствами, высоко вздымая песок. Выветривание становится здесь еще более сильным, так как отсутствует защитный растительный покров, глубоко под слоем щебня и пыли погребены низкие горные хребты, ведущие через Внутренний Памир (рис. 8 на стр. 38). — *После долгого дня пути дорога, обозначенная белыми костями павших животных, через безжизненную высокогорную пустыню приводит нас к Большому Каракулю (рис. 2 на стр. 23).*

Большой Каракуль — это мелководное озеро, примерно вдвое меньше Боденского озера; в него впадают немногочисленные реки Северного Памира, сам он бессточный и соленый. На его разнообразных берегах, в его бухтах и лагунах живут немного болотных птиц. Редкая трава, местами цепляющаяся за прибрежные участки, дает скудное пропитание небольшим стадам, принадлежащим малочисленным бедным киргизским семьям.

Каракуль с окрестностями представляет собой великолепный пейзаж неповторимого богатства красок. Его водная поверхность светится от темно-синей до светло-зеленой и фиолетовой. Вокруг лежат выгоревшие на солнце желтые и красные пустынные участки, вдали возвышаются увенчанные снегами горы Заалайского, Каракульского, Музкольского и Сарыкольского хребтов. Над всем этим лазурный свод неба.

Когда-то древние ледники Каракульского хребта сползли вниз до самого Каракуля, а с других сторон останавливались в его непосредственной близости; еще сегодня об этом свидетельствуют раскинувшиеся вокруг моренные ландшафты. Под слоем глины на его южном берегу до сих пор погребена мощная многометровая толща ископаемого льда. Современные ледники отступили далеко в горы.

Уровень воды в озере подвержен сильным колебаниям, на его берегах и далее вглубь суши сохранились следы более высокой воды. В настоящее время озеро снова поднимается, оно залило перешеек, соединявший северный полуостров с берегом, и путь, ведущий вдоль его юго-восточного берега, заболачивается. — *Типичную карти-*



Рис. 36. Верховья долины в Южном Зулумарте. 6300 м.

ну окрестностей Каракуля дает также фото 3 на стр. 24, с горой Коксукурбаши на дальнем плане.

Долина Караджилги и Юго-Восточный Заалай

От Каракуля началось вступление в еще неисследованную область на западе. Сначала попытка взойти на пик Ленина с юго-востока привела альпинистов в долину Караджилги в северо-западный угол Памира. Борхерс описал эту местность в альпинистском сообщении; обзорная карта на этот участок составлена по эскизам Шнайдера. Плоские, протяженные долины с одним и тем же равномерным понижением, иногда с широкой поймой из гальки, начинаясь из дальних цирков, ведут в основную долину, которая сама таким же образом выводит к Каракулю. Вследствие высотного расположения дна долины, примерно от 4200 до 4600 м, относительная высота гор не особенно велика — около 1500 м (рис. 4 на стр. 32, рис. 36 на стр. 111). Оледенение незначительно, учитывая большие абсолютные высоты — вершины достигают 6800 м (Большой Конус⁶⁰). Только ледник Караджилга,⁶¹ чей бассейн находится в главном хребте Заалая, имеет большую мощность и длину около 20 км. Он берет начало на

⁶⁰Пик Октябрьский 6780 м

⁶¹Ледник Октябрьский

сильно заснеженных южных склонах Кызылагына. Ледники слабо замусорены, только язык ледника Караджилга в самой нижней своей части закрыт моренным чехлом; таяние в значительной степени происходит путем испарения, следствие очень сухого памирского климата, который, видимо, имеет большое значение для формирования внешнего вида также и этой области (рис. 6 на стр. 36).

Западный водораздел в этом месте проходит по горному хребту Зулумарт, стыкующемуся с Заалайским хребтом между пиком Ленина и Кызылагыном. Это не ориентированный исключительно с севера на юг изолированный хребет, как считалось ранее, а система гребней, пересекающих его в основном с востока на запад. Их высшие точки лежат на линии, проходящей от Кызылагына на юг. Покоренный альпинистами так называемый «Жорас» находится на этой линии, на водоразделе между Караджилгой и Саукдарой. Восхождение на него дало ценный обзор орографии Зулумарта.

Танымас

В то время как группа альпинистов занималась важными исследованиями долины Караджилги, остальная часть экспедиции под руководством Рикмерса продвинулась вперед собственно в основной район работы — от Каракуля на юго-запад, затем прямо на запад по долине Танымаса в направлении Западного Памира. Там нужно было исследовать хребет Сельтау,⁶² хранящий могучие ледники и вершины, легендарные перевалы через который должны были привести в западные долины, на Дарваз и в зону деятельности экспедиции Альпклуба 1913 года.

Долина Танымаса течет не на Центральный Памир, она сначала ведет на запад, но потом, у Кокджара, круто поворачивает на юг в глубоко лежащую долину Бартанга. Таким образом, река Танымас имеет большее падение, и в совокупности со значительным расходом воды, приходящей с больших ледников, ей удается выносить щебень до относительно низкой галечной поймы, по которой он бежит, разлившись на множество рукавов. Дно долины в ее верхнем течении, у Кокджара, лежит всего лишь около 3000 м, вследствие этого относительная высота гор становится больше, склоны круче; горы принимают более альпийский характер.

В 20 км выше Кокджара на высоте 3600 м долину неожиданно перегораживает язык могучего ледника. Прежние экспедиции добирались лишь до этого места, ледник и его мощный сток вынуждали их останавливаться. Здесь мы испытали первый большой сюрприз. Оказалось, что мощный язык принадлежит не какому-то большому леднику главной долины Танымаса, как до сих пор утверждалось с абсолютной определенностью, а леднику, названному русскими ледником Общества Взаимопомощи,⁶³ который по огромной дуге вторгается в долину Танымаса с юга и полностью перекрывает ее. Затем основная долина снова освобождается ото льда, и хотя южные боковые ледники надвигаются еще в четырех местах, в целом, однако, она ведет вверх, оставаясь не заснеженной, все дальше и дальше к низкой перевальной местности, на

⁶²Хребет Академии Наук

⁶³Ледник Грумм-Гржимайло

которой экспедиция разбила свой главный лагерь — «Перевальный лагерь» (рис. 37 на стр. 114).

Могуществен горный рельеф южной стороны долины Танымаса. Долины там заполнены ледником Общества Взаимопомощи и его большими боковыми притоками, а также четырьмя боковыми ледниками долины Танымаса, которые движутся в основную долину иногда в крутом, узком течении, а иногда, особенно в верховьях долины Танымаса, в пологом и широком. Крутые вершины, сложенные темными палеозойскими известняками (Холодная Стена 5900 м, Черный Рог 5800 м) сменяются громадными горами группы Высокой Стены 6300 м, которые, как и почти весь Сельтау, состоят из сильно метаморфических, также палеозойских сланцев, а на дальнем плане ледника Общества Взаимопомощи — мощными покрытыми льдом фирновыми куполами и пиками; все их превосходит Треуголка высотой 6950 м,⁶⁴ во время отважного восхождения на которую Вин и Шнайдер дошли почти до вершины.

Ледники Танымаса очень разнообразны по форме. Некоторые из них сравнимы по форме и размерам с альпийскими, особенно ледник 2 (рис. 11 на стр. 44) и 3 — в собственной долине, с большим, умеренно крутым фирновым цирком, из которого единый ледовый поток движется прямо в долину Танымаса. Ледник Общества Взаимопомощи представляет собой, напротив, большую, сильно разветвленную систему, напоминающую гигантские ледники Каракорума. Его фирновый бассейн (рис. 14 на стр. 48) чрезвычайно пологий и превосходит по размерам привычные альпийские представления. Его 40-километровый поток во многих местах разломан, еще далеко внизу, раздробленный в хаос трещин, промоин и гребней на повороте, где меняет направление своего движения примерно на 120° (рис. 10 на стр. 43), он с буйной силой вторгается в долину Танымаса. Ледники в верховьях долины Танымаса, напротив, имеют мягкую, спокойную форму, без трещин, и совершенно чистые от щебня (рис. 38 на стр. 115). — *Есть, однако, кое-что общее для всех ледников, а именно, протаявшая от горячего Памирского солнца поверхность льда, испещренная лабиринтом из множества маленьких ледяных зубцов (рис. 12 на стр. 46, рис. 13 на стр. 47). В борьбе двух противоположностей — солнца и льда — возникают эти странные формы. У подножия каждого ледяного зубца лужа талой воды 10 – 30 см в ширину и такая же в глубину. Кальгаспоры с ледяными лужами особенно характерны для ледника Общества Взаимопомощи и сильно мешают при его прохождении. Низко расположенные языки ледников, естественно, особенно сильно подвергаются тепловому воздействию солнечных лучей, их поверхность здесь покрыта уже не маленькими кальгаспорами, а размыта на большие горбы, гребни, ледовые башни, долины и канавы, на большое расстояние покрыта вытаявшей изнутри морен грязью (рис. 9 на стр. 42).*

⁶⁴Dreisnitz, пик Революции 6940 м

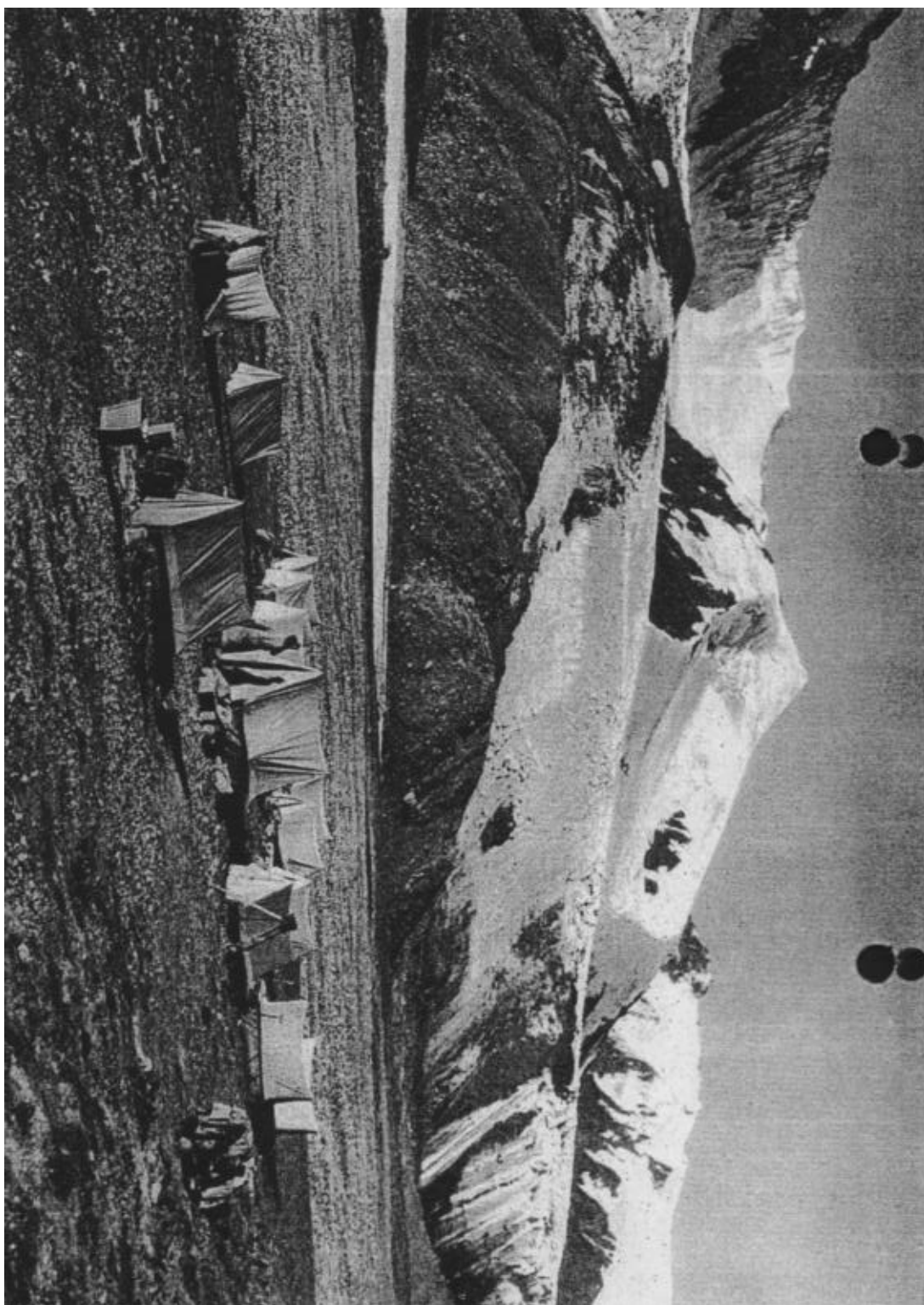


Рис. 37. «Перевальный лагерь». Середина августа 1928 года. За ним ледник Танымас-4, 4350 м.



Рис. 38. Ледник 5 в верховьях долины Танымаса.

От Танымаса до Западного Памира

По мере продвижения к верховьям долины Танымаса нас ждали очередные сюрпризы. Согласно всем расчетам, в верховьях долина Танымаса должна была привести через какой-нибудь перевал непосредственно в западные долины. Однако выше Перевального лагеря долина расширяется все больше, надвигаются широкие ледовые поля, так что можно подумать, что находишься в Гренландии или на Шпицбергене. По ту сторону ледяного озера 1 км в длину, запруженного верхним ледником Танымас, мы наткнулись на огромную плоскую массу льда — как оказалось впоследствии, это верховья ледника Федченко, который течет с юга на север перпендикулярно к верховьям долины Танымаса и заканчивается далеко на севере у Алтын Мазара в долине Беляндкиика. Долина Танымаса оканчивается не на Западном Памире, она

приводит скорее на одну из еще не охваченных обратной эрозией рек площадей, несущих на себе могучие фирновые поля ледника Федченко. Долгий дневной переход через ледовое покрывало, сползающее с ледника Федченко в верховья долины Танымаса, затем через сам ледник Федченко, который здесь пересекают немного ниже снеговой линии, а потом по пологому фирну ледника Академии Наук (рис. 16 на стр. 54) ведет нас все дальше на запад до тех пор, пока мы, наконец, не оказываемся в покоем на ворота проеме в дальнем обрамлении ледника Академии Наук. Только теперь Западный Памир достигнут. Здесь картина меняется в одно мгновение: позади нас широкие пологие фирновые поля ледника Академии Наук, впереди мощные скальные стены обрываются на низкое дно примыкающей с запада долины. Массы переливающегося на запад ледника Академии Наук падают туда в диком ледопаде, глухо гремя, раскрываются трещины, лавины камней громят с нависающих боковых стен, глубоко внизу могучий ледовый поток⁶⁵ впадает в основную долину,⁶⁶ которая позже оказывается долиной Ванча. Особенно информативна для представления масштабов в этом месте Западного Памира фотография Борхерса (рис. 18 на стр. 56), вместе с Альвайном спустившегося по диким сбросам вниз до самой поймы основной долины. Она снята в направлении долины с середины сброса по высоте.

Западные долины имеют здесь типично западотуркестанский характер ландшафта, который обнаружила ранее экспедиция Альпклуба 1913 года и который особенно подробно изобразил Клеббельсберг. Переход от Памирского плоскогорья, к которому относятся и верховья ледника Федченко, к западным долинам происходит здесь совершенно внезапно, вероятно, вдоль линии тектонического разлома. Сброс в западные долины имеет важное значение для местного климата и особенно для существования ледника Федченко. Теплый воздух, принесенный западными ветрами через долины Язгулема и Ванча, по крутым взлетам долин быстро поднимается на высоту, остывает и теряет свою влагу в форме снега, который уносится ветром в фирновые мульды ледника Федченко. Громадные массы снега откладываются здесь на высоте 4500 – 5000 м, на которой на остальном Памире, например, в долине Караджилги, имеющей сухой памирский климат, еще не обнаруживается какого-либо постоянного снежного покрова или фирнообразования.

Ледник Федченко

Северные боковые долины Бартанга у Кудары и Орошора,⁶⁷ относительно слабо отделенные друг от друга, быстро и круто поднимаются к наивысшим, достигающим 7000 м горам Сельтау (Треуголка, Широкий Рог),⁶⁸ находящимся на восточном продолжении Язгулемского хребта. По ту сторону, к северу от этих гор, на высоте 5000 м начинаются пологие фирновые мульды ледника Федченко. Часть фирна перетекает в

⁶⁵ Ледник Медвежий

⁶⁶ Абдукагор

⁶⁷ Рошорв

⁶⁸ Сельтау — хребет Академии Наук; Треуголка — Dreispitz, пик Революции 6940 м; Широкий Рог — Breithorn, пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м

долину Язгулема, другая часть — в долину Ванча, в особенности к последнему она обрывается дикими ледопадами. Однако основная масса фирна собирается вместе и с еле заметным понижением течет на север. Фирновые поля ледника Федченко распространяются в направлении с юга на север примерно на 25 км, при средней общей ширине 15 км. Узкие, острые, покрытые льдом гребни возвышаются над широкими фирновыми полями. Высота гор достигает добрых 7000 м, но превышение над подножием, уже расположенным на 4500 – 5000 м, относительно невелико, 1500 – 2000 м. Этот факт ни в коем случае не принижает заслугу альпинистов, которые из трех гордых вершин в верховьях ледника Федченко одолели две, а именно, Широкий Рог и пик Фиккера, в то время как Треуголка еще ждет своего первого восходителя. Фотография 39 на стр. 118 демонстрирует вид неповторимого ледникового ландшафта верховьев Федченко.

Та же фотография показывает нам уже и среднее течение ледника, который, подкрепленный с обеих сторон большими притоками — слева (орографически) ледником Академии Наук, справа ледником Наливкина — величественно движется в долину. Ледник, имеющий здесь ширину около 2.5 км, сопровождают широкие внутренние морены, с упорядоченными промежутками повторяющие линии течения льда, они образуются при слиянии двух потоков и остаются отдельными также и на объединившемся теле ледника (рис. 40 на стр. 119, рис. 27 на стр. 79).

Поток шириной 2 км плавно поворачивает, обтекая пик Горбунова, принимает слева большой ледник Кашалаяк⁶⁹ и после 30-километрового движения в северо-северо-восточном направлении (рис. 27 на стр. 79) достигает долины Беляндкиика. Один большой ледник,⁷⁰ приходящий от пика Гармо, еще достигает ледника Федченко, но не сливается с ним. Лишь относительно поздно начинается покрытый моренным чехлом язык ледника (рис. 41 на стр. 120), центральные морены становятся шире и мощнее, проходящие между ними полосы льда сужаются, и поверхность принимает вид, напоминающий описанные Клеббельсбергом ледники Западного Туркестана — беспорядочные гребни, трещины, бугры, лужи и трясына, однако в приемлемых формах. Структура ледовой массы сохраняется под моренным чехлом до самого конца ледника, никоим образом не отмершего даже сейчас, несмотря на то, что ледник отступает. Могучий слив вырывается из-под языка ледника и наносит в ущелье Сельдары большие песчаные отмели (рис. 28 на стр. 80) шириной около 2 км. Язык находится на высоте примерно 2900 м над уровнем моря, на той же высоте в соседней Алайской долине мы давно уже встречаем летовки и пастбища для скота. Здесь же все погребено подо льдом и щебнем, и лишь в отдельных местах между боковой мореной и горным склоном встречается растительность — роскошная арча, признак того, насколько теплых зон достигает ледник Федченко.

Понижение ледника от самого верха до самого низа довольно равномерное, трещины очень редкие и встречаются только на поворотах. За исключением ледниковых

⁶⁹По-видимому, здесь имеется в виду ледник Бивачный

⁷⁰По-видимому, имеется в виду ледник Малый Танымас; здесь Финстервальдеру еще не было известно, что этот ледник течет не с пика Гармо

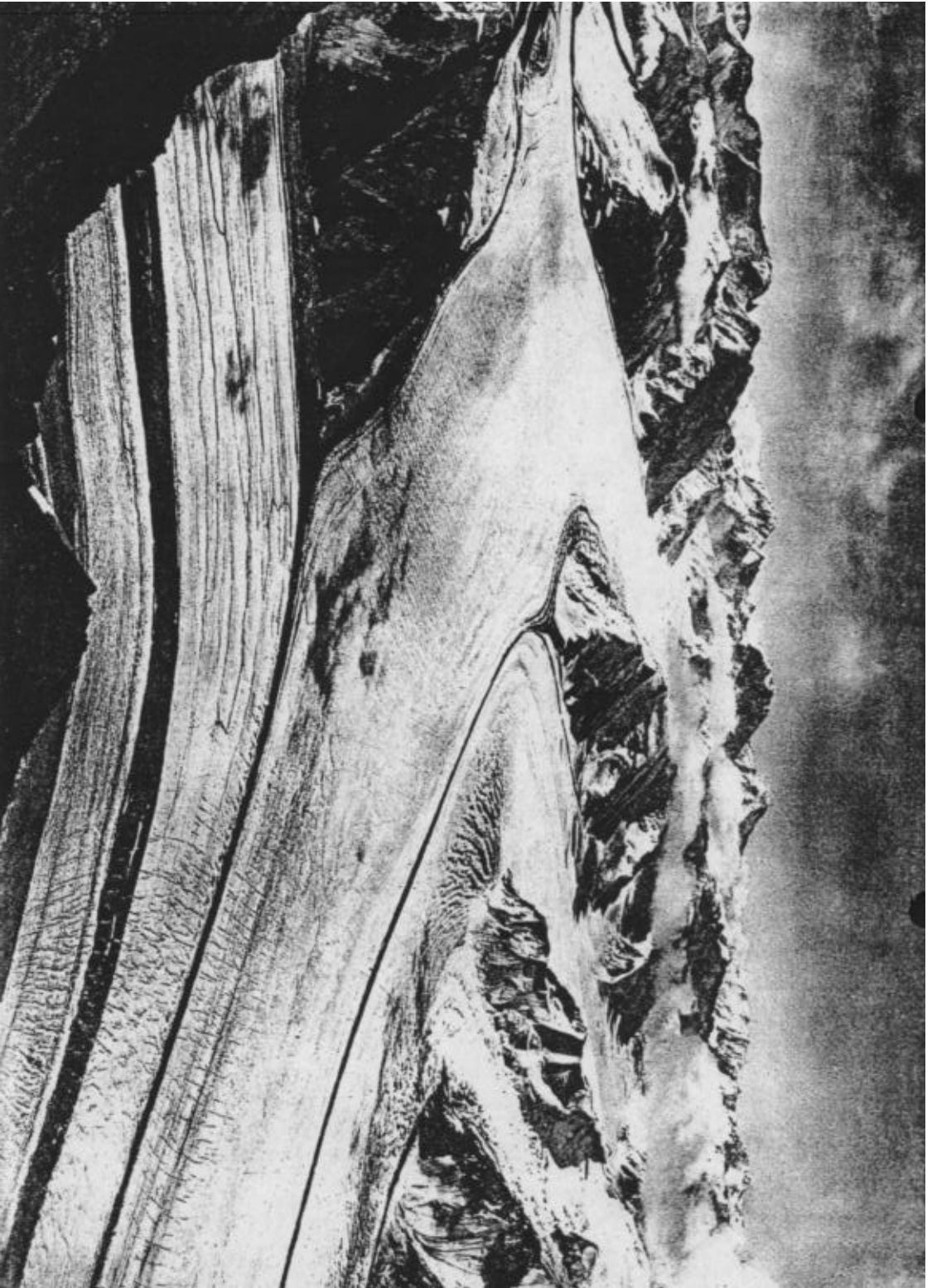


Рис. 39. Верховья ледника Федченко, вид на юг. Слева на переднем плане ледник Наливкина, справа в центре ледник Академии Наук. Вдали пики Фиккера 6720 м, Треуголка 6950 м (современное название — пик Революции 6940 м), Широкий Рог 6850 м (современное название — пик 26 Бакинских Комиссаров 6834 м).

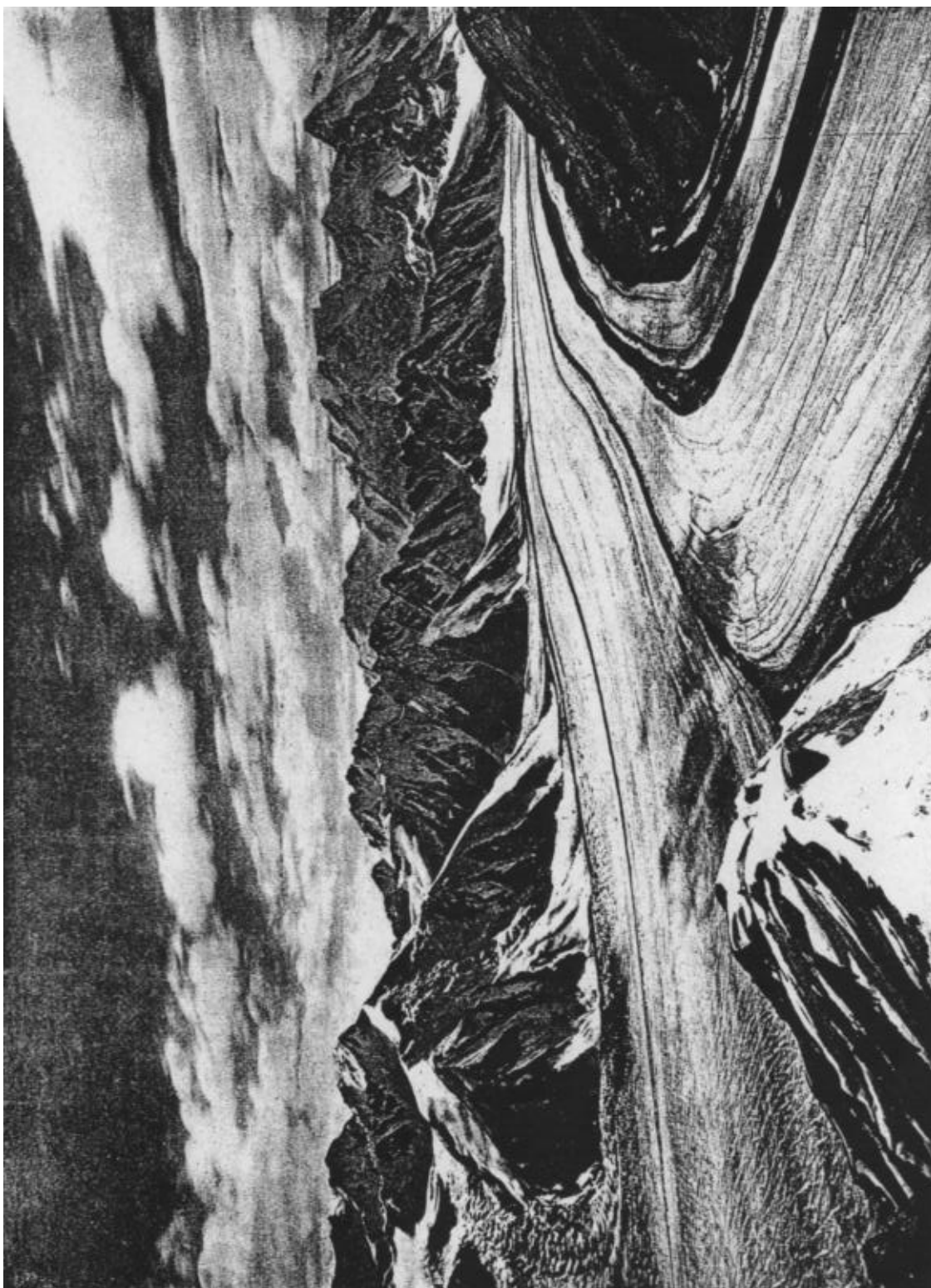


Рис. 40. Среднее течение ледника Федченко, вид на северо-запад (Дарвазский хребет).



Рис. 41. Низовья ледника Федченко, вид в направлении долины в сторону узла Гармо (в центре пик Гармо, 7500 м).
Современное название пика Гармо — пик Коммунизма 7495 м; долина — Малого Танымаса.

болот вблизи снеговой линии, ледник довольно легко проходим, и только в среднем течении протаявшая под действием солнца подобная кальгаспорам поверхность создает некоторые затруднения, хотя почти всегда можно переместиться на центральные морены, как правило, допускающие более легкое прохождение. Поэтому также, после того, как научные и альпинистские задачи в районе Танымаса и Федченко были решены, экспедиция использовала путь на север, указанный ледником Федченко, чтобы перебазироваться в Алтын Мазар.

Если ландшафт в верховьях Федченко широкий и открытый, он все больше и больше преобразуется по мере того, как мы следуем по леднику вниз на север. Высота горных вершин справа и слева существенно не меняется, но высота их над поверхностью ледника постоянно растет, как и крутизна склонов. Все более угрожающими и дикими становятся горные склоны с обеих сторон, они покрыты льдом лишь в самой верхней части, и когда мы достигаем конца ледника, то оказываемся в теснинах каньона посреди крутых высоких гор, в типично западнотуркестанском горном ландшафте.

В то время как в фирновой зоне, как мы видели (стр. 116), Западный Памир резко и внезапно обрывается в западные долины с их совершенно другим характером, переход в западные долины от среднего течения до конца ледника Федченко происходит совершенно незаметно, без какого-либо сброса. Промежуточное положение занимает перевал Кашалаяк, представляющий собой наиболее важный из открытых экспедицией проход на запад, он ведет с уже понизившейся до 3800 м нижней части ледника Федченко, после короткого подъема на перевальную точку, 4350 м, и по умеренно крутому леднику⁷¹ в главную долину Ванча.

Ледник Федченко от его верхних фирновых мульд под Треуголкой⁷² до конца языка в долине Беляндкиика имеет длину свыше 70 км; он является, за исключением полярных зон, одним из самых больших ледников в мире. Ледник Иньльчек на Тянь-Шане мог бы сравниться с ним по длине, ледник Сиачен в Каракоруме мог бы превзойти его по длине и по мощности, однако для этих ледников отсутствуют более точные измерения, дающие возможность однозначного сопоставления.⁷³ По типу ледник Федченко близок к ледникам наших Альп, тогда как по мощи и по великолепию он их далеко превосходит. Его пологие, огромные фирновые мульды являют самую резкую противоположность находящимся непосредственно по соседству не заснеженным ледникам Западного Туркестана. Это различие вызвано очень разным морфологическим строением гор Памира и Западного Туркестана, а отчасти также и влиянием климата; так как в районе фирновых полей ледника Федченко, как

⁷¹ Ледник РГО

⁷² Dreispitz, пик Революции 6940 м

⁷³ Самый большой альпийский ледник, Алечский, имеет длину 26 км, самый большой ледник Восточных Альп, Пастерце, 10 км. Ледник длиной 70 км простирался бы, к примеру, от верхней канатки через всю долину Циллерталь до самой долины Инна, и заполнил бы еще и ее на следующие 15 км. — Согласно новейшим расчетам, ледник Федченко имеет длину целых 77 км и тем самым, очевидно, является самым длинным ледником в мире. — прим. автора

мы видели (стр. 116), выпадают обусловленные местным географическим положением необычайно обильные осадки.

Алтын Мазар

На восемь долгих трудовых недель задержали нас исследования и горные путешествия в снежных и ледовых пустынях Сельтау,⁷⁴ большая высота — мы редко спускались ниже 4200 м — холод и различные нагрузки пагубно сказались на наших силах. Мы спустились в Алтын Мазар, первое поселение в верховьях долины Муксу. Наступившая между тем осень позолотила листву деревьев. Киргизы покинули свои высокогорные альпийские луга в долинах Каинды и Саукдары и вернулись на зимние квартиры в Алтын Мазар. В Алтын Мазаре мы остановились на короткий отдых.

Если наверху, в Сельтау, мы наблюдаем образование современных ледников в их мощнейшем развитии, то в Алтын Мазаре мы попадаем в точку, где древнейшее оледенение достигало чрезвычайных масштабов. Оно оставило в этой местности отчетливые следы, широкая котловина долины, пожалуй, также обязана ему своим образованием. Здесь объединяются три мощных ледниковых бассейна — долин Саукдары и Беляндкиика, а также ледника Федченко. Все они в ледниковый период были заполнены мощными ледовыми потоками свыше 1500 м толщиной, которые в Алтын Мазаре объединялись в ледник Муксу. Высоко вверху на склонах Музджилги, на выходе из долины Саукдары мы и сейчас на 1500 м выше дна долины видим следы шлифовки льдами, последующие более низкие уровни отступающего ледника отпечатались прогибами склонов. Такой же фазе отступления ледника обязан своим образованием и ландшафт концевых морен у Дамбурачи, при слиянии Муксу и Кызылсу, примерно на 60 км ниже Алтын Мазара. Экспедиция Альпклуба 1913 года, подойдя сюда с запада, обнаружила и описала эти концевые морены, в то время, конечно, не имея возможности прояснить их взаимосвязь с ледниковыми бассейнами.

Когда что-либо говоришь или пишешь об Алтын Мазаре, нельзя оставить без внимания нечто такое, что не забудет никто, ступивший на этот маленький клочок земли — это его большая красота. Ошеломляюще вздымаются внезапным почти 4000-метровым взлетом стены Сандаля и Музджилги, с их увенчанных снегами вершин с грохотом срываются вниз пылевые лавины, мрачно и грозно встают на западе крутые стены ущелья Сельдары (Муксу) на выходе с ледника Федченко. Угрожающе бурная Муксу катит свои мутные воды по широкому галечному руслу. Здесь, посреди этого неприступно дикого высокогорного мира, укрытый за скальным выступом и скальным островком на галечном дне долины, растет и процветает на широком моренном конусе оазис Алтын Мазар. Меж рощами на свежих зеленых лугах стоит лагерь киргизов с их юртами и их стадами.

⁷⁴Хребет Академии Наук

Долина Саукдары и Западный Заалай

Мы провели короткий, но дарующий силы отдых в уникально прекрасном Алтын Мазаре, а затем, разделившись на несколько групп, еще раз отправились в последний выход в горы. Теперь мы кратко проследуем за альпинистами, вышедшими по долине Саукдары к заветной цели — пику Ленина.

От Алтын Мазара через тесное устье ущелья по узкому галечному руслу, но с равномерным легким набором высоты идут в долину Саукдары, которая на протяжении 30 км тянется строго с востока на запад параллельно главному хребту Заалая. В самом конце она раздваивается, одна ветвь поворачивает на север, к пику Ленина, другая — на юг, она проходит мимо Жораса. Примечателен малый уклон долины, до Кузгунтокая он составляет какие-то 400 м на 30 км, то есть немногим более 1% — меньше, чем у всех соответствующих соседних ущелий. При низко расположенном выходе из долины это обуславливает очень большую относительную высоту вершин и, несмотря на приличную ширину долины, значительную крутизну склонов, по крайней мере в их нижней части. Типичная фотография долины Саукдары сделана Борхерсом (рис. 30 на стр. 86). Она также отчетливо показывает гляциологический характер ее профиля. Заалайский хребет ни в коем случае не является монолитной, непрерывной горной цепью, какой он выглядит издали; он изрезан многочисленными боковыми ущельями и седловинами. Его северная сторона состоит в основном из красной горной породы, происходящей из мезозоя (преимущественно мелового периода), южная сторона, как и большая часть экспедиционных зон — из палеозойских сланцев. Высоты множества массивных, неуклюжих вершин возрастают с запада на восток, от Хайфаса высотой 4500 м у Дарауткургана до кульминации на пике Ленина 7130 м, далее к востоку они снова уменьшаются. Значительно развитие ледников в верховьях долины: ледник Саукдара, стекающий с пика Ленина на юг, а затем по большой дуге поворачивающий на запад, достигает длины около 20 км. В целом преобладает альпийский тип ледников, но на вид их поверхности, как и во всем районе, сильно влияет сухость и интенсивное солнечное излучение.

Горный узел Гармо

Экспедиция Альпклуба 1913 года, как и Алайско-Памирская экспедиция, имела целью исследование Западного Памира. Однако она подошла туда с запада через горные долины Восточной Бухары и прежде всего сделала предметом подробного исследования Западный хребет Петра Великого, горную страну Тупчек и часть чрезвычайно дикого Восточного хребта Петра Великого, а также проделала большую работу, открыв находящиеся далее к югу Мазарские Альпы. Ближе всего к собственно Западному Памиру она подошла во время выхода по долине Гармо (ср. рис. 42 на стр. 124). В верховьях этой долины Восточный хребет Петра Великого разворачивается с неслыханной мощью, с юга с ним смыкается Дарвазский хребет, а в узловой

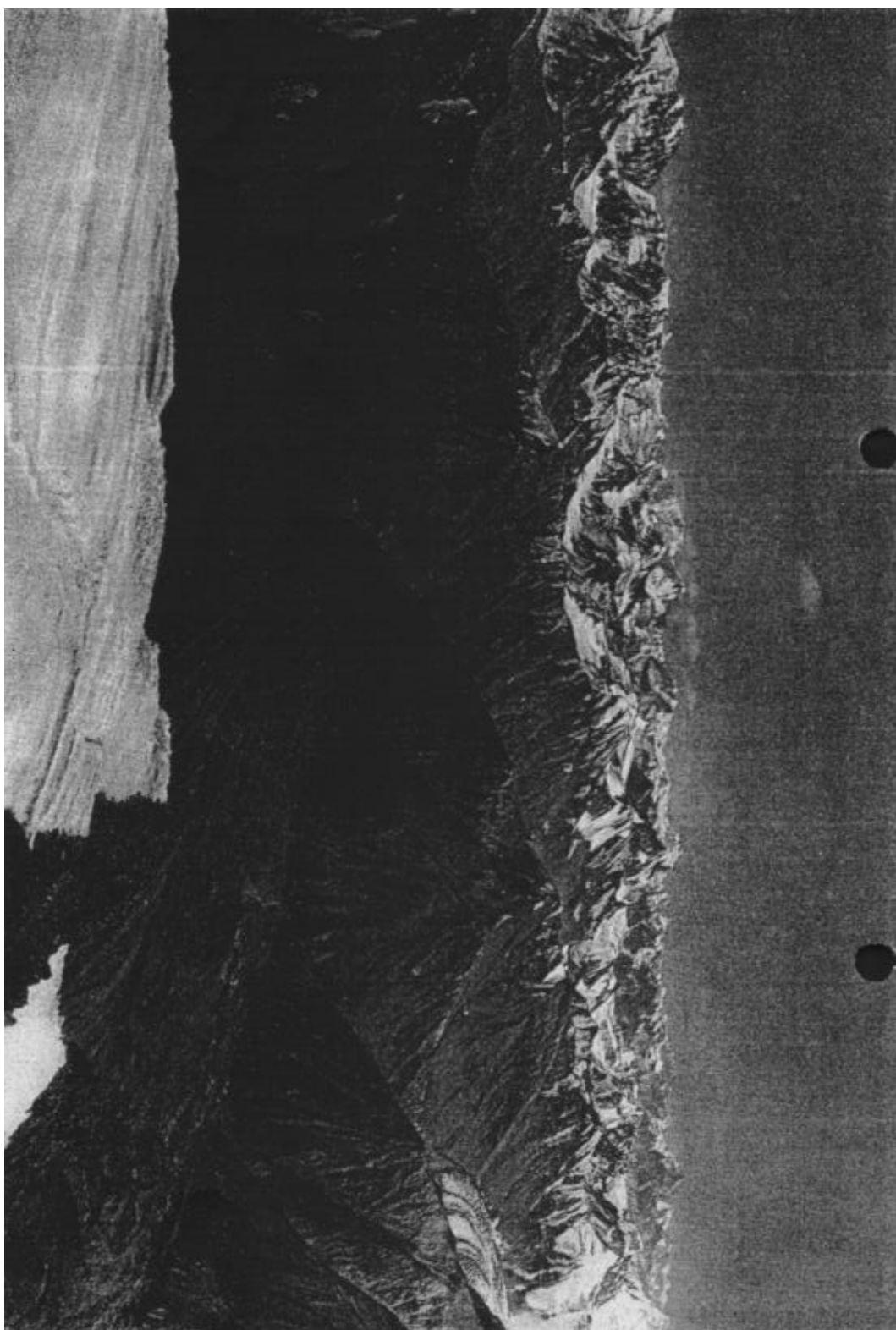


Рис. 42. Вид из района экспедиции 1913 года (Мирзаташ) в направлении Западного Памира. Вдали горы ледника Федченко, на переднем плане закрытый моренным чехлом язык ледника Гармо.

точке находится высочайшая вершина обоих хребтов. Согласно данным экспедиции Альпклуба 1913 года, это Сандал высотой 7050 м.^{75,76}

Алайско-Памирская экспедиция, подойдя к Западному Памиру с востока, не достигла области работ 1913 года, за исключением долины Ванча, а также старых морен ледника Муксу на севере у Дамбурачи, куда ненадолго заезжал Рикмерс. Между районами работ обеих экспедиций проходит полоса, на которую не ступили ни в 1913, ни в 1928 году, но которая, тем не менее, частично просматривалась. Самая важная часть этой нехоженной области — вышеупомянутая кульминация Восточного хребта Петра Великого, горный узел Гармо.

Впервые мы увидели узел Гармо и дикий Дарвазский хребет из верховьев Федченко, оттуда прежде всего приковывала внимание могучая фирновая трапеция вершины Гармо, значительно превосходящая по высоте все остальное. Затем переход по низовьям ледника Федченко провел нас в непосредственной близости от узла Гармо, но неожиданно вставшие впереди скальные стены расположенных вдоль ледника Федченко хребтов препятствовали более глубокой разведке внутренней области могучего горного массива. Попытка альпинистов взойти на пик Гармо началась с одного такого еще на 15 км удаленного от Гармо отрога и потерпела неудачу гораздо ниже высоты его гребня, так что и это мероприятие не принесло дальнейшего прояснения.⁷⁷

Только фотограмметрические съемки с хребта Каинды и с пика Горбунова (рис. 41 на стр. 120, рис. 26 на стр. 77) в некоторой степени приоткрыли тайну узла Гармо. Обработка этих съемок, которая могла быть произведена лишь после завершения экспедиции, в итоге показала, что не только экспедиция Альпклуба 1913 года, но и мы в Алайско-Памирской экспедиции сильно недооценивали масштабы и дикость этого горного массива. Особенно поразила установленная высота пика Гармо,⁷⁸ достигающая почти 7500 м. Тем самым высочайшей горой России является пик Гармо, а не Ленина, как до сих пор считалось, который со своими 7130 м сильно уступает Гармо по высоте. — *От пика Гармо на север и на юг тянется высокий хребет⁷⁹ с массивными вершинами, многие из которых обрываются на восток страшными крутыми стенами. Очень велика также и относительная высота этого хребта, он на 4000 м превосходит ледник Федченко. В самом северном его отроге у Алтын Мазара стоят Музджилга и Сандал. Исключительно трудным должно быть восхождение на пик Гармо и соседние с ним вершины с восточной стороны, с ледника Федченко. Согласно наблюдениям экспедиции 1913 года, западная сторона*

⁷⁵В действительности высочайшая вершина носит название пик Гармо, в то время как Сандал, стоящий напротив Алтын Мазара, имеет высоту всего 6100 м. — *Измерения Даймлера, давшие 7050 м, сами по себе правильные, относились к одной из высочайших вершин, находящихся южнее, бывшей в это время в тумане. — прим. автора*

⁷⁶Современное название пика Гармо — пик Коммунизма 7495 м. Даймлер в 1913 году измерил в тумане, по-видимому, высоту пика Евгении Корженевской 7105 м.

⁷⁷Здесь описано, как немецкие альпинисты безуспешно пытались пройти к пику Гармо — Коммунизма — через перевал Большой Фонтан (ЗБ). То что этот перевал на самом деле не ведет к пику Гармо, немцам в тот момент пока еще не было известно.

⁷⁸Современное название — пик Коммунизма 7495 м

⁷⁹Хребет Академии Наук

предоставляет более благоприятные возможности для восхождения из долины Гармо, так как в ее верховьях менее крутые ледники с фирновыми полями более альпийского характера простираются далеко вверх. Напротив, с восточной стороны, насколько мы могли установить, как ледник Гармо Восточный,⁸⁰ так и ледник Малый Танымас непосредственно упираются в крутые скальные стены.

Как уже было заявлено с самого начала, прилагаемое краткое описание не претендует ни на какую полноту и систематическую проработку, оно должно резюмировать и дополнять то, что было сказано об экспедиционной области в отчетах альпинистов; оно, как я хотел бы подчеркнуть, не должно представлять собой выдержку из обширной и многосторонней научной деятельности во время экспедиции или из ее результатов. Желая ознакомиться с научной деятельностью, охватывающей топографию, геологию, зоологию и языковедение, отсылаются к предварительному экспедиционному отчету в «Дойче Форшунг».⁸¹ Окончательные научные результаты будут представлены и опубликованы позднее.

Научную и альпинистскую деятельность Алайско-Памирской экспедиции объединяет то, что и та, и другая имела перед собой непаханую целину, предоставляющую изобилие самых благодарных задач как для науки, так и для альпинизма. В тесном, успешном сотрудничестве часть этих задач решить удалось, однако большая часть решена лишь частично или пока не решена вовсе. Продолжение этих незавершенных работ остается последующим экспедициям.

Примечания к картографическим приложениям

Хотя в данном журнале речь идет в сущности об альпинистской деятельности Алайско-Памирской экспедиции, нельзя упустить также один научный результат экспедиционной работы, а именно, обзорную карту.

Обзорная карта охватывает не только область работ Алайско-Памирской экспедиции, но и большей части экспедиции Альпклуба 1913 года. Распространение карты на экспедиционную область 1913 года оказалось желательным, так как в результате работ 1928 года, являющихся продолжением и дополнением работ 1913 года, она была переосмыслена и вызвала новый интерес. Кроме того, картографические результаты 1913 года были опубликованы лишь частично, а именно, в виде предварительной схемы хребтов в этом журнале в 1914 году, в то время как результаты последующей обработки фотограмметрических съемок большинству членов Альпклуба могли остаться неизвестными. Они были использованы при издании обзорной карты.

Представленная на обзорной карте местность не воспроизводилась с унифицированной точностью и полнотой. Степень изученности отдельных частей исключительно

⁸⁰По-видимому, здесь имеется в виду ледник Бивачный

⁸¹«Дойче Форшунг», сборник 10. Алайско-Памирская экспедиция 1928 года. Издательство Карл Сигизмунд, Берлин. — прим. автора

различается, в соответствии с этим карта сама по себе неоднородна и до определенной степени является штучным произведением.

В частности, были использованы следующие документы.

1. В экспедиционной области Алайско-Памирской экспедиции — картографические приложения сборника 10 «Дойче Форшунг».⁸² Эта часть нанесена согласно предварительным данным по триангуляции на основании фотосъемки. Она воспроизведена со всей надежностью и полнотой прежде всего в районах Федченко и Танымаса, в меньшей степени в долинах Саукдары и Караджилги, и лишь схематически для Заалая и районов Внутреннего Памира, а также в бассейне долины Беляндкиика.
2. В области работ экспедиции Альпклуба 1913 года:
 - а) схема хребтов Каратегина, воспроизведенная д-ром фон Грубером на основании фотограмметрического материала экспедиции 1913 года;⁸³ она включает в себя схему Западного хребта Петра Великого и горную страну Тупчек;
 - б) карта-схема 5, приложенная в книге Клеббельсберга «Статьи по геологии Западного Туркестана»,⁸⁴ в соответствии с ней нанесены Мазарские Альпы; изображение ледников во всем районе опирается на их подробное описание в вышеназванной книге Клеббельсберга;
 - в) долины Гармо, Гандо и Суграна составлены согласно ориентированным измерительным съемкам Даймлера.
3. Южные боковые долины Муксу между долиной Суграна и Алтын Мазаром нанесены на основании схемы Корженевского.⁸⁵
4. Периферийные районы; долина Бартанга на юге, Алайская долина и часть Алайского хребта на севере, а также Внутренний Памир воспроизведены на основании русской 10-верстной карты масштаба 1:420000. В этих местах в некоторой степени надежны только направления главных долин, в то время как начертания гор в высшей степени сомнительны. Соответственно этой ненадежности там нанесены, кроме линий долин, только направления главных хребтов.

⁸² «Дойче Форшунг», сборник 10. Алайско-Памирская экспедиция 1928 года. Издательство Карл Сигизмунд, Берлин. — *прим. автора*

⁸³ Опубликована в Журнале Географического Общества, Берлин, 1925; см. также: д-р О. фон Грубер, «Топографические результаты Памирской экспедиции Немецко-Австрийского Альпклуба 1913 года». Архив по фотограмметрии, Вена, 1923. — *прим. автора*

⁸⁴ Издательство университета Вагнера, Инсбрук, 1922 — *прим. автора*

⁸⁵ «Муксу и ее ледники» (на русском языке). Работа Гидрометеорологического отделения, т. 1, сборник 1. Ташкент, 1927. — *прим. автора*

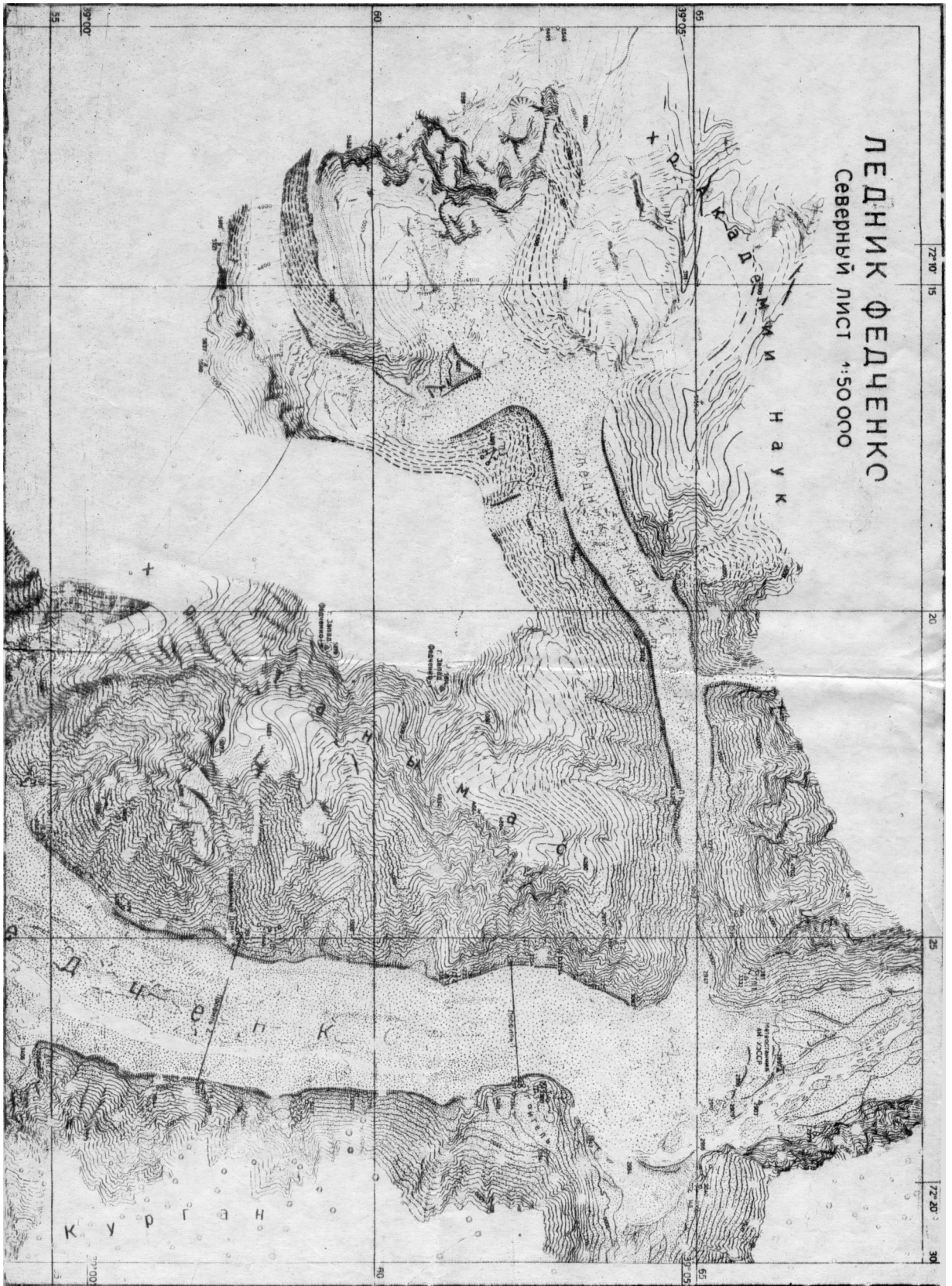


Рис. 43. Карта района ледника Федченко, изданная на основе данных Алайско-Памирской экспедиции 1928 года.

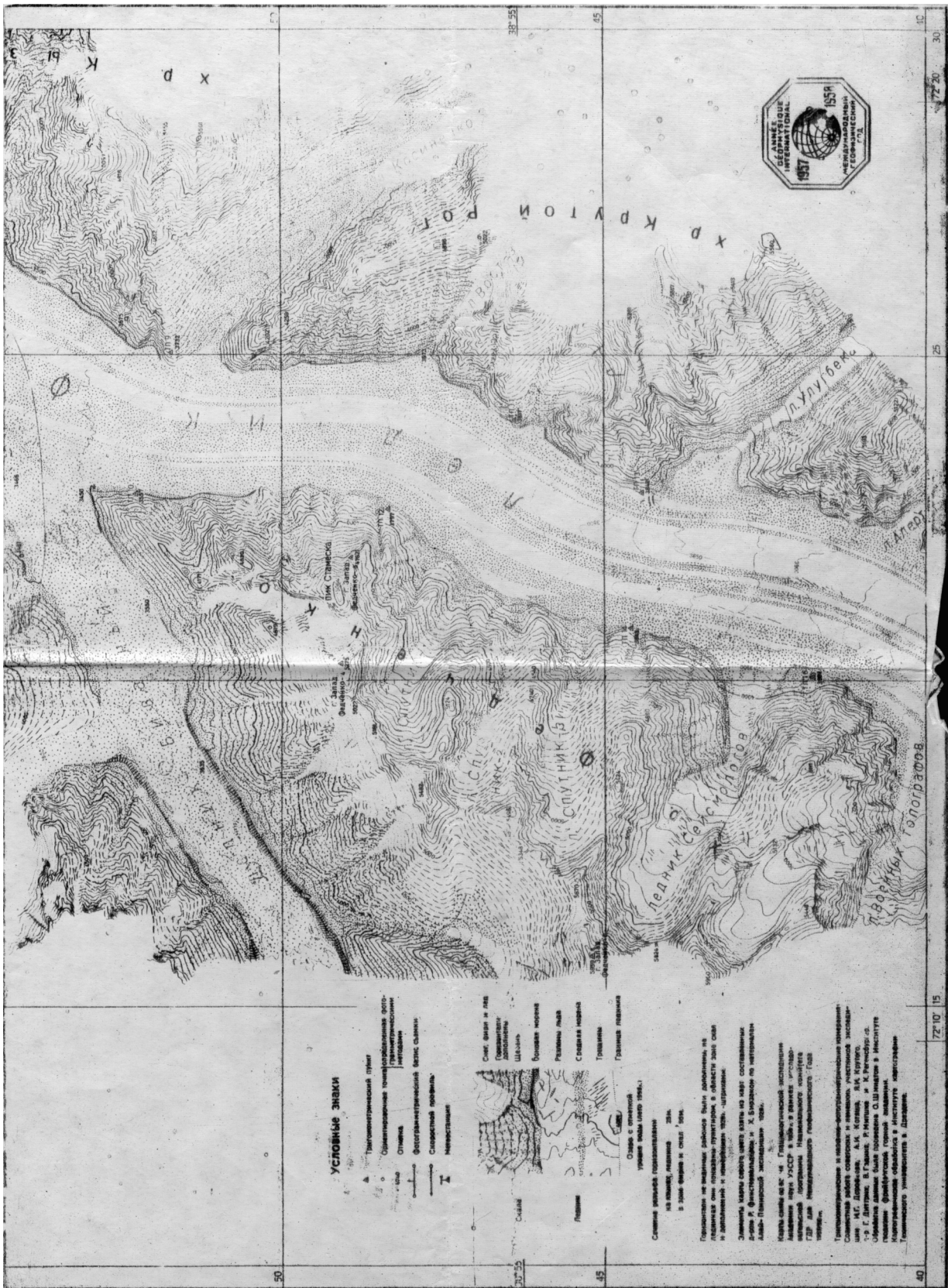


Рис. 44. Карта района ледника Федченко, изданная на основе данных Алайско-Памирской экспедиции 1928 года.

Список иллюстраций

1	Караван верблюдов в Оше.	16
2	Каракуль, 3950 м, вид с севера. На дальнем плане Музкол, 6000 м.	23
3	Восточный берег Каракуля и гора Коксукурбаши, примерно 5700 м. На переднем плане киргизские юрты.	24
4	Жорас 6200 м, вид с востока.	32
5	В долине Караджилги, крайняя справа — Трапедия 6100 м.	36
6	«Скрытая долина» внешней Караджилги. Типичный ледник Внутреннего Памира.	36
7	Киргиз с яком, долина Караджилги.	38
8	На пути от Караджилги до Танымаса. Внутренний Памир.	38
9	На языке ледника Танымас-2.	42
10	Низовья ледника Общества Взаимопомощи.	43
11	Ледник Общества Взаимопомощи, ледник Танымас-2, вид с хребта Арал 5530 м. Слева Холодная Стена 5950 м.	44
12	Боковой рукав ледника Общества Взаимопомощи в среднем течении. Кальгаспоры.	46
13	Трудный путь по леднику Общества Взаимопомощи.	47
14	Верховья ледника Общества Взаимопомощи, пик Треуголка 6950 м, справа пик Фиккера 6726 м.	48
15	Белый Рог 5980 м и Дент Бланш, вид с севера.	51
16	Ледник Академии Наук, на переднем плане ледник Федченко, вид на запад. Справа пик Палю 5670 м, слева вдали Высокий Танымас 6000 м.	54
17	С санями по леднику Академии Наук.	55
18	Западный Памир, Медвежья долина, вид на запад.	56
19	Западный Памир, вид на запад с пика Палю 5670 м.	59
20	Ледник Ванч ниже перевала Кашалаяк, вид на запад.	61
21	Горы Дарвазского хребта, вид с перевала Кашалаяк 4350 м.	62
22	Река Ванч выше Пой Мазара.	64
23	Высокий Танымас 6000 м, с предвершиной, вид на запад.	69
24	Пик Фиккера 6726 м, вид с подъема на Широкий Рог.	71
25	Широкий Рог 6850 м, вид из верховьев ледника Федченко.	72
26	Пик Гармо 7490 м, перед ним горы к западу от низовьев Федченко, вид с пика Горбунова 6030 м.	77

27	Нижние 30 км ледника Федченко, вид на север.	79
28	Конец языка ледника Федченко с моренными полями.	80
29	Музджилга 6300 м, Сандал 6000 м, вид из Алтын Мазара.	83
30	Средняя часть долины Саукдары, вид на восток. В центре пик Ленина, 7130 м.	86
31	В лагере Кузгунтокай.	87
32	Вид на Заалайский хребет с Алайского (Каратепе, 4000 м). В центре пик Ленина, 7130 м.	92
33	Шнайдер после возвращения с пика Ленина.	102
34	Участники Алайской экспедиции в октябре 1928 года. Слева направо, второй ряд: В. Райниг, Л. Нёт, Х. Бирзак, К. Вин, Э. Шнайдер, Р. Финстервальдер; первый ряд: Е. Алльвайн, В. Р. Рикмерс, Ф. Борхерс. . . .	104
35	Карта-схема Памира и Западного Туркестана.	107
36	Верховья долины в Южном Зулумарте.	111
37	«Перевальный лагерь». Середина августа 1928 года. За ним ледник Танымас-4, 4350 м.	114
38	Ледник 5 в верховьях долины Танымаса.	115
39	Верховья ледника Федченко, вид на юг. Слева на переднем плане ледник Наливкина, справа в центре ледник Академии Наук. Вдали пики Фиккера 6720 м, Треуголка 6950 м, Широкий Рог 6850 м.	118
40	Среднее течение ледника Федченко, вид на северо-запад (Дарвазский хребет).	119
41	Низовья ледника Федченко, вид в направлении долины в сторону узла Гармо (в центре пик Гармо, 7500 м).	120
42	Вид из района экспедиции 1913 года (Мирзаташ) в направлении Западного Памира. Вдали горы ледника Федченко, на переднем плане закрытый моренным чехлом язык ледника Гармо.	124
43	Карта района ледника Федченко, изданная на основе данных Алайско-Памирской экспедиции 1928 года.	128
44	Карта района ледника Федченко, изданная на основе данных Алайско-Памирской экспедиции 1928 года.	129